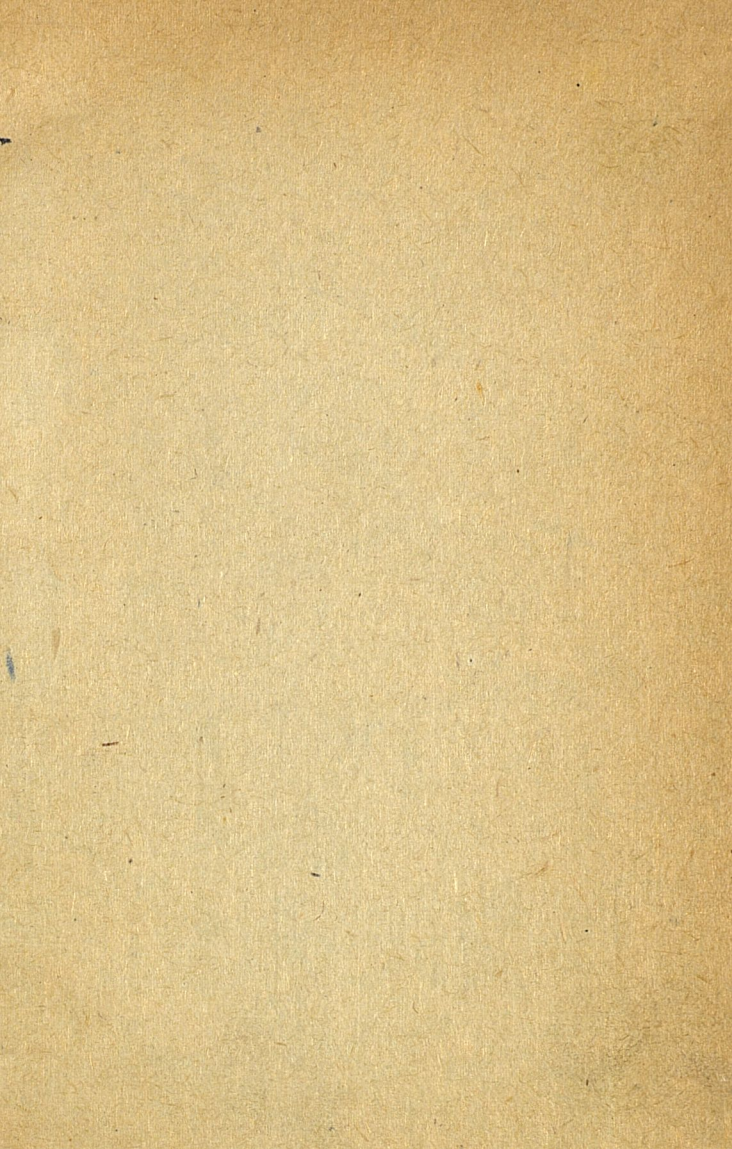

E 66
348

2 66
348

Am

348

СЦЕНЫ

ИЗЪ

КУПЕЧЕСКАГО БЫТА

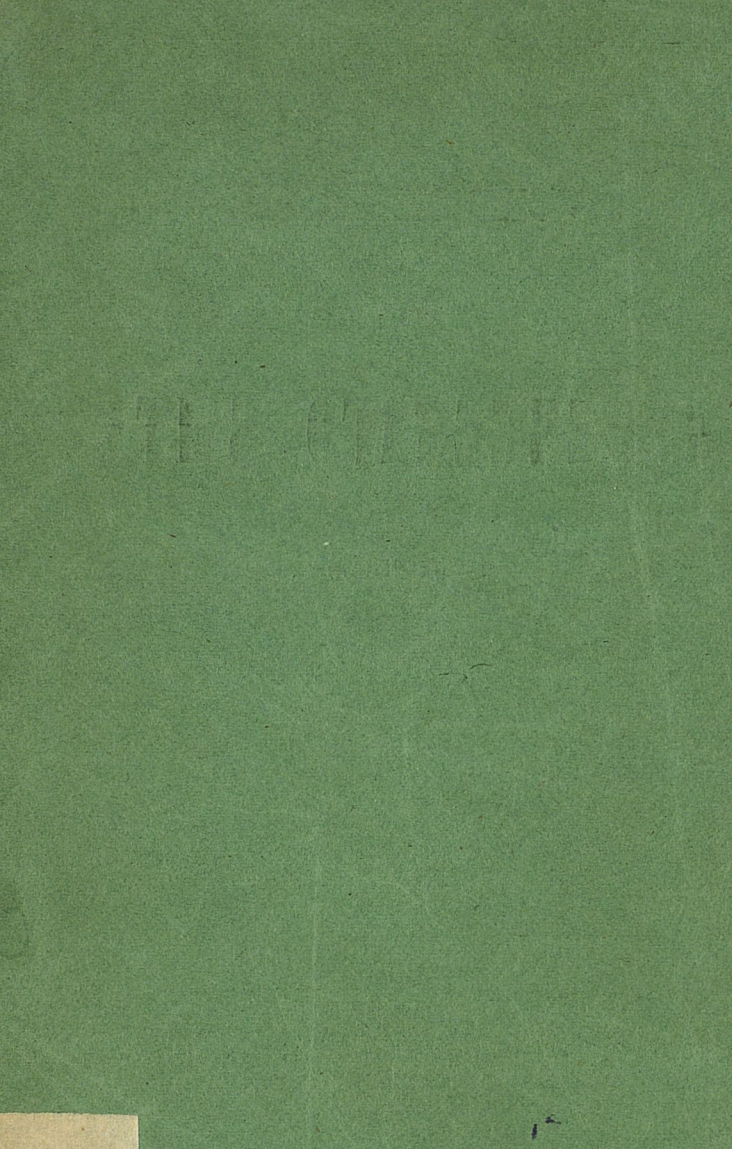
Н. ЛЕЙКИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА С. В. ЗВОНАРЕВА.

1871.

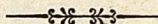

6 348
СЦЕНЫ

ИЗЪ

3/4 м 38
8 м
КУПЕЧЕСКАГО БЫТА

Н. ЛЕЙКИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

6094-0

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА С. В. ЗВОНАРЕВА.

1871.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Новый годъ	1
✓Полученіе медали	19
На святкахъ	29
Въ маскарадѣ	39
Въ театрѣ	46
Новая солдатчина	55
Черное Море	65
На Мануфактурной Выставкѣ	71
✓Въ баняхъ	79
Дѣтскіе сады	86
Его степенство	91
Парильщикъ	101
Рабочій день въ акціонерной конторѣ	124
Наша коммерція	154

OTJABKIN

1	Иванов Иван
2	Петров Петр
3	Сидоров Сидор
4	Климов Клим
5	Васильев Василь
6	Попов Поп
7	Морозов Мороз
8	Ильин Иль
9	Кузнецов Кузьма
10	Лебедев Леб
11	Зайцев Зай
12	Смирнов Смир
13	Михайлов Михай
14	Федотов Фед
15	Харьков Харь
16	Мухоморов Мух
17	Павлов Пав
18	Соколов Соко
19	Борисов Бори
20	Воробьев Вор
21	Александров Алек
22	Колесников Кол
23	Волков Вол
24	Григорьев Григ
25	Яковлев Яков
26	Савин Сав
27	Матвеев Матв
28	Пестов Пест
29	Скворцов Сквор
30	Воронин Воро
31	Антонов Анто
32	Бухарин Бух
33	Варваров Вар
34	Гришин Гриш
35	Давыдов Дав
36	Зинин Зин
37	Киселев Кис
38	Лавров Лав
39	Мельников Мель
40	Новиков Нов
41	Осипов Осип
42	Полухин Пол
43	Романов Ром
44	Соловьев Соло
45	Тихонов Тих
46	Устинов Уст
47	Фролов Фро
48	Харченко Харь
49	Цыганов Цыг
50	Чайков Чай
51	Шевченко Шев
52	Щербатов Щер
53	Юрьев Юрь
54	Якушев Якуш
55	Яковлев Яков

НОВЫЙ ГОДЪ

(сцены).

Новый годъ. Утро. Еще и десяти часовъ не било, а ужъ въ залѣ у купца Обрубаева въ углу былъ поставленъ столъ, покрытый бѣлой скатертью, и на столѣ стояла закуска: пирогъ съ сигомъ и визигой, селедки, икра, сыръ, сардинки и цѣлая шеренга бутылокъ съ самыми пестрыми ярлыками и графиновъ съ серебряными ожерельями, въ которыя были вставлены бумажки съ надписями въ родѣ слѣдующихъ: «на косточкахъ, желудочная, для живота». На двухъ же графинахъ съ простой водкой надписи гласили: на одномъ — «купеческая», на другомъ — «монашеская». Самъ хозяинъ Иванъ Лукичъ, полный мужчина въ новомъ сертукѣ и съ напояженною полусѣдою бородою, изъ подъ которой виднѣлись двѣ золотыя медали, скрипя ярко вычещенными сапогами, важно ходилъ по комнатѣ, въ полъ-голоса напѣвалъ «прежде вѣкъ отъ отца» и ожидалъ гостей, долженствующихъ явиться съ визитами.

По залу пробѣжала горничная съ цѣлымъ ворохомъ туго накрахмаленныхъ юбокъ и скрылась, въ гостинной, гдѣ одѣвались жена и дочь Ивана Лукича. Оттуда послышался пискливый женскій голосъ.

— Ахъ Марья! Боже мой! Срамъ какой! Да что же ты двери-то?..

Двери притворились.

Въ прихожей на ясномъ ларѣ, какъ разъ подъ двернымъ колокольчикомъ, сидѣлъ мальчикъ Ивана Лукича, который украдкой вынималъ по кусочкамъ изъ брючнаго кармана какой то пряникъ и ѣлъ его, стараясь не чавкать губами. Когда хозяинъ подходилъ къ дверямъ или заглядывалъ въ прихожую, мальчикъ вскакивалъ съ мѣста и переставалъ жевать.

Въ прихожей раздались шаги, откашливанье въ кулакъ и въ залу вошли молодцы Ивана Лукича.

— Съ новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ! Дай Богъ!.. Сто лѣтъ... заговорили они и закланялись.

— Спасибо, спасибо! отвѣчалъ хозяинъ.—У ранней обѣдни были?

— Проспали, грѣшнымъ дѣломъ, отвѣчалъ кто-то изъ бойкихъ.

— Трафили да не вышло-съ, откликнулся одинъ изъ заднихъ.

— Не хорошо. А ежели Богъ насъ забудетъ, такъ какъ вы забыли Его? Знаете притчу о дѣвахъ со свѣтильниками?..

— Знаемъ-съ, только Богъ милостивъ.

— Ну, вотъ выпейте водки, да закусите.

Молодцы подошли къ столу, стали наливать рюмки.

— Закусывайте чѣмъ нибудь однимъ, чтобы закуску-то не портить, а то только растреплите, сказалъ хозяинъ.

Молодцы выпили и начали тыкать вилками въ салатку.

— Ну теперь съ Богомъ! Въ лавку пора. Давеча, у меня Власовъ былъ, я ему сказалъ, чтобъ въ два часа заператься.

Власовъ былъ старшій прикащикъ.

Молодцы начали переминаться съ ноги на ногу и не уходили.

— Дозвольте послѣ запору со двора?... проговорилъ одинъ изъ нихъ.

— Ладно, я сказалъ Власову. Поди, денегъ нужно?

— Малую толику требуется-съ.

— Онъ по три рубля выдастъ. Да смотрите у меня, не напиваться!

— Зачѣмъ напиваться... Господи!

— Ну съ Богомъ.

Молодцы поклонились и вышли, дожда по дорогѣ куски булки.

Иванъ Лукичъ заглянулъ въ прихожую.

— Сенька! Перетри рюмки, да поставь ихъ на мѣсто, сказалъ онъ мальчику.

Тотъ бросился было исполнить хозяйское приказаніе, но въ это время раздался звонокъ. Иванъ Лукичъ по-

смотрѣлся въ зеркало и поправилъ медали. Въ гостинной что то зажужжало и дверь захлопнулась еще плотнѣе.

— Изъ Туляковыхъ бань парильщики! доложилъ въ дверяхъ мальчикъ.

— Сейчасъ, проговорилъ Иванъ Лукичъ и вышелъ въ переднюю.

Въ передней стояли мужики и обтирали о половики сапоги.

— Съ новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ, Иванъ Лукичъ! Дай Богъ вамъ... заговорили мужики.

— Спасибо! отвѣчалъ Иванъ Лукичъ и обратясь къ мальчику проговорилъ:—принеси въ столовую... Войдите, ребята, вонъ въ ту комнату, указалъ онъ мужикамъ.

Мужики вошли въ столовую и начали креститься на образа, помѣщавшіеся въ углу въ роскошной «божницѣ».

— Божіе-то милосердіе! Мать Пресвятая!.. Эко богатство... Царица Небесная! проговорилъ одинъ парильщикъ, кивая на серебряные образа, ткнулъ другаго въ бокъ и тихо прибавилъ:—поди вѣдь вся тысяча тутъ...

Иванъ Лукичъ подбоченился и самодовольно крякнулъ.

— Что, въ среду бани не топили?

— Нѣтъ-съ, Иванъ Лукичъ. Вѣдь у насъ этого заведенія нѣтъ. Передъ Рождествомъ ежели, да передъ Пасхой топимъ, а передъ новымъ годомъ зачѣмъ?.. отвѣчалъ парильщикъ, кашлянулъ, хотѣлъ плюнуть, но, не нашедши на полу приличнаго мѣста, плюнулъ въ руку и отеръ ее о тулупъ.

— Долгонько у насъ, Иванъ Лукичъ, не изволили быть, прибавилъ другой парильщикъ.

— Какъ долгонько? наканунѣ сочельника былъ...

— Это точно съ, только съ тѣхъ поръ, Иванъ Лукичъ, много воды утекло...

Мальчикъ внесъ въ столовую четвертную бутылъ и стаканъ, сзади его кухарка несла край пирога.

— Ну-ко... сказалъ хозяинъ и взялся за бутылъ.

Парильщики перекрестились. Въ прихожей опять раздался звонокъ.

— Сторожа изъ рынка! проговорилъ вошедшій въ столовую мальчикъ.

— Зови.

Въ столовую вошли сторожа въ бараньихъ шубахъ, крытыхъ синимъ сукномъ, и съ головами, жирно намазанными деревяннымъ масломъ. Начались поздравленія.

— Ну, вотъ за одинъ скрипъ и начинайте! Господи благослови! проговорилъ хозяинъ, наливъ стаканъ водки.

— Сами-то, отецъ нашъ, пригубте! Сами-то... упрасивалъ одинъ изъ парильщиковъ.

Хозяинъ отпилъ полъ-стакана. Въ двери заглянула голова хозяйки.

— Иванъ Лукичъ, поди-ко сюда.

Тотъ подошелъ.

— Ты съ утра-то, не очень... вѣдь еще много придется...

— Господи! знаю. Неушто я несмысленокъ? отвѣчалъ тотъ и отошелъ отъ двери.

Началось водкопитіе. Толпа поздравителей еще усилилась. Пришли счетчики изъ банка.

— Подходите, подходите! не задерживайте... говорилъ хозяинъ, то и дѣло наполняя опорожняемый станъ.

Четверть была уже наполовину выпита... Парильщики сторожа и счетчики запихивали въ рты куски пирога. Разговорчивый парильщикъ, прожевавъ кусокъ, подошелъ къ хозяину, умильно взглянулъ на него и сказалъ:

— А посмотрю я, Иванъ Лукичъ, много васъ народу чествуетъ. Страсти Божіи!.. И всѣхъ-то вы по своей добротѣ угощаете и денежной милостью одѣляете... Какъ подумаешь, такъ праздникъ-то—и ахъ какъ,—въ копѣчку вскочить! Конечно, вы купцы богатые и можете полъ-Питера накормить, а все-таки...

Хозяинъ самодовольно улыбнулся и заговорилъ:

— Это еще что, это ты и четверти не видишь. Еще дворники придутъ, мусорщики, сторожа изъ трехъ церквей, трубочисты... Да мало-ли народу ко мнѣ съ поздравленіемъ ходить! Видишь четвертную бутылъ? Вотъ эдакихъ у меня шесть припасено; а къ вечеру можетъ и одной не останется...

— Вѣдь эта самая доброта ваша, Иванъ Лукичъ, на томъ свѣтѣ зачтется-съ, вѣрьте совѣсти... вставилъ слово

рыночный сторожъ, кашлянулъ и умильно взглянулъ на хозяина.

— А въ Рождество? Въ Рождество у меня изъ десяти церквей попы были, продолжалъ тотъ:—съ двухъ подворьевъ монахи и два хора пѣвчихъ. Одинъ хоръ я такъ накатилъ, что мои молодцы ихъ на рукахъ вынесли и, какъ дрова, въ кареты поклали... А почему? Потому я это самое хлѣбосољство люблю...

— Зачтется-сь. Ей-ей — зачтется...

— Это точно-сь... Потому сказано: блаженъ рабъ еже... началъ было счетчикъ, но не докончилъ и запихнулъ въ ротъ кусокъ пирога...

— Къ вамъ письмо-сь... Какая-то дѣвочка принесла, проговорилъ вошедшій мальчикъ и подалъ письмо...

— Знаю. Надо статья на бѣдность просять, сказалъ хозяинъ и прочелъ конвертъ: его боголюбію, господину купцу Ивану Лукичу Обрубаеву...

Присутствующіе слегка наклонили головы и начали слушать. Хозяинъ разорвалъ конвертъ и, растягивая слова, началъ читать письмо. Въ письмѣ стояло слѣдующее:

«Будучи обременена четырьмя малолѣтними младенцами и мужемъ по жестокосердію сидящимъ въ долговой тюрьмѣ, будучи не въ силахъ снискивать себѣ пропитанія трудами рукъ своихъ, по причинѣ одержимости болѣзною и будучи беременна пятымъ, наслышась о вашемъ благочестіи и незыблемой жадѣ утѣшать страждущихъ, молю, ваше боголюбіе, о помощи, дабы я съ

младенцами, въ сей первый день года могла вознести мольбы къ Всевышнему о вашемъ, а равно и семейства вашего здравіи».

Слѣдовала подпись.

На, рубль. Дай ей, сказалъ Иванъ Лукичъ, доставая изъ толстаго бумажника бумажку и подалъ мальчику.

— Зачтется, зачтется, заговорила поздравляющая братія, умильно заглядывая въ бумажникъ, изъ котораго выглядывали всѣхъ цвѣтовъ депозитки.

Распоивъ почти всю четверть и одѣливъ каждую партію по рублю, хозяинъ простился, ушелъ въ залу и запѣлъ было «Дѣво днесъ», но раздался звонокъ.

Въ комнату вошелъ гость въ усахъ, съ длиннымъ носомъ, въ чиновничьемъ мундирѣ и со шпагою...

— Алексѣй Иванычъ! Батюшки! Совсѣмъ офицеръ и при шпагѣ!.. заговорилъ хозяинъ и облобызался съ гостемъ. Что это вздумалось? Служишь что ли гдѣ?

— Въ пріютѣ... Внесъ-съ передъ праздникомъ... Потому оно лучше... По крайности на городскую службу не выберутъ и опеки не навяжутъ.

— Да вѣдь разныя опеки бываютъ. Можно хорошую достать. Вонъ у Манькова. Торговать не надо — вотъ какая опека!..

— Ваши здоровы-ли?

— Пудрятся. Все еще одѣться не могутъ! Извѣстно — женщины! Анна Ивановна! крикнулъ Иванъ Лукичъ...

— Ахъ Господи! да сейчасъ! слышалось изъ гостиной...

— Не тревожьте ихъ, потому я на минутку...

— Хереску...

— Да неловко съ утра-то! Развѣ ужъ съ вами! Еще у Платона Иваныча придется выпить. Тамъ ужъ не отговоришься... По начальству пріютскому еще надо съѣздить...

— Одну-то ничего.

Хозяинъ и гость выпили по рюмкѣ, при чемъ гость какъ не изловчался, никакъ не могъ выпить, чтобы не обмочить въ рюмкѣ кончика своего длиннаго носа.

— Какъ торгуете?

— Да ничего слава Богу! На порядкахъ!... отвѣчалъ гость, запихивая себѣ въ ротъ кусокъ сыру. У насъ сыръ-то важный! Пришлите я вамъ отпущу...

Заслыша звонъ рюмокъ, супруга Ивана Лукича тотчасъ же выплыла изъ гостиной. Это была толстая женщина съ двойнымъ подбородкомъ и заплывшими жиромъ глазами.

— Ты опять, я слышу, тутъ пьешь? Поудержись съ утра-то. Вѣдь еще къ генералу ѣхать надо, проговорила она мужу и поздоровалась съ гостемъ.

Сзади ея слѣдовала дочь, молоденькая дѣвушка въ синемъ шелковомъ платьѣ. Началось удивленіе мундиру гостя. По требованію дѣвушки, гость даже вынулъ шпагу изъ ноженъ и объявилъ, что заплатилъ за нее десять рублей.

— Охота это вамъ въ чиновники?.. спросила она. — Чиновники такіе смѣшные...

— Ничего, такъ лучше... отвѣчалъ ни къ селу ни

къ городу, замаявшійся было гость, но супруга Ивана Лукича вывела его изъ замѣшательства.

— Пелагея Ивановна, здорова ли? спросила она.

— Все хворають.

— Я сама: то мельканіе въ глазахъ, то дрожаніе въ ногахъ... У ранней обѣдни были?

— Проспали-сь. Да Поличка и не ходятъ къ ранней обѣдни... Онѣ слабы...

— Нѣтъ, я люблю, потому потомъ днемъ хорошо спишь. Въ театрѣ были на праздникахъ?

— Какъ же-сь. «Запретный плодъ» смотрѣли. Ничего, — только много морали на женщинъ и на мужчинъ напущено.

Гость началъ прощаться. Хозяинъ предложилъ «выпить на дорожку». Жена было начала его останавливать но Иванъ Лукичъ все-таки выпилъ. Гость ушелъ.

Въ залу вошелъ пожилой мужчина въ порыжеломъ длинно-поломъ сертукѣ. За руку онъ велъ маленькаго сына лѣтъ семи.

— Съ новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ! заговорилъ онъ подобострастно кланаясь каждому члену семейства.

— А Гонцовъ, здравствуй! Какъ маешься? сказалъ хозяинъ и подалъ гостю по генеральски два пальца...

— Перебиваемся по маленьку, пока Богъ грѣхамъ терпитъ, Иванъ Лукичъ, отвѣчалъ гость и обѣими руками схватилъ два хозяйскіе пальца.—Вотъ крестника вашего привелъ.

— Здравствуй, здравствуй, молодецъ! Поди, я тебя поцѣлую,

— Нѣтъ-съ, позвольте-съ, дайте ему прежде свое дѣло исполнить, и отецъ загородилъ собою сына. — Скажи рацею тятеньки крестному! — Онъ вамъ рацею выучилъ.

Иванъ Лукичъ подбоченился и началъ разсматривать ребенка. Тотъ смутился и заплакалъ.

— Не плачь, не плачь, говори-же. Вѣдь ты знаешь... ободрялъ его отецъ.

— Да не надо. Полноте вамъ ребенка-то мучить... откликнулась супруга Ивана Лукича.

— Какъ не надо, — помилуйте. Мы ему двѣ недѣли въ голову вбивали.

Кой какъ наконецъ ребенокъ пришелъ въ себя и сквозь слезы началъ.

«Съ новымъ годомъ поздравляю,

Папа крестный дорогой,

Счастья радости желаю

И чтобъ жить вамъ вѣкъ большой,

Дай вамъ Боже многи лѣта... и т. д.

Во все время чтенія, отецъ такъ и юлилъ около сына. Гладилъ его по головѣ, подпихивалъ въ спину и подсказывалъ слова вродѣ: «чтобъ усыпать вашъ путь», «не закатились дни» и т. п. Ребенокъ наконецъ кончилъ, раздвинулъ полы отцовскаго сертука и уткнулся отцу въ брюхо.

— Ахъ какой безобразный мальчикъ! Ахъ какая дрянь!

Ну такъ-ли я тебя училъ? бормоталъ отецъ, вытаскивая его изъ-подъ своего сертука. — Скажи: пожалуйста де, тятенька крестный, ручку поцѣловать.

Не дожидаясь отвѣта, Иванъ Лукичъ тотчасъ же самъ сунулъ къ губамъ ребенка руку и полѣзъ въ бумажникъ.

— Ну вотъ тебѣ на пряники! проговорилъ онъ, доставая зелененькую бумажку и подавая ее крестнику.

— Благодари, благодари. Цѣлуй еще ручку!

— Не надо! не надо! говорилъ Иванъ Лукичъ. — Вотъ выпей лучше водки да закуси, сказалъ онъ Гонцову...

— Раненько будетъ, а впрочемъ позвольте...

Жена и дочь Ивана Лукича тотчасъ же схватили ребенка и начали его цѣловать. Гонцовъ приблизился къ столу съ закуской.

— Что же выпить прикажите? спросилъ онъ.

— Пей, что хочешь...

— Мадера, желудочная, манашеская, купеческая, прочиталъ онъ ярлыки.—Я ужъ купеческую...

— Пей. Это сподручнѣе. Ты хоть и прогорѣлый, а все-таки купецъ. Пей двухспальную... Что маленькую рюмку-то наливаешь? Вѣдь любишь. Ужъ скрываться-то нечего. Эво носъ-то какой! Сизокрасной съ крапинками.

— Отъ золотухи-съ...

— Знаемъ мы эту-то золотуху...

Вошелъ еще гость. Это былъ мужчина лѣтъ трид-

цати пяти въ отрепанномъ фракѣ, въ грязной рубашкѣ и въ дырявыхъ сапогахъ. Въ рукахъ онъ мялъ фуражку съ кокардой.

— Съ новымъ годомъ, Иванъ Лукичъ! проговорилъ онъ пришепетывая и протянулъ было хозяину руку, но тотчасъ же спряталъ руки за спину и сказалъ:

— Иди вонъ къ дамамъ, морочъ тѣхъ. Тѣ любятъ. Который порогъ сегодня обиваешь? Крикнулъ онъ ему вслѣдъ.

— Всего еще седьмой визитъ. Еще рано... нисколько не смутившись отвѣчалъ гость и направился къ дамамъ.

— Павелъ Андреичъ? Павелъ Андреичъ! заговорили тѣ и начали засыпать вопросами: былъ-ля онъ вчера на вечеръ у Жгутиковыхъ, въ чемъ была одѣта Марья Ивановна, когда будетъ свадьба у Горѣлкиныхъ, кто будетъ крестить у Федоровыхъ, что даютъ въ приданое за Катенькой: рояль или фортопіаны? и т. п.

Павелъ Андреичъ, какъ могъ, удовлетворялъ ихъ любопытство и сообщилъ въдобавокъ, что у Хариныхъ затѣвается свадьба.

— Готовьте наряды, добавилъ онъ.

— Кто сваталъ?

— Лукерья Никитишна...

— Скверная баба! отвѣчала хозяйка. Мы ее больше не принимаемъ. Ей тутъ какъ то у насъ въ дверяхъ носъ прищемили, а она сейчасъ скандалъ... Иванъ Лукичъ ее и выгналъ.

— Кто это? спросилъ тихонько Гонцовъ, наклоняясь къ уху хозяина.

— А такъ оболтусъ! громко отвѣчалъ хозяинъ. Дуракъ онъ или дуракомъ прикидывается, чортъ его знаетъ, а по всему купечеству ходить. Выгонять его—онъ нисколько не обидится. Старухи его за святаго, за юродиваго считаютъ. Вотъ посмотри. Эй Мордохъевъ! обратился онъ къ Павлу Андреичу. — Правда, говорятъ, тебя у Набилиныхъ выпороли?

— Нѣтъ-съ, какъ возможно, съ улыбкою отвѣчалъ тотъ:—что вы? Только всего и было, что за уши выдрали.

— Вотъ видишь. Шутъ гороховый и больше ничего. Однако мнѣ пора! Кой куда съѣздить надо, сказалъ Иванъ Лукичъ. Ты, Гонцовъ, посиди еще... Куда тебѣ торопиться? Анна Ивановна припасла тебѣ тамъ мой сертукъ, да еще кой что. Сертукъ мнѣ узокъ, а тебѣ годится. Она тебѣ отдастъ.

Гонцовъ поцѣловалъ хозяина въ плечо. Тотъ началъ прощаться. Жена провожала его въ прихожую.

— Иванъ Лукичъ, ужъ удержиись сегодня отъ вина-то. Не пей много, сказала она. Не ѣздй главное въ эту прорву-то, на Гутуевскій.

— Да знаю! Господи! Неужто ужъ такъ набросимся? Эка невидаль! отвѣчалъ мужъ и ушелъ.

У воротъ его ждалъ рысакъ, запряженный въ сани съ медвѣжьею полостью. Иванъ Лукичъ сѣлъ.

— Къ генералу, сказалъ онъ кучеру.

Рысакъ помчался. На улицѣ было множество народу. Все сновало взадъ и впередъ. Извозчики съ какимъ-то остервененіемъ гнали лошадей и подвозили сѣдоковъ отъ подъѣзда къ подъѣзду. Мчались въ коляскахъ офицеры въ парадной формѣ, летѣли на лихачахъ купеческіе сынки въ ильковыхъ шинеляхъ и глянцовыхъ «цимерманахъ». У подъѣздовъ вылѣзали мундирные чиновники въ трехуголкахъ. У нѣкоторыхъ изъ подъ шубъ выглядывали бѣлые штаны съ лампасами. Всякій считалъ за нужное сдѣлать по крайней мѣрѣ десятокъ визитовъ и всякій проклиналъ эти визиты.

Рысакъ остановился у подъѣзда. Швейцаръ распахнулъ дверь и бросился высаживать Ивана Лукича.

— Дома?

— Для кого дома нѣтъ-съ, а для васъ дома. Пожалуйста! Съ новымъ годомъ-съ.

Иванъ Лукичъ вошелъ въ подъѣздъ и далъ швейцару рубль.

Съ лѣстницѣ сбѣжалъ лакей.

— Доложи, что купецъ Обрубаевъ пріѣхалъ, крикнулъ швейцаръ лакею. Тотъ поздравилъ также съ новымъ годомъ, получилъ рубль и бросился наверхъ по лѣстницѣ.

Въ прихожей Ивану Лукичу опять встрѣтились лакеи и начали его поздравлять. Онъ одѣлилъ ихъ по рублю и наконецъ добрался до кабинета. Изъ кабинета вышелъ франтъ камердинеръ съ бакенбардами въ видѣ котлетъ.

— А Иванъ Лукичъ! Пожалуйте! съ новымъ годомъ!

Иванъ Лукичъ сунулъ ему три рубля...

Генералъ сидѣлъ у письменнаго стола въ бѣлыхъ штанахъ, бархатной домашней визиткѣ и курилъ сигару.

— А Обрубаевъ! здравствуй! проговорилъ онъ, слегка подымаясь со стула, и протянулъ Ивану Лукичу два пальца.

— Съ новымъ годомъ! Приѣхалъ вамъ засвидѣтельствовать почтеніе!

— Спасибо, садись...

— Ничего, постоимъ-съ, проговорилъ Иванъ Лукичъ, однако сѣлъ на кончикъ стула.

— Ну какъ богатѣешь?

— Да коли, ежели облагодѣтельствуете подрядами— не пропадемъ.

— Ты знаешь я безпристрастенъ...

— Это точно-съ.

— Куришь сигары?

— Балуюсь.

Благодѣтель всталъ и направился къ этажеркѣ, гдѣ лежали сигары. Иванъ Лукичъ, воспользовавшись этимъ случаемъ, тотчасъ же вытащилъ изъ кармана толстый пакетъ и опустилъ его въ стоящую на столѣ благодѣтельской шляпу. «Ну славу Богу, какъ гора съ плечъ свалилась», подумалъ онъ, сдѣлавъ этотъ маневръ, и, отъ радости забарабанилъ себя по колѣнкамъ.

— Вотъ сигары. Кури!

— Нѣтъ, ужъ, благодарю покорно, я лучше съ собой возьму и дома на досугѣ выкурю. А теперь мнѣ пора...

Иванъ Лукичъ началъ прощаться; благодѣтель опять подалъ ему два пальца.

— Слышишь, мнѣ бы рысака вороного нужно, сказалъ онъ. Вы купцы рысакими-то славитесь. Узнай, не продаетъ-ли кто подешевле?

— Будьте покойны!.. Рысакъ будутъ. Прощенья просимъ! и Иванъ Лукичъ задомъ вышелъ изъ кабинета.

— Ребятишки, Иванъ Лукичъ, пообносились, проговорилъ снова встрѣтившійся съ нимъ камердинеръ. — На дняхъ я къ вамъ забѣгу въ лавку. Нѣтъ ли остатковъ? Отложите...

— Ладно, Ладно! Забѣгай! Все будетъ!

— Фулярчикъ бы привезли, сморкаться не во что... Коли приѣдите, привезите какой нибудь бракованный, шепнулъ ему швейцаръ, подсаживая его въ сани.

— Ладно, ладно! Привезу! отвѣчалъ Иванъ Лукичъ и крикнулъ кучеру: пошелъ!

Рысакъ помчался...

— На Гутуевскій островъ! къ свояку!

Опасенія супруги сбылись, Иванъ Лукичъ поѣхалъ въ «прорву». По увѣренію ея, своякъ былъ такой чело-
вѣкъ, что отъ него даже «махонькій мальчишка» не возвращался трезвымъ, не только что взрослый муж-

чина. А Иванъ Лукичъ былъ взрослый мужчина и выпить любилъ.

Вечеромъ того же дня, часовъ въ одиннадцать только что вставшій отъ сна Иванъ Лукичъ сидѣлъ въ залѣ за столомъ въ халатѣ и читалъ святцы. На столѣ стоялъ огромный графинъ квасу, стаканъ и тарелка съ водой, въ котдой плавала синяя бумага. Такая же мокрая синяя бумага была наклеена на переносѣ Ивана Лукича. Подъ бумагой былъ синякъ и царапина.

— Иванъ Лукичъ! Чтожъ ты будешь ужинать-то, что ли? Коли будешь такъ иди, сказала вошедшая въ комнату супруга...

— Нѣтъ, не буду. Я лучше квасу... отвѣчалъ Иванъ Лукичъ и наклонился надъ книгой...

— Ишь до чего пьютъ! Господи! Вотъ тебѣ и новый годъ! пробормотала она, вышла въ столовую и захлопнула за собою двери.

ПОЛУЧЕНІЕ МЕДАЛИ.

(СВЯТОЧНЫЯ СЦЕНЫ).

Святки. Вечеръ. Десять часовъ. Семейство купца Парамопова только что отужинало и собиралось спать. Въ кухнѣ кухарка гремѣла посудой; изъ молодцовой доно-
силось сдержанное бряцаніе на гитарѣ. Въ залѣ, на диванѣ, за круглымъ столомъ, сидѣлъ самъ глава се-
мейства Захаръ Ивановичъ и читалъ святцы. Онъ былъ въ халатѣ, по временамъ икалъ, крестился и позѣвы-
валъ. Рядомъ съ нимъ помѣщалась супруга его, Прас-
ковья Никитишна, и штопала чулокъ, вздѣтый на ста-
канъ. За тѣмъ же столомъ гадала на «Царѣ Соломонѣ»
семнадцатилѣтняя дочь ихъ Грушенка и сидѣла, при-
ткнувшись бокомъ, двѣнадцатилѣтній сынишка Павля.
Онъ держалъ въ рукахъ «уродскую маску» съ изображе-
ніемъ на носу краснаго рака и прорѣзывалъ въ ней
ножницами ротъ. Захаръ Иванычъ посмотрѣлъ на ра-
боту сына и сказалъ:

— Все глупостями занимаешься. Нешто я затѣмъ купилъ тебѣ маску, чтобъ ты ее портилъ?

— Я не порчу, тятенька, а ротъ прорѣзываю. Завтра ряженные пойдемъ, такъ чтобъ гостинцы можно было ѣсть. Теперь, и не снимаячи ее, можно что угодно въ ротъ запихать.

— Гостинцы можно въ карманъ... а съѣсть дома.

— Это вы про густое говорите, а ежели варенье?... задалъ вопросъ сынъ.

— Все-таки не годится... Маска бы и на будущій годъ послужила.

— Ну, ужъ, это дутки, чтобъ послѣ крещенья погань въ домъ была! Все въ печь... огрызнулась супруга и прибавила:—тебѣ жалко, коли ребенокъ занимается...

— Нешто это занятіе?

— Все лучше, чѣмъ цѣлый день на Царѣ Соломонѣ гадать да по окошкамъ вѣшаться...

Дочь отпихнула отъ себя книгу.

— Такъ и знала, что попрекнете, сказала она. — Чтожъ мнѣ дѣлать-то?

— Дырря на себѣ штопать, отвѣчала мать: — а то цѣлый праздникъ иглы въ руки не брала.

— На то и праздникъ... да и гдѣ-жъ на мнѣ дырря? Въ гости не пускаете, къ себѣ никого не зовете... Отчего къ Скрыпинымъ гостить не пустили? На святвахъ всѣ дѣвушки другъ у друга гостятъ!

— Ну, ужъ, это и изъ головы выбрось, чтобъ я

тебя на святкахъ въ Ямскую гостить отпустилъ, вставилъ слово отецъ.

— Это еще отчего? Что тамъ поганое мѣсто, что-ли?

— Не поганое, а испортишься, потому тамъ теперь солдаты стоятъ.

— Такъ чтожъ что солдаты? Солдаты не съѣдятъ.

— Ну, ужъ, это мы знаемъ, съѣдятъ или нѣтъ. Зови коли хочешь этихъ самыхъ Скрыпиныхъ къ себѣ гостить? Перинъ, слава Богу, хватить.

— Такъ сейчасъ онѣ и пойдутъ теперь отъ веселья! Онѣ теперь каждый день то съ офицерами въ пріятныхъ разговорахъ, то въ клубѣ, то въ театрѣ... Третьяго дня вонъ говорящую куклу смотрѣли. А у насъ что?...

— Погоди, вотъ замужъ выдадимъ, такъ и у тебя будетъ говорящая кукла.

— А и въ самомъ дѣлѣ пора! Совсѣмъ отъ рукъ отбилась дѣвчонка! Завтра же пошлю за свахой Лукерьей: пусть ей жениха ищетъ, сказала мать.

— Хоть-бы въ театръ сводили, хоть въ клубъ съѣздили! Праздники проходятъ, а никакого развлечения...

— Развлеченія, развлеченія... передразнилъ ее отецъ. Иди вотъ завтра съ Павлей ряженная. Вывороти мою старую шубу, а на маску я дамъ гривенникъ. Вотъ тебѣ и развлеченіе! Попляшешь.

— Чтобы за мальчишку приняли да уши натрепали. Благодарю покорно! Лучше ужъ дома страдать...

— Гдѣ-жъ это уши треплютъ? Вся бѣда что не впустить...

— А то и выгонять вонъ. Вы вонъ сегодня три компаніи ряженныхъ изъ молодецкой вонъ выгнали да еще сулили за хвостъ да палкой.

— Мало-ли что сулилъ.

— Ужъ коли идти ряжеными, такъ надо костюмъ въ табачной взять...

— Карету золотую еще не прикажете-ли? Ну, баста! Или молчи, или убирайся спать! закончилъ отецъ.

Дѣвушка заплакала и, взявъ Царя Соломона, отправилась въ другую комнату. Отецъ началъ зѣвать во весь ротъ и закрылъ святцы.

— Досадно, что я сегодня въ баню не сходилъ. Все тѣло какъ-то... началъ было онъ и не докончилъ фразы. Въ прихожей раздался сильнѣйшій звонокъ.

Всѣ встрепенулись. Прасковья Никитишна перекрестилась.

— Ахъ, тятенька, это вѣрно опять ряженные... сказалъ Павля.

— А и то пожалуй... Не пускать, не пускать! Ну ихъ! Еще стянуть что нибудь. Вонъ у Сидоровыхъ вчера часы пропали, заговорилъ Захаръ Иванычъ: — Марья! Не пускай! Дома молъ нѣтъ. Спать легли! крикнулъ онъ суетящейся въ прихожей кухаркѣ.

— Купца Захара Иваныча Парамонова... слышался за дверями чей-то басъ.

— Дома нѣтъ! Дома нѣтъ! кричала кухарка.

— Все равно. Примите и распишитесь; къ нимъ бумага.

— Не впускай; кричи, что дома нѣтъ! ободрялъ кухарку хозяинъ.— Знаемъ мы эти бумаги-то! Народъ тоже! Бумагу придумаютъ, только чтобъ влѣзть!

— Дома нѣтъ! хозяинъ въ гостяхъ, а сама въ банѣ!...

— Господа, впустите-же. Такъ не возможно! Пусть ктонибудь распишется...

— А вотъ какъ спустимъ съ лѣстницы такъ и будетъ возможно! Самъ распишешься... крикнулъ уже самъ Захаръ Иванычъ.

— Какъ-бы не такъ! За меня въ тюрьмѣ сгніешь! Я человѣкъ казенный. Я курьеръ пріѣхалъ съ бумагой и медаль привезъ! прогремѣлъ за дверью голосъ.

Услыхавъ эти слова, Захаръ Иванычъ такъ и всплеснулъ руками.

— Ахъ я дуракъ! Ахъ ты дура! Впускай скорѣй! Это мнѣ медаль привезли! кричалъ онъ.—Вотъ осрамились-то!.. Жепа, огня, свѣту!

Все засуетилось. Все забѣгало. Кухарка отворила дверь. Въ прихожую вошелъ курьеръ въ шинели съ енотовымъ воротникомъ.

— Извините пожалуйста! Милости просимъ! Мы дома... только думали, что какіенибудь ряженые балуются; заговорилъ Захаръ Иванычъ, схватилъ курьера за руку и началъ ее трясти.—Пожалуйте въ залу! Марья,

снимай шубу съ ихъ благородія! Что идоломъ-то стоишь!

Курьеръ нахмурился.

— Съ лѣстницы спустить! За спусканіе нашего брата съ лѣстницы-то, знаете, куда посылають? сказалъ онъ.

— Ахъ Господи! Да бросьте! Неушто мы и взаправду? Это все она дура—баба. Извѣстно необразованность.

— Все-таки вы ей сдѣлайте строгое внушеніе...

— Мало того, въ три шеи сгоню! Вонъ мерзавка! крикнулъ Захаръ Иванычъ на кухарку и втащилъ курьера въ залу. Прошу покорно садиться! Прасковья Никитишна! Огня, закусить и все эдакое!..

— Позвольте, прежде дѣло сдѣлать... Получите... сказалъ курьеръ и вручилъ Захару Иванычу бумагу и коробочку съ медалью.— Ну, теперь—съ наградой...

Захаръ Иванычъ обнялъ курьера и поцѣловалъ.

— Извините, что въ халатѣ. Ежели желаете, я въ минутку переодѣнусь... проговорилъ онъ.

— Помилуйте, что за церемонія! отвѣчалъ курьеръ и сѣлъ.

Въ домѣ сдѣлалась суматоха. Прасковья Никитишна побѣжала въ кухню готовить закуску, кухарка бросилась въ погребъ, лавочный мальчишка началъ зажигать въ залѣ стѣнники, дочь Груша вытаскивала изъ шкапа новое платье, сынъ Павля нацѣживалъ изъ четвертныхъ бутылей водку въ графины... Все суетилось. Слышались слова. «Господи гдѣ эта расписная тарелка? Куда это ключъ-то дѣвался? Марья! Гдѣ моя юбка съ

фалборками?» Молодцы въ молодцовой отъ нечего дѣ-
лать давали мальчишкамъ подзатыльники.

Черезъ полъ часа курьеръ сидѣлъ въ залѣ на ди-
ванѣ рядомъ съ Захаромъ Ивановичемъ. Передъ ними
стоялъ столъ съ закусками и винами. Поодолъ сидѣла
Груша въ новомъ розовомъ платьѣ. У дверей стоялъ
Павля и ковырялъ въ носу. Курьеръ былъ уже слегка
выпивши, хлопалъ Захара Ивановича по плечу и гово-
рилъ:

— Жалко, что мы раньше не знали, что вы такой
хорошій человѣкъ, а то-бы мы васъ вмѣсто серебряной
къ золотой медали представили... Мы и то, признаться,
съ генераломъ совѣтывались...

— А напрасно не узнали... пожаловали бы какъ ни-
будь вечеромъ, выпили, закусили, въ горку-бы сы-
грали... въ три листика...

— Да вѣдь некогда-съ. Днемъ занять по горло, а
вечеромъ—то въ театръ, то въ клубъ, то къ началь-
нику отдѣленія на партійку въ преферанчикъ, то къ
столоначальнику...

— Пожалуйте, не забывайте талію... Долбаните...

Хозяинъ налилъ гостю стаканъ хересу.

— Да неловко съ одного на каменку-то подавать...
отвѣчалъ гость, однако выпилъ стаканъ, крикнулъ и,
обратясь къ хозяйской дочери, спросилъ: — Часто, ба-
рышня, въ театрѣ бываете?

— Рѣдко. На масляной Ермака смотрѣла, а съ тѣхъ
поръ и не были, отвѣчала она.

— Папаша виновать. Погодите, вотъ мы теперь съ нимъ познакомились, такъ ужъ распотрошимъ его.

Захаръ Ивановичъ разсматривалъ медаль и говорилъ:

— А что, развѣ примѣригь ее, да посмотрѣть, какъ она ко мнѣ пойдетъ?... Только въ халатѣ то неловко.

Нѣтъ, ужъ лучше надѣньте сертукъ.

Сертукъ былъ надѣтъ, медаль привѣшена. Захаръ Ивановичъ стоялъ передъ зеркаломъ и любовался на свою фигуру. Дочь и сынъ стояли по бокамъ и держали по свѣчкѣ.

— Ну теперь совсѣмъ кавалеръ! воскликнулъ курьеръ.

— Какой-же кавалеръ? Кавалеры въ танцахъ бываютъ, сказала дочь.

— Въ танцахъ особь статья, а это настоящій кавалеръ. Ну, Захаръ Ивановичъ, теперь бы вамъ только звѣзду. Какую-нибудь персидскую «льва или солнца».

— Какъ льва? спросилъ хозяинъ. Неушто у нихъ по звѣрю называются?

— А то какъ-же-съ... Вѣдь они нехристи... У нихъ святыхъ нѣтъ. У насъ Анны, Александра, Станислава, а у нихъ змѣи какой нибудь, тигра тамъ... крокодила... У мухоѣданъ есть даже орденъ аспида и василиска, рассказывалъ курьеръ.

— Скажи на милость! Вотъ народъ-то!

Изъ прихожей въ залу начали заглядывать молодцы. Завидя ихъ, хозяинъ оборотился къ нимъ лицомъ.

— Войдите, войдите! Поздравляйте меня, заговорилъ онъ.

Молодцы робко вошли въ залу и начали поздравлять.

— Ну подходите и выпейте!

Молодцы подошли и выпили.

— По второй, по второй!

Молодцы повторили.

— Третью... Богъ троицу любить! командовалъ хозяинъ.

Послѣ третьей рюмки, молодцы начали шептаться.

— Дозвольте, Захаръ Ивановичъ, вамъ многолѣтіе провозгласить? сказалъ старшій прикащикъ.

— Валяйте!

Молодцы сгруппировались. Басы взяли за подбородки. Тенора перекосили глаза и раздалось «многая лѣта».

Хозяинъ обнимался съ курьеромъ и говорилъ:

— Другъ! Ничего для тебя не пожалѣю! Бери даже дочь родную! Выпьемъ!

Пьянство сдѣлалось всеобщее. Хлопали бутылочныя пробки, графины дополнялись водкой. Черезъ часъ хозяинъ кричалъ курьеру:

— Другъ! Ваше благородіе! Ъдимъ въ Орфеумъ медаль спрыскивать! Ъдите и вы! обратился онъ къ молодцамъ. За всѣхъ плачу. Всѣмъ разрѣшеніе вина и еля!

Молодцы бросились за шубами. Прасковья Никитишна начала упрашивать мужа, чтобъ онъ не ѣхалъ, но тотъ не слушалъ, пихнулъ ее въ грудь и, захвативъ съ со-

бой денегъ, отправился вмѣстѣ съ гостемъ на курьерской парѣ. Молодцы поѣхали сзади на извозникахъ. Домашніе стояли на подъѣздѣ и провожали. Прасковья Никитишна плакала.

— Ну, теперь поминай какъ звали! Пожалуй, и къ утру не сыщется! говорила она. Господи, хоть-бы лицо-то не разбилъ! Вѣдь въ новый годъ надо начальство поздравлять.

НА СВЯТКАХЪ

(О Ч Е Р К Ъ).

Святки. На улицахъ видимо увеличилось число пьяныхъ. Извозчики запрашиваютъ вдвое, отговариваясь тѣмъ, что «нониче праздникъ». На окнахъ нѣкоторыхъ табачныхъ лавокъ выставлены уродливыя маски и прилѣплены билеты съ надписью: «здѣсь отдаются костюмы на прокатъ». Горничныя и кухарки, пробѣгая по улицѣ въ булочную или въ мелочную лавочку, спрашиваютъ у прохожихъ мужчинъ имя. Нерѣдко открывается и форточка во второмъ или въ третьемъ этажѣ; изъ форточки высовывается закутанная въ байковый платокъ головка купеческой или чиновничей дочки и спрашиваетъ: «послушайте, какъ васъ зовутъ?» Мужчины обыкновенно врутъ, сказывая или какое нибудь вычитанное романтическое имя въ родѣ: Манфредъ, Леонардъ, Жеромъ, или же существующее только въ святцахъ, какъ-то: Перепетуй, Доримендонтъ, Исой и т. п. Иногда какой нибудь острякъ крикнетъ: «зовутъ зовуткой, а прозыва-

ють дудкой. Кузьма Федоръ Ивановичъ!» или «какъ сегодня, такъ и завтра?» По вечерамъ и по ночамъ попадаются на тротуарахъ люди въ ентовыхъ и бараньихъ шубахъ на плечахъ и въ тирольскихъ шляпахъ и польскихъ шапочкахъ на головахъ, а изъ подъ распахнутыхъ шубъ виднѣются испанскія штаны, французскіе кафтаны съ позументами, чулки съ бантами у колѣнъ и т. п. Это ряженые, путешествующіе или такъ по квартирамъ, гдѣ замѣтятъ освѣщеніе, или идущіе на вѣрняка къ знакомымъ, зная, что у нихъ гости, а слѣдовательно и угощеніе.

Купеческій сынъ Федя Подопенкинъ задумалъ также одѣться какимъ нибудь испанцемъ и поплясать у своихъ знакомыхъ, вслѣдствіе чего, въ одно прекрасное утро, видя, что отецъ въ хорошемъ расположеніи духа, обратился къ нему съ слѣдующею просьбою:

— Тятенька, позвольте мнѣ сегодня ряженымъ къ Семену Ивановичу Сусликову идти. Я пойду, Вася Сенюковъ, да кстати для компаніи молодцовъ нашихъ Ивана, да Гаврилу прихватимъ. Вы ужъ и имъ позвольте.

— Ступай, только я въ этомъ, кромѣ баловства одного, ничего не вижу, проговорилъ отецъ. Теперича, костюмъ тамъ, маску, все это деньги... Да и молодцы напьются.

— Не напьются-сь, отвѣчалъ сынъ, и, благо что получилъ разрѣшеніе, не плодилъ болѣе разговора.

Подъ вечеръ Федя Подопенкинъ, Вася Сенюковъ и два молодца стояли въ табачной лавочкѣ и выбирали

костюмы. Хозяинъ лавочки сѣденькій старичекъ съ большими очками на носу снималъ со стѣны разныя мантіи, штаны и шляпы, встряхивалъ ихъ и вертѣлъ передъ глазами покупателей.

— Возмите гамлетку, — костюмъ будетъ первый сортъ. Бархатъ самый лучшій леванскій, говорилъ онъ обращаясь къ Федѣ. Все со стеклярусомъ... Костюмъ новый, и какъ есть, на вашъ ростъ будетъ. А то вотъ фигуру не хотите-ли? Этотъ будетъ понаряднѣе. Манишечка, бантикъ изъ лентъ на горло. Генерала знаете, что вотъ домъ свой на углу? — Евонныя дѣти прошлый годъ эти самые костюмы брали. Ей-богу!

— Нѣтъ, это все не то, говорилъ Федя. — Мнѣ бы Карла двѣнадцатаго, тамъ батфорты со шпорами и шпага...

— Такъ вѣдь и къ гамлеткѣ шпага полагается, одно только, что безъ шпоръ. За то шляпа съ перомъ... Или возьмите турку, тутъ тоже сабля... Костюмъ чистенькій... Чалму совьемъ изъ краснаго съ бѣлымъ.

— Что турка, чортъ съ нимъ! Нѣтъ-ли чего понаряднѣе, со шпорами, чтобъ побрякивало?

— Такъ венгерку или кроковякъ не хотите-ли? Тутъ и шпоры и поясъ съ мѣдными бляхами. Къ вашимъ сапогамъ сейчасъ и шпоры привинтимъ. Нешто это долго?...

— Ну ладно, я возьму краковякъ, проговорилъ Федя. — А ты что возьмешь? обратился онъ къ Васѣ.

— А вотъ посмотрю... Нѣтъ ли у васъ шпанца? Только почище. Да чтобъ и шпагу тоже...

— Какъ не быть-съ, на самый вашъ ростъ есть. Шпанскій костюмъ вотъ какой!... На ухо скажу...

Хозяинъ наклонился и прошепталъ:

— Всего три раза надеванъ. Одно,—не поскупитесь. Этотъ костюмъ не всякому и показываемъ... Извольте поглядѣть. За оба, за краковякъ и за этотъ, я съ васъ возьму одиннадцать рублей, проговорилъ онъ почему-то со вздохомъ и началъ увѣрять, что «въ другой лавкѣ возьмутъ и вдвое дороже, да и костюма полного не дадутъ. Дадутъ куртку, да колпакъ, а ужъ въ штанахъ своихъ щеголяй. А вѣдь у насъ все, какъ есть!»

Поторговались, поторговались купеческіе сынки, да и дали восемь рублей за пару костюмовъ.

— Ну, а вамъ что же?... обратился хозяинъ къ молодцамъ.

— Да намъ, что по проще, говорили молодцы.

— По проще, значить и по дешевле. Возьмите костюмъ игрока,—картами весь обшить. Тирольца, къ нему тоже шляпа съ перомъ, матроску, казака. Вотъ за эти по три рубля можно взять. Дешевле нужно, — и дешевле есть. Мельника возьмите,—вчера только стиранъ. Тутъ и маски не нужно, а только лицо мѣломъ вымазать...

— Ну, а почемъ крайняя цѣна тиролецъ да казакъ?

— По два рубля безъ лишняго.

— За пару два рубля, такъ такъ...

— Невозможно-съ. Ну вотъ что; такъ вы уже два костюма взяли, то я вамъ за два рубля дамъ два костюма. Казакъ и вотъ еще костюмъ... Костюмъ убійцы, рваный плащъ и шляпа. Возмите кухонный ножъ и заткните за поясъ. Великолѣпно будетъ! Руки и рубашку въ клюквѣ замарайте, будто отъ крови...

— Да что намъ въ убійцѣ! говорили сначала молодцы, однако хозяинъ всучилъ-таки имъ убійцу, и компанія отправилась домой. За ними понесли костюмы.

У Сусликова были гости. Вся передняя была завѣшена шубами и уставлена колошами. По залу ходило пять-шесть дѣвицъ, взявши другъ друга подъ руки. Онѣ собирались гадать, — лить воскъ въ воду. При этомъ одна изъ дѣвицъ рассказывала, что она вчера тоже гадала, клала подъ подушку бубнового короля и ей приснился Николай Ивановичъ. «Стоитъ будто такой мрачный, а потомъ, какъ бросится, и ну меня щекотать. Сеамъ, да и только!» За фортепіано сидѣла тоже какая то дѣвица, наигрывала «вотъ на пути село большое» и поминутно сбивалась. Сзади гуляющихъ дѣвицъ ходилъ завитой долговязый молодой человекъ, размахивалъ руками и острилъ, спрашивая чуть-ли не въ десятый разъ.

— Скажите Анна Ивановна, что значитъ видѣть мохнатого медвѣдя во снѣ и рѣдку?

Въ спальнѣ сидѣли женщины въ чепцахъ и повязанные шелковыми косынками. Онѣ по большей части молчали и лишь изрѣдка перекидывались словами, спра-

шивая другъ друга: «который годикъ Анночкѣ-то? Вы въ какія бани ходите? Давно-ли у васъ была сваха Лукерья Никитишна?» или же ѣли постилу, варенье и орѣхи, лежащіе передъ ними на столѣ на расписныхъ тарелкахъ. Сюда же приходили и дѣвицы, лизнуть по ложкѣ варенья и снова уходили. Вообще въ спальнѣ было тихо и мирно. Тишина эта только нарушалась вбѣгавшею въ комнату хозяйкою, которая дѣлала возгласы въ родѣ слѣдующихъ:

— Скажите на милость, Семенъ-то мерзавецъ, молодецъ-то нашъ! Отлилъ изъ ведерной бутылки въ полоскательную чашку водки, и напился, какъ скотъ.

Въ столовой было шумно. Въ ней играли мушкетеры въ горку и трынку. Слышались слова: «фалька, бардадымъ, козырный хлюсть, перетемню» и т. п. Въ углу стояла закуска и водка. У закуски стояли купецъ съ рыжей бородой и дьяконъ. Они обнимались. Купецъ даже плакалъ, сморкался въ клѣтчатый платокъ и говорилъ:

— Грѣшникъ я, знаю это... а онъ все-таки хуже пса смердящаго... я у маймиста возъ куропатокъ хотѣлъ купить... онъ перебилъ...

На же... половина сгнила — не продалъ.

— Уповеніе и утѣшеніе... отвѣчалъ дьяконъ и налилъ двѣ рюмки водки.

Часовъ въ десять, когда уже гости стали развязнѣе и шумнѣе, въ прихожей раздался громкій звонокъ и ми-

нуты черезъ двѣ въ комнатахъ заговорили: «ряженные, ряженные пріѣхали!»

— Просите, просите ихъ въ залу! кричала хозяйка и сама побѣжала въ прихожую.

Дѣвицы начали отряхивать на себѣ платья, смотрѣлись въ зеркало и поправляли прическу. Съ лѣстницы въ прихожую были отворены двери. Въ дверяхъ стояли ряженные и спорили, кому входить первому. Это были Федя и Вася съ молодцами. Наконецъ молодецъ Иванъ растолкалъ всѣхъ, первый ринулся въ прихожую и сбросилъ съ себя шубу. Хозяйка и нѣкоторые гости, вышедшіе, встрѣчать ряженныхъ, не безъ страха попятись. Иванъ былъ въ костюмѣ убійцы, руки, рубашка и лицо были замараны сажей и давленной клюквой. Онъ былъ безъ маски. Подъ носомъ и подъ подбородкомъ болтались у него два приклеенные клочка какого-то черного мѣху, а за поясомъ торчалъ кухонный ножъ.

— Здравія желаемъ! заревѣлъ убійца по солдатски и большими шагами вошелъ въ залу.

За нимъ послѣдовали Федя въ «краковякѣ», Вася въ испанскомъ костюмѣ и наконецъ Гаврило одѣтый казакомъ. Краковякъ и испанецъ были въ черныхъ полумаскахъ. Побрякивая погремушками, они важно прохаживались по комнатамъ, протягивали гостямъ руки и нѣкоторыхъ называли по имени.

— Это онъ, думали дѣвицы.

— Непремѣнно кто нибудь изъ нашихъ, изъ рыночныхъ, говорили мужчины.

— Не женишокъ ли какой? помышляли матери и одергивали на дочеряхъ платья.

— Станцуйте что нибудь ряженые, повеселите дѣвицъ, упрашиваетъ хозяинъ. — У насъ и музыкантъ есть. Пашенька, съиграй-ка кадрили, обращается онъ къ дѣвушкѣ, наигрывавшей «вотъ на пути село большое».

— Да ей Богу я незнаю, дяденька, я только и знаю двѣ фигуры, вторую, да послѣднюю.

— Ну и жарь вторую, да послѣднюю! Они не взыщутъ.

Другія дѣвицы тоже начинаютъ ее упрашивать и наконецъ въ трое рукъ подводятъ къ фортепіано.

Раздается вторая фигура кадрили. Танцующіе встали на мѣста и пошелъ плясъ.

— Вы Николай Ивановичъ? спрашиваетъ дѣвица своего кавалера испанца.

— Нѣтъ-съ, я испанецъ Кирилла-мазанное рыло, остритъ кавалеръ и дѣлаетъ соло, отплясывая казачка.

Убійца, желая отличиться, начинаетъ плясать въ присядку. Мужчины кричатъ «браво! лихо!» Видя успѣхъ, убійца послѣ пятой фигуры становится въ позу убійцы, выхватываетъ изъ-за пояса кухонный ножъ и реветъ: «Погибни подъ ножомъ Прасковья Ляпунова!» Дѣвица, танцовавшая съ убійцей, видя такой свирѣпый поступокъ своего кавалера, бѣжитъ прочь и отказывается кончать

кадриль. Наконецъ мѣсто убійцы занимаетъ завитый долговязый господинъ и кадрили благополучно кончается.

— Ряженые, выпить, выпить пожалуйста! кричатъ мужчины и тащатъ ихъ къ столу съ закуской.

Испанецъ и «кроковякъ» вливаютъ по рюмкѣ кievской наливки, казакъ пьетъ большую рюмку померанцовой водки, а убійца, какъ и слѣдуетъ убійцѣ, съ пренебреженіемъ отодвигаетъ мелкую посуду, наливаетъ въ стаканъ очищенной и опрокидываетъ въ свою утробу.

Послѣ сего слѣдуетъ опять хожденіе по комнатамъ и наконецъ ряженые прощаются.

— Чтожь вы такъ скоро?.. Погостите еще, упрашиваетъ хозяйка.

— Нельзя-съ, отвѣчаютъ ряженые: — къ Граблину надо. У него гости...

— Вы ихъ знаете?

— Какъ же не знать Степана Иваныча...

— Рыночные... рѣшаютъ мужчины.

Побывали ряженые и у Граблина, потанцовали, выпили и ужъ наконецъ начали странствовать «по огоньку». Гдѣ увидятъ освѣщеніе, туда и идутъ. Впустить—хорошо, не впустить—и не надо. Заѣзжали они въ погребки и въ трактиры и въ тому подобныя открытыя всю ночь заведенія и часамъ къ четыремъ, нагруженные всякой хмѣльной дрянью, явились домой.

На утро оказалось, что испанецъ потерялъ шпоры, а убійца шляпу и ножъ. Кухарка, у которой онъ ута-

щилъ ножъ, жаловалась хозяину. Хозяинъ пришелъ въ молодцовую и ругалъ молодца.

— Да ужъ грѣхъ такой, Иванъ Родіонычъ. Чтожь, нешто я это все для себя дѣлалъ, что наряжался-то? Все для Федора Иваныча, чтобъ ихъ позабавить, отвѣчалъ молодецъ, закрывая рукою ротъ, чтобъ не пахло виномъ и икнулъ.

— А ужъ напился каналья! Какъ можно безъ этого! Радъ что вырвался! У тварь! закончилъ хозяинъ и вышелъ изъ молодцовой.

ВЪ МАСКАРАДЪ

(сцены).

За полночь. Маскарадъ въ Прикашичьемъ клубѣ въ самомъ разгарѣ. На лѣстницѣ сидятъ и стоятъ маски въ салопяхъ, бурнусахъ и даже въ кофточкахъ, останавливаютъ проходящихъ мужчинъ и просятъ у нихъ «дамскаго билетика». Мужчины отвѣчаютъ лаконически, въ родѣ: «хрѣну не хочешьли? Былъ билетъ, да мыши съѣли! Предъяви свой адресный, авось впустятъ! Есть билетъ да туда куда Макаръ телять не загонялъ» и т. п.

Въ шинельной комнатѣ, у зеркала, стоялъ молодой фантикъ съ закрученными усиками; онъ то причесывался, то чистилъ щеткой рукава фрака, то смахивалъ съ лакированныхъ сапогъ пыль. Къ нему подошелъ сзади франтъ съ бакенбардами и ударилъ его по плечу.

— Красивъ, красивъ! И то всякая влюбится! сказалъ онъ.

— А Митя, живая душа на костыляхъ! И ты тутъ?

— А то гдѣ-же? Ужъ болѣе часа маюсь. Что поздно?

— Да все выжидалъ, пока домашніе улягутся. Улеглись, а я фрачишко напялилъ и маршъ!.. У чернаго входа мальчишку положилъ, какъ постучусь, такъ отворить.

— Неушто у васъ самъ такъ свирѣлъ, что не отпустилъ-бы?

— Отпустилъ-то бы отпустилъ, а только изругалъ-бы. Вотъ, скажетъ, на праздникахъ болты билъ билъ, а теперь опять бить...

Пріятели вошли въ комнаты.

— Я, братъ, перчатокъ не покупалъ, не стоитъ—лучше эти деньги пропьемъ.

— Еще бы!.. Ну, такъ пойдемъ прежде всего въ буфетъ, тамъ благословимся.

— Сразу-то оно неловко, ну, да валяй!

Въ буфетѣ стояли толпы. Накурено было такъ, какъ говорится, что хотъ топоръ повѣсь. Шумъ былъ страшный, всѣ говорили и никто не слушалъ. Шныряли и пищали маски. У мужчинъ слышались восклицанія: «двѣ рюмки живой воды! Нацѣдите-ка суворовской» и т. п.

— Слышишь, миленькій, угости виноградомъ... говорила своему кавалеру маска, затыгиваясь папирской.

— Больно жирно будетъ. Водки не хочешь-ли?

— Эдакой жадный. Ну, вели хотъ коньяку рюмку подать.

Въ буфетную втискались трое мужчинъ. Они шли подъ руку. Ихъ остановилъ знакомый.

— Куда стремитесь, тройка? спросилъ онъ.

— Извѣстно ужъ куда... Въ одно мѣсто. Всѣ тамъ будемъ. Хочешь, такъ приставай къ намъ. Мы игру затѣяли, — желѣзную дорогу изображаемъ. Здѣсь въ клубѣ три буфета, то есть три станціи: Петербургская, Бологово и Москва; ну, вотъ мы все и ѣдимъ: сначала изъ Петербурга въ Бологово, изъ Бологова въ Москву, а тамъ такимъ же порядкомъ обратно. Платежъ на каждой станціи по очереди. Прицѣпляйся, коли хочешь, и поѣдемъ.

— Шутники вы, право! Вишь что придумаютъ! расхохотался знакомый и примкнулся къ поѣзду.

Компанія помчалась къ буфету.

Въ углу стояли двое. Одинъ былъ во фракѣ другой въ сюртукѣ.

— Ты что-жъ въ залу не идешь? спрашивалъ фракъ.

— Совался ужъ я да просили выдти. Я въ сюртукѣ, а въ залу въ сюртукахъ не пускаютъ.

— Ахъ ты деревня, деревня! Такъ подшили фалды — вотъ тебѣ и фракъ. Семистоловъ сейчасъ также сдѣлалъ и теперь прогуливается. На, двѣ булавки и валяй!

Превращеніе сюртука во фракъ совершилось и пріатели направились въ залу.

Въ залѣ гремѣла музыка и танцовали кадрили. Было такъ тѣсно, что танцующія пары стучались другъ о

друга задами. Какой-то кавалеръ толкнулъ по нечаянности какую-то маску локтемъ въ затылокъ и сказалъ: «пардонъ». Маска обернулась и крикнула:

— Самъ ты пардонъ, жена твоя пардонша и дѣти твои пардонята!

У танцующихъ шли слѣдующіе разговоры:

— Я тебя знаю; ты въ Гостинномъ дворѣ торгуешь. Я твоя покупательница и нѣсколько разъ у тебя въ лавкѣ бывала.

— А коли бывала, такъ скажи въ какомъ номерѣ?

— Ну вотъ, стану я номеръ помнить!

— Такъ возьми же и запомни!

Кавалеръ досталъ изъ кармана пачку адресовъ и сунулъ маскѣ въ руку.

— Куда-жъ мнѣ столько?

— Знакомымъ раздашь, а я тебя за это краснымъ виномъ поподчую.

У другой пары слышалось:

— Скажи мнѣ маска, за что вы такъ офицеровъ любите?

— Какъ за что? За обращеніе. Хорошенькіе, миленькіе!

— За то нашъ братъ купецъ хлѣбнѣе. Впрочемъ, погоди, вотъ скоро всѣхъ притянутъ, всѣ военную форму надѣнемъ.

— Тогда и васъ полюбимъ. Только вѣдь вы будете солдатами, а мы солдатъ не любимъ. Отъ солдата щами пахнетъ.

Два часа. Прически дамъ и мужчинъ начали приходить въ живописный беспорядокъ. Мужчины, подогрѣтые изнутри и снаружи, ходили съ красными лицами.

— Что, упарился? слышится гдѣ-то.

— Да какже не упариться-то—сейчасъ полъку танцавалъ. Такая, братъ, двухжилная маска попалась, что просто бѣда! Ни взадъ, ни впередъ.. Словно ступа. Ужъ я возилъ, возилъ ее по залу-то... инда взмылился весь.

— Такъ ты-бы бросилъ.

— Не пускаетъ; вцѣпилась, какъ тигра.

— Ну что, какъ на праздникахъ время проводили?

— Ничего, весело... На тройкѣ ѣздили. Такъ баловались, что въ двухъ мѣстахъ хотѣли протоколы составлять. Ну, да обошлось дѣло.

Къ завитому франту подходитъ мужское домино.

— Что прикурнулся? Али выпить не съ кѣмъ? Пойдемъ угощу! Не узнаешь развѣ?

— Кой чортъ тебя въ этомъ халатѣ узнаетъ!

— Сосѣдъ твой Шилоноговъ...

— На кой-же ты чортъ такъ вырядился! Вѣдь поди, жарко. Вишь отъ тебя, какъ отъ печки пышетъ!

— Неловко было иначе: хозяинъ нашъ здѣсь, а у меня сегодня тутъ свиданіе назначено одной красавицѣ.

По гостинной шелъ купецъ съ подстриженной бородой и въ длинномъ сюртукѣ. Онъ велъ подъ руку полную маску. Съ ними повстрѣчался другой купецъ съ

бриллиантовымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ и съ таковой-же задвижкой на часовой цѣпочкѣ.

— Харитонъ Ивановичъ, какими судьбами?

— Да вотъ жена притащила. Пойдемъ да пойдемъ. Шестой годъ, говоритъ, замужемъ; шестой годъ въ клубъ хожу, а не разу въ маскарадъ не была.

Перстень началъ раскланиваться съ маской.

— Какъ ваше здоровье, Пелагея Ивановна?

— Слава Богу, по немножку...

— Дѣтки здоровы?

— Благодарю васъ. У младшаго зубки пошли. Все плачетъ. Сама здѣсь, а все объ немъ думаю. Конечно, мы его къ рожку приучаемъ, а все поди плачетъ.

— Какъ вамъ нравится въ маскарадъ?

— Да вотъ все домой прошусь, жарко очень. Хотѣла маску снять да мужъ говоритъ, что нельзя.

— Не подходящее дѣло снимать... это точно съ. Ужь потерпите часикъ.

— Чтожъ, сядемте и потребуемте чайку. Вотъ и столикъ свободный, говоритъ мужъ.

— Что за чай! Ужь и то два раза пили... отвѣчаетъ супруга.

— Ну, мы съ Николаемъ Гаврилычемъ винца сулечку вонзимъ, а ты поди промнись по залу.

— Я боюсь одна. Тамъ все хватаются...

— А ты сама хватайся. На то и маскарадъ.

— Нѣтъ, ужъ я лучше съ вами сяду.

Четыре часа. Расходящаяся по домамъ публика спу-

скается съ лѣстницы. Нѣкоторые мужчины придерживаются за перила обѣими руками, стараясь не упасть. Кого то въ енотовой шубѣ лакеи сводятъ подъ руки. Кой-гдѣ у стѣнки стоятъ маски и смотрятъ на сходящихъ.

— Смерть животъ подвело. Всего только три бутерброда во весь вечеръ съѣла, говоритъ одна другой.

— Миленькій штатскій, дай двугривенный на извозчика! кричитъ другая:

— Сами семерыхъ ребятъ собирать послали, отвѣчаетъ штатскій.

— Ну, такъ довези меня до дома Максимовича. Кстати и квартиру мою посмотришь.

— Брысь!

На подъѣздѣ стояли двое въ шинеляхъ и говорили:

— И не допить вредно, и перепить вредно, такъ ужъ лучше перепить. Ъдемъ за Казанскій соборъ, на канаву, въ Ямку. Теперь тамъ отворено. Водка-то вѣдь вездѣ одна и таже.

— Это въ извозничій клубъ? Волковъ валяй!

ВЪ ТЕАТРѢ.

(СЦЕНЫ).

На Александринскомъ театрѣ давали «Мамаево По-
боище». Къ семи часамъ начала стекаться публика.
Къ подъѣзду подъѣзжали кареты. Съ возелъ соскаки-
вали лакеи, высаживали разряженныхъ барынь и съ
шумомъ захлопывали дверцы. Посѣтители райка и бал-
кона покупали у разнощиковъ яблоки и сласти. Раз-
нощики копались въ кошелькахъ и медлили сдавать
сдачу, стараясь подъ шумомъ обсчитать. Экипажи
строились на указанномъ полиціею мѣстѣ. Извозчики
и кучера, у которыхъ лошади были не очень бойки,
привѣсивъ къ дышлу вязанку сѣна и кутаясь въ ко-
вры, лѣзли въ кареты спать. Знакомые здоровались
и сговаривались идти въ трактиръ чай пить. Шли
разговоры о томъ, скоро-ли кончится представленіе.

— Нынче большая игра будетъ, говорилъ какой-то
кучеръ. — Часовъ въ двѣнадцать кончится. Все это

война, и про войну... Сраженіе будетъ. Нашъ лакей сказывалъ: актерами этими вся афиша исписана.

— Пальба-то поди и здѣсь слышна будетъ? Вотъ объ масляной, такъ въ балаганахъ какъ палать, такъ около все слышно, замѣчаетъ помахивая руками другой кучерь.—А не люблю я этотъ Александринскій, завсегда долгая игра,—иззябнешь. Вонъ на большомъ тальянцы, такъ тѣ скоро...

Въ театрѣ у входа толпится народъ. Франты-купчики, офицеры, лицеисты и правовѣды, каждый ломаясь по своему, съ ногъ до головы осматривали входящихъ дамъ и вслухъ дѣлали свои замѣчанія. Ливрейный лакей-бакенбардистъ распахивалъ публику по-проще и велъ за собой двухъ дамъ.

— Посторонитесь! позвольте генеральшѣ пройти! кричалъ онъ, пролагая рукою дорогу.

— Почтенненькій, гдѣ бы намъ тутъ въ третій ярусъ пройти? Съ лѣвой стороны? спрашиваетъ солдата приземистый купецъ въ лисьей шубѣ.—Настасья Ивановна! Федя! не растеряйтесь!

— А вотъ прямо и потомъ налѣво, говоритъ солдатъ.—Афишечку желаете?

— Нужно. Настасья Ивановна, одну афишку-то взять или пару?

— Да возьмите пару. Вѣдь насъ много... Онѣ дешевы...

Театральная зала быстро наполнялась. Оркестръ строился. Капельдинеры съ начальственной важностію ука-

зывали входящимъ мѣста въ партерѣ. Въ проходѣ толпились мушны и наводили на логи бинокли. Въ райкѣ кто-то во весь ростъ стоялъ на скамейкѣ и куда-то лѣзъ. Его не пускали, вслѣдствіе чего начиналась ссора. На сценѣ былъ слышенъ стукъ молотка; изъ подъ занавѣса виднѣлись красные сапоги и подолъ парчевой юбки.

— Максимъ Степанычъ, угадай, кто это въ красныхъ сапогахъ? спрашиваетъ кто-то въ креслахъ своего сосѣда.

— Да я почему знаю...

— А я знаю. Леонидовъ. Сейчасъ по походкѣ видно. Идетъ на двѣ бутылки пива, что Леонидовъ?

Оркестръ проигралъ какую-то пьесу и занавѣсъ поднялся. По сцѣнѣ бродили князья и спорили. Публика позѣвывала. Въ райкѣ вели разговоры, ѣли яблоки, потѣли и съ остервенѣніемъ махались платками. Всѣ ждали «страженія» и оживились только въ половинѣ пьесы, когда на сцѣнѣ появились солдаты, наряженные воинами.

— Вы не знаете, скоро это дѣйствіе кончится? спрашивалъ сосѣдей какой-то лакей въ ливрѣ.

— Надо полагать, что скоро...

— Такъ мнѣ въ низъ бѣжать надо. Я здѣсь съ господами... Шубы далъ поддержать знакомому человѣку, а самъ и далъ сюда тягу. Не хватились бы меня... Побѣгу,—и лакей сталъ вылезать.

— Погоди, это еще ничего, утѣшалъ кто-то скуча-

ющаго товарища.—Теперь все разговоры, а игра потомъ начнется. Страженіе будетъ, жиды будутъ вѣшать.

— Такъ и повѣсятъ его?

— Нѣтъ, только для виду, а потомъ отпустить. Потомъ казаки будутъ танцовать. Миѣ Григорій сказывалъ.

Къ этому разговору прислушивался мрачнаго вида бакенбардистъ въ засаленомъ пальто и въ гарусномъ шарфѣ, намотанномъ на шеѣ, и наконецъ вмѣшался въ разговоръ.

— Никакого жиды вѣшать не будутъ, проговорилъ онъ:—жидъ это въ Богданѣ Хмѣльницкомъ. И танцевъ не будетъ... Сраженіе будетъ.

— А какъ же миѣ одинъ человѣкъ сказывалъ? спросилъ замѣтно спадая съ тона, раскшикъ.

— Навралъ. Я здѣсь два раза въ недѣлю бываю. Кажиную пьесу гляжу... И эту видѣлъ.

— И пожара не будетъ?

— Нѣтъ.

— А то есть очень презабавная пьеса, такъ тамъ пожаръ. Тридцать лѣтъ жизни игрока. Отецъ своего сына убиваетъ, и пожаръ и все эдакое... Жалостно и занятно!

— Что это за жалость! Вотъ Уголино, такъ жалостно!

— И вѣдь диво, какъ то есть теперича актера эти

все представлять могутъ! робко вмѣшивается въ разговоръ четвертая личность.

Разскащикъ видимо оживился.

— Актера что, проговорилъ онъ:—у актеровъ плечевое дѣло, а вотъ комедіанты, что ломаются, такъ у тѣхъ всѣ кости, всѣ суставы повывихнуты. Еще съ измалѣтства имъ выламываютъ.

Бакенбардистъ мрачнаго вида махнулъ рукой: дескать ври что знаешь, и замолчалъ.

На первой скамейкѣ сидѣли между прочими, писарь военнаго вѣдомства и его предметъ—молоденькая дѣвушка. Писарь угощалъ ее постилою и звалъ послѣ театра «испить чашку чаю и рюмочку сладенькаго».

— Ахъ, что вы это, какъ возможно! шепчетъ дѣвушка и закрываетъ лицо платкомъ.

— Отчего же съ? Отдѣльную комнату возьмемъ.

— Ахъ срамъ какой! Ни за что на свѣтѣ!

— Отчего же срамъ-съ? Вѣдь разъ были, такъ ошастливте еще разъ. И писарь началъ упрашивать.

Дѣйствіе кончилось. Народъ началъ вылѣзать въ коридоръ.

— Гавриловъ! куда это вы? кричалъ кто-то удаляющимся товарищамъ.

— Въ Толмазовъ, въ полпивную! Стоить ли здѣсь тройныя цѣны платить! Тамъ и сигарочки покуримъ.

— Такъ и я съ вами!

Изъ партера публика повалила въ буфетъ. Двое шли и разговаривали.

— Ну какъ вамъ нравится это Мамаево Побойще или Побоево Мамайце?

— То есть какъ вамъ сказать... Ежели бы здѣсь пѣніе, да танцы... Вы будете пить коньякъ?

Передъ картиною «куликовская битва» какая-то женщина, въ мятомъ чепцѣ съ оранжевыми лентами, выбѣжала изъ ложи третьяго яруса въ коридоръ и спрашивала капельдинера:

— Скажите, теперь пальбы не будетъ? Я потому спрашиваю, что мы съ ребенкомъ; такъ ежели въ пушки палить будутъ, такъ онъ заплакать можетъ. Тогда его лучше вынести...

— Нѣтъ, пальбы не будетъ. Страженіе будетъ, а пальбы не будетъ, говорилъ капельдинеръ.

— То-то, я и говорю нашимъ: лучше я капельдинера спрошу, а то вдругъ пальба...

Въ коридорѣ перваго яруса тихо. Тишина эта лишь изрѣдка нарушается возгласами актеровъ, доносящимися со сцены. На скамейкѣ, растянувшись на шубахъ, спятъ два лакея. По коридору бродятъ капельдинеры. На кончикѣ скамейки сидитъ тоже лакей, фронтъ въ бѣломъ галстухѣ и съ черными бакенбардами; онъ читаетъ газету. Одинъ изъ спящихъ лакеевъ начинаетъ всхрапывать. Капельдинеръ будитъ его. Лакей-фронтъ отводитъ глаза отъ газеты и процѣживаетъ сквозь зубы: «необразованіе!»

— Что жъ дѣлать-то—стомился, говоритъ старикъ капельдинеръ, нюхая табакъ изъ табакерки съ пор-

третомъ Петра Великаго, и подсаживается къ читающему лакею.— Не желаете ли?

— Да у васъ какой? гордо и почти не оборачиваясь спросилъ лакей.

— Самый лучший березинскій...

— Нѣтъ, я не нюхаю простаго. Рапѣ ежели... французскій...

— Такъ-съ, такъ-съ, проговорилъ капельдинеръ, — газеты это читаете?

— Да. Французскую политику.

— Про Наполеона то что пишутъ?

— Сюда ѣдетъ. Вмѣстѣ съ Гарибальди.

Со сцены слышенъ звукъ трубы и потомъ возгласъ.

— Вы эту-то пьесу видали? спрашиваетъ капельдинеръ.

— Здѣсь не видалъ, а когда мы съ графомъ были заграницей, такъ видѣлъ въ Парижѣ. Какая здѣсь игра! Вотъ тамъ игра!

— При покойникѣ Василю Андреевичѣ Каратыгинѣ здѣсь было отмѣнно. Бывало, Уголину, Оттелу давали. Такъ растрогаетъ, что театръ плачетъ, а инныя дамы въ обморокъ... То и дѣло бывало, за водою въ буфетъ ходишь, да по ложамя разносишь.

— Все-таки какое же страженіе супротивъ Парижа! Я даже не знаю, кто у васъ и главный актеръ. Мы все больше въ оперу, да къ французамъ въ Михайловскій...

— Да, это точно, здѣсь публика попроще, согла-

сился капельдинеръ и замолчалъ. Лакей снова началъ читать газету.

— Мамаево Побойще кончилось и начался водевиль. Изъ кресель вышелъ въ коридоръ бѣлокурый юноша-купчикъ и подошелъ къ капельдинеру.

— Вамъ за храненіе шубы надо получить. Получите... и онъ подалъ ему пятьдесятъ копѣекъ.

Капельдинеръ началъ раскланиваться. Юноша прошелъ раза два по коридору и снова обратился къ нему.

— Скажите, вы не знаете, какъ зовутъ по имени актрису госпожу Лелеву?

— Нѣтъ-съ не знаю; при каретахъ которые, такъ тѣ знаютъ.

— Прекрасная актриса.

— Да-съ. Ихъ публика очень любить.

— Не хотите-ли водочки?

— Нѣтъ-съ, теперь на службѣ, теперь нельзя-съ. Послѣ службы,—сколько угодно, а теперь нельзя. Хереску ежели...

— Ну хереску выпьемте.

Отъ рюмки хересу юноша получилъ куражъ.

— Я вѣдь очень люблю театръ. Каждую пьесу смотрю, говорилъ онъ.—Вотъ съ актерами очень хочется познакомиться, да все не могу.

— Прекрасные люди, веселые...

— А я вотъ знаю одного актера. Господинъ Безславинъ. Они больше роли безъ словъ играютъ, такъ

очень мрачны. Я съ ними сегодня въ буфетѣ познакомился. Мы съ товарищемъ пили хересъ и они подошли. Я имъ предложилъ рюмочку,—они ничего,—выпили. Я имъ и фамилію свою сказалъ.

— Такъ-съ, отчего же имъ и не выпить? Это изъ старинныхъ актеровъ: они тоже прекрасные.

Юноша началъ спрашивать про актеровъ: кто женатый, кто холостой, какъ зовутъ, на комъ женать? и т. п. Капельдинеръ на сколько могъ, отвѣчалъ на его вопросы.

Кончился и водевиль. Публика стала выходить. Лицеисты, правовѣды и вообще воспитанники казенныхъ учебныхъ заведеній во все горло вызывали актрисъ. Театръ опустѣлъ, подняли занавѣсъ, по сценѣ заходили мужики въ тулупахъ и рубахахъ, а юношество все еще драло горло и драло до тѣхъ поръ, пока не начали гасить газъ, послѣ чего оно побѣжало на актерскій подъѣздъ, чтобы тамъ снова хлопать и кричать, благо руки крѣпки, да горло здорово.

НОВАЯ СОЛДАТЧИНА.

На другой день по обнародованіи въ газетахъ предполагаемой всеобщей рекрутской повинности въ рынкѣ только и толковъ было, что о «новой солдатчинѣ». Газеты переходили изъ рукъ въ руки и зачитывались въ клочки. Всѣ читали, всѣ толковали и судили о новой реформѣ, но въ сущности никто не зналъ въ чемъ дѣло. Знали только одно, что придется служить всѣмъ. Одни призадумались, другіе воспламенились воинственнымъ духомъ и начали помышлять объ уланскомъ киверѣ, о шпорахъ, о гремящей саблѣ? Нѣкоторые, узнавъ о такой новинкѣ, пожелали ее «вспрыснуть» и раза по три понавѣдались въ близъ лежащіе погребки. Молодцы, стоя на порогахъ, дѣлали предположенія кто изъ ихъ знакомыхъ поступить въ какое войско: кто въ конницу, кто въ пѣхоту, кто въ пожарную команду и т. д.

— Гараньку Шилоногова непременно въ Павловскій полкъ...

— А Петра?

— Петра? Петра во флотъ. Слышь, ты во флотъ просись. Ты къ водѣ-то привыкъ.

— Откуда-же, братцы, попривыкъ-то?

— Какъ откуда? А на Куленбергъ-то пьяный въ канаву ввалился.

— Молчи! Самъ послѣ Волковскаго гулянья между могилъ очнулся! Знаемъ тоже...

— Ну, а Галканцова?

— Галканцова въ егара, въ застрѣльщики, потому что карапузикъ.

— Не годится—брюхо велико. Ему и версты пѣшкомъ не сдѣлать. Его на козлы—пушки возить.

— Будетъ годиться. Казна-то не свой братъ, подберетъ брюхо. Въ три ученя обезбрюшитъ и будетъ тоще поповой собаки.

Далѣе слѣдовалъ какой-то Никифоръ, котораго за его «дылдообразіе» пророчили въ кирасиры, потомъ Иванъ, которому пророчили гусарскій мундиръ и наконецъ Василій, который вслѣдствіе косоглазія и малаго роста никуда не годился, кромѣ пожарной команды и т. д.

— А вдругъ, братцы, эдакая штука случится: меня въ офицеры произведутъ, а хозяинъ нашъ подъ моимъ началомъ простымъ рядовымъ служить долженъ. Ужъ и покажу-же я ему тогда!.. Каждый тычокъ припомню! восклицаетъ кто-нибудь.

— Вишь чего захотѣлъ! А я, братцы, какъ это положеніе выдетъ — сейчасъ охотой. Упаду въ ноги и буду проситься въ казаки.

На линіи появился купецъ Курилкинъ. Онъ шелъ въ лавку и былъ, какъ и всегда, полу-пьяный. Ноги его двигались какъ-то не сгибаясь, котиковая фуражка была нахлобучена на глаза и изъ-подъ ней торчалъ красносизый носъ.

— Куда этого дьявола упрячуть? Онъ и въ фонарики негодится; потому спиртъ ли подъ руку попадетъ, керосинъ ли — сейчасъ выпьетъ.

— Ну ужъ куда его! Въ казенный хлѣбный амбаръ развѣ — крысъ бить; да и то носъ отъѣдятъ, рѣшили ему вслѣдъ молодцы.

Курилкинъ пришелъ въ лавку, помолился на образа, заглянулъ въ выручку и началъ ругать прикащиковъ за худую торговлю. Къ нему подошелъ старшій прикащикъ и подалъ ему газету.

— Изволили читать? спросилъ онъ, ткнувъ пальцемъ въ статью.

— Что, развѣ опять кого-нибудь убили?

— Совсѣмъ особъ статья. Не насчетъ убійства, а насчетъ новой солдатчины... Теперича, значитъ, всѣ служить должны безъ изъятія. Баринъ, мужикъ, купецъ — всѣ иди въ солдаты.

Курилкинъ сообразилъ не вдругъ: началъ сморкаться, протеръ глаза и спросилъ:

— Какъ и хозяйева?

— И хозяева и прикащики.

— Ну, братъ, надо статься, ты врешь. А на кого-жъ мы лавки-то оставимъ?

— Объ этомъ тутъ ничего не пропечатано, а только сказано, что всѣ служить должны... Извольте прочесть.

Курилкина ударило въ жаръ. «Вотъ штука-то! Изъ хорошей жизни да вдругъ подъ красную шапку!» мелькнуло у него въ головѣ. Сначала онъ думалъ, не спитъ ли онъ, не пьянъ-ли, не опять-ли ему, какъ и въ прошломъ году, кажутся черти. Онъ сильно щипнулъ себя за руку и почувствовалъ боль. «Нѣтъ, на яву», рѣшилъ онъ и началъ читать газету, но въ глазахъ рябило, буквы казались стоящими кверху ногами. Онъ спряталъ газету въ карманъ.

— Ну, а ежели я откуплюсь, по первой гильдіи запишусь, колоколъ на колокольную пожертвую? Неужто и тогда не освободятъ? спросилъ онъ прикащика.

— Не освободятъ. Развѣ въ гвардію отпроситесь... отвѣчалъ прикащикъ и, при видѣ отнюдь не гвардейской фигуры хозяина, чуть не фыркнулъ.

— А вотъ я сейчасъ пойду къ сосѣду и спрошу его: правдали?... Коли ты совралъ для того, чтобъ напугать меня, такъ смотри, берегись!.. Даромъ тебѣ это не пройдетъ. Я тебя за эту облыжность къ мировому и тогда въ части насидишься.

Курилкинъ отправился къ сосѣду. Сосѣдъ былъ также въ горѣ и сидѣлъ въ задней лавкѣ, повѣся голову.

На вопросъ «правда-ли?», онъ отвѣтилъ что «правда» и прибавилъ:

— Одна надежда, что года наши ушли, да и то, говорятъ, въ какой-то резервъ попадемъ. Я ужъ подумаваю не идти-ли въ монахи. Да нельзя: жена есть...

— Что-жъ дѣлать то?

— Что дѣлать? Привыкать надо: вставать раньше; ходить больше, къ ружью привыкать. Я его и въ руки-то боюсь взять... Чтожъ, пойдёмъ въ трактиръ... Теперь ужъ все равно... рѣшилъ онъ.

Пріятели отправились въ трактиръ. Слово «привыкать» запало въ голову Курилкину. Онъ твердилъ его всю дорогу.

— Чтожъ, будемъ привыкать по маленьку, а то вдругъ-то оно будетъ охъ! какъ трудно... Смерть!... говорилъ онъ.

Въ трактирѣ пріятели подвыпили преизрядно. Вечеромъ Курилкинъ явился домой пьяный. Онъ былъ спокоенъ; вино успокоило его, но слово «привыкать» не сходило съ языка. Жену онъ засталъ за чаемъ и сообщилъ ей о новой солдатчинѣ. Та сначала не повѣрила и думала, что онъ все это говорить съ пьяна, но когда онъ показалъ ей газету, она залилась слезами.

— Господи! всплеснула она руками. — двѣнадцать лѣтъ купчихой была и вдругъ буду солдаткой.

Курилкинъ началъ ее утѣшать.

— Полно плакать! Ну, что-жь, ежели-бы я одинъ, а то всѣ служить будемъ: и знакомые наши, и городской голова, и попы, и даже самъ архіерей. Никому не обидно. И у тѣхъ жены будутъ солдатки. Главное надо привыкать исподволь, а то потомъ будетъ сразу трудно. Завтра пойду на рынокъ и куплю себѣ саблю. Что-жь, у меня ужъ года два тому назадъ было намѣреніе поступить въ черкесы, сказалъ онъ.

— Иванъ Потанычъ, опомнись. Вѣдь это ты тогда хотѣлъ поступить, когда тебѣ отъ твоего малодушества къ этому самому вину начали казаться жуки и мыши. Неужто съ тобой опять?

— Никакъ нѣтъ. Конечно, я выпивши, но въ твердой памяти. Молодцы пришли изъ лавки? спросилъ онъ вдругъ.

— Пришли.

— Такъ я пойду къ нимъ. Теперь съ ними надо помасковѣе, потому можетъ придется въ однихъ рядахъ стоять. Не плачь, а поди и вели въ залъ накрыть закусочку и поставить водку.

Курилкинъ всталъ и пошатываясь направился въ молодцовую. При входѣ его молодцы повскакали съ мѣстъ.

— Что, братцы, всѣ тамъ будемъ... Всѣмъ лобъ забрѣютъ... сказалъ онъ.

— Это точно-съ... это дѣйствительно... слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Простите, коли чѣмъ обидѣлъ, потому придется, можетъ, въ одной ротѣ быть.

— Насъ простите... заговорили молодцы.

— Ну, пойдѣте, выпьемте... У меня въ залѣ закуска накрыта.

Не понимая, что сдѣлалось съ вѣчно сварливымъ хозяиномъ, молодцы отправились въ залу. Курилкинъ остановился посреди залы.

— Главное дѣло, теперь надо привыкать къ этой солдатчинѣ, привыкать, заговорилъ онъ и вдругъ, указывая на закуску, крикнулъ:—а ну-ко, въ штыки.

Молодцы подошли къ закускѣ и выпили. Хозяинъ началъ ихъ угощать еще. Они не отказывались. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ они сдѣлались развязнѣе, а хозяинъ совсѣмъ осатанѣлъ. Слово «привыкнуть» не сходило у него съ языка.

— А ну-ко, выстройтесь-ка по солдатски да промаршируйте, сказалъ онъ. Молодцы начали маршировать. Курилкину это понравилось.

— А теперь, вотъ что... Четверо встаньте у стола съ закуской и охраняйте ее, а четверо наступайте и берите ее приступомъ. Чья возьметъ. Я буду командовать. Привыкать надо... Дѣлать нечего.

Молодцы раздѣлились. Началось взятіе закуски. Сдѣлалась свалка. Курилкину попало по зубамъ, но онъ и не замѣтилъ этого. Закуска была взята. Слѣдовала опять выпивка.

— Барабана у насъ, Иванъ Потапычъ, нѣтъ, а то-бы еще веселѣе было, сказалъ одинъ молодецъ.

— Барабана нѣтъ? Купимъ. Все будетъ. Ундера даже найму. Пусть насъ всему обучаетъ. Потому привыкать надо.

— Позвольте, Иванъ Потапычъ, ундера сейчасъ можно достать. Въ нашемъ домѣ въ подвалѣ одинъ живетъ. Онъ сапожнымъ ремесломъ занимается. Ежели желаете, я сейчасъ за нимъ схожу.

— Лихо! Порхай! Ребята, кричите ура!

Раздалось ура. Черезъ десять минутъ явился «ундеръ». Это былъ высокій и мрачный съ виду солдатъ съ щетинистыми усами. Онъ сразу понялъ чего отъ него требовали. Курилкинъ поднесъ ему стаканъ водки и спросилъ:

— Можешь ты насъ артикулу всякому солдатскому обучить, маршировкѣ и разному тамъ?..

— Могу-съ, отчего-же не обучить, отвѣчалъ солдатъ.—Только какое отъ васъ мнѣ за это будетъ положеніе?

— Десять рублей въ мѣсяцъ и водки въволю...

Каждый вечеръ ты насъ долженъ учить, а по утрамъ приходитъ въ кухню бить зорю и будить насъ. Барабанъ я завтра куплю.

— Это можно-съ. Начинать науку сейчасъ прикажете?

— Начинай:

Началось ученье, раздалась команда. Въ двумъ ча-

самъ ночи всѣ перепились. Курилкина замертво стащили въ спальню и положили на кровать. Съ этого дня пьянство не прекращалось. Солдатъ сдѣлался его лучшимъ другомъ. Каждый день поутру, являлся онъ въ кухню, билъ въ барабанъ и будилъ всѣхъ. Вечеромъ накрывалась закуска, ставилась водка и начиналось ученье. Производились штурмы, вылазка, рекогносцировка для отысканія въ другихъ комнатахъ спрятанной водки, билъ барабанъ, раздавались сигналы, наигрываемые солдатомъ на губахъ. Жена Курилкина, видя все это безобразіе, плакала, упрашивала мужа оставить эти забавы, служила молебны, ставила свѣчи, но ничего не помогало. Въ отвѣтъ Курилкинъ твердилъ только одно:

— Привыкать надо, привыкать...

— Господи! Хоть бы ужъ бѣлая горячка его схватила. Хоть-бы черти-то эти ему показались, такъ авось онъ хоть-бы ихъ-то испугался и ученье это проклятое бросилъ! Восклицала она.—Покою нѣтъ. Каждый день, каждый день!

Однажды солдатъ явился и сказалъ:

— Ну, Иванъ Потапычъ, радуйтеесь! Важнецкую я штуку придумалъ. Молите только Бога, чтобъ поскорѣй побольше снѣгу выпало. Какъ только снѣгъ выпадетъ—сейчасъ мы на заднемъ дворѣ устроимъ изъ него крѣпость и маневры производить будемъ. Я ужъ на эту игру съ нашего двора всѣхъ мастеровыхъ подманилъ.

Согласились. Они будутъ турки и въ крѣпость эту засядутъ, а мы ее брать будемъ.

— Другъ! Первый другъ! воскликнулъ Курилкинъ и отъ полноты чувствъ даже обнялъ и поцѣловалъ солдата.

ЧЕРНОЕ МОРЕ.

(СЦЕНА СЪ НАТУРЫ).

Въ трактирѣ, на черней половинѣ, сидѣли два мужика и пили чай. Одинъ изъ нихъ былъ пожилыхъ лѣтъ, приземистъ, корявъ изъ лица, въ рваномъ полушубкѣ, другой—молодой, румяный въ новой дубленкѣ, новыхъ валенкахъ и съ серьгой въ ухѣ—ухарь парень: не то разнощикъ, продающій съ лотка, не то фабричный. Молодой читалъ по складамъ газету; пожилой звонко прихлебывалъ съ блюдечка чай и глядѣлъ прямо въ ротъ читающему. Слышались слова: Черное море... Дарданелы... могущественный рычагъ... гордый Альбионъ и т. п. Къ чтенію прислушивался сидящій за другимъ столомъ старикъ — сборщикъ на церковь. На груди его висѣлъ мѣшокъ съ книжкой, на которомъ

былъ нашить позументовый крестъ. Пожилой мужикъ допилъ съ блюдечка чай, отряхнулъ въ него кусокъ сахару и перебилъ чтеца.

— Что же это за Черное море такое? Неужто оно такъ черное и есть? спросилъ онъ.

— Да надо статься, что черное, а то какъ же... И бѣлую собаку арапкой не кличутъ, а вѣдь это море...

— Скажи на милость! Вотъ чудеса-то!

— А ты думалъ какъ-же... Изойди-ка бѣлый свѣтъ,—чего-чего въ немъ не найдешь! Даже люди съ песьими головами есть. — Да вонъ страннымъ людямъ всего лучше знать, кивнулъ молодой мужикъ на сборщика. Не трафилось, почтенный, тебѣ на Черномъ морѣ-то бывать? обратился онъ къ нему.

Сборщикъ на церковь откашлялся въ руку и перекрестился.

— Самому бывать не трафилось, а отъ людей слышалъ, сказалъ онъ. Въ кіевскихъ пещерахъ сподобилъ Богъ побывать, а на Черномъ морѣ не былъ.

— Что-жъ оно крѣпко черное?

— Какъ уголь.

— И вода черная?

— Что твоя смола! И смрадъ отъ него идетъ сильный.

— Вотъ въ эдакомъ морѣ окунутся, такъ и свои не узнаютъ.

— Нельзя—сейчасъ смерть.

— Тсъ!..

Мужики покачали головами. Сборщикъ воодушевился, погладилъ бородку и продолжалъ:

— Моря разныя есть, православныя. Есть Бѣлое море и вода въ немъ бѣлая и медвѣди плавають бѣлые; есть Красное море и замѣсто воды въ немъ кровь... А-то есть зеленое море — то значить рѣка Іорданъ и херувимы надъ нимъ порхаютъ...

— А синее-то забылъ? Вонъ и въ пѣснѣ поется—разыгралось синее море..... вставилъ слово молодой парень.—Пѣсня—быль.

— И синее есть... Разныя моря есть. Черное море потому черное, что на него проклятіе положено. Допрежь того тутъ три города стояло и въ городахъ этихъ жили нечестивые, которые забыли свою вѣру православную и вели блудную жизнь. Что мужчина — то блудникъ, что женщина—то блудница, младенцы даже которые рождались, и тѣ сейчасъ-же блудниками и блудницами дѣлались. За грѣхи свои города эти провалились и стало на семъ мѣстѣ Черное море.

— Неушто все до единого провалились?

— Осталась только горка, на горкѣ обитель, а въ обители этой семьдесятъ старцевъ праведныхъ, одинъ другого старѣе; и самому младшему изъ нихъ теперича тысяча лѣтъ. Обитель эта такъ посередь моря и стоитъ и стерегутъ ее черные арапы, отъ султана приставленные, и всякое истязаніе старцамъ творять.

— Скажи на милость! Вотъ диво-то! хорошо коли

кто все это знаетъ, процѣдилъ сквозь зубы пожилой мужикъ.

— Широко это море-то?

— Съ одного края на другой не видно — страсть!

— Шире Волги?

— Куда! Почитай въ сто разъ шире.

— А далеко оттелева Ерусалимъ?

— Не могу знать, почтенные, а надо полагать, что близко.

Въ половинѣ этого разговора въ комнату вошли: гвардейскій солдатъ и молодая баба въ синемъ шугаѣ и въ расписанномъ платкѣ на головѣ. Они потребовали чаю. Солдатъ началъ прислушиваться къ разговору. Молодой парень по прежнему задавалъ сборщику вопросы.

— Ну, а чье-жъ это самое черное море? спросилъ онъ.

Сборщикъ замаялся.

— То есть какъ чье? Извѣстно, божье... Вотъ старцевъ этихъ, что въ обители заключены, наши ослобонить хотятъ, да трудно. Семь мостовъ строили и каждый проваливался.

— А на корабляхъ приплыть нельзя?

— Извергнетъ, потому—не вода; а смола...

Солдата взорвало. Онъ вмѣшался въ разговоръ.

— Старый ты человѣкъ, а врешь, сказалъ онъ сборщику. На корабляхъ нельзя, такъ пароходы по немъ ходятъ.

— Что-жъ, служивый, вамъ лучше знать. Вы человекъ бывалый, а мы по наслышкѣ. Люди ложь и мы тожъ, отвѣчалъ сборщикъ.

— Такъ, то то... Нечего и соваться! Моремъ этимъ, почтенные, владѣютъ семь царей, обратился онъ къ мужикамъ. На одномъ концѣ владѣемъ мы, на другомъ—турка, на третьемъ—китаецъ, на четвертомъ—арапъ, на пятомъ—нѣмецъ, только ему препона положена, чтобъ не стрѣлять... на шестомъ тамъ еще разные...

Солдатъ остановился.

— Спасибо тебѣ, служивый! благодарили его мужики.

— Ну, а что это за слово такое, служба? спросилъ солдата молодой парень, отыскалъ въ газетѣ и прочелъ: — «Гордый Альбіонъ съ завистью взираетъ на успѣхи на востокѣ». Альбіонъ-то этотъ ругательное слово, что ли?

— Хитеръ больно. Поднеси стаканчикъ—такъ скажу, отвѣчалъ солдатъ.

— А зачѣмъ не поднести? Мы и сами выпьемъ за компанію.

Потребовались три стаканчика. Солдатъ подсѣлъ къ мужикамъ, чокнулся съ ними, выпилъ и сказалъ:

— Про Наполеона слыхали?

— Какъ не слыхать!

— Ну, вотъ Альбіонъ этотъ самый Наполеонъ и есть, потому онъ теперь съ разными пашпортами жи-

ветъ и что не мѣсяцъ, то имя свое мѣняетъ, отчека-
нилъ солдатъ.

— Иванъ Пантелѣичъ, куда-жъ вы ушли? я пужа-
юсь одна... крикнула солдату баба.

Къ мужикамъ подошелъ сборщикъ, протянулъ книгу
съ крестомъ, поклонился и на распѣвъ заговорилъ:

— Порадѣйте, православные, на построение храма
Господня... Великомученицы Параскевы Пятницы!..

Мужики дали по грошу.

НА МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКѢ.

(СЦЕНЫ СЪ НАТУРЫ).

Въ саду, около навѣса, подъ которымъ висятъ колокола, стоятъ двое въ длиннополыхъ сертукахъ: не то артельщики, не то торгующіе мѣщане. Одинъ изъ нихъ молодой, лѣтъ двадцати-пяти, другой постарше. Они читаютъ на колоколахъ надписи, разсматриваютъ образъ.

— Надо статья, Варвара Великомученица или Екатерина, говоритъ одинъ изъ нихъ, который помоложе, указывая на вычеканенный на колоколѣ образъ.

— Сморозь еще что нибудь! Нешто женщинъ на колокола сажаютъ? Имъ и на колокольню-то нѣтъ допущенія.

— То бабамъ, а это святыя жены.

— Все-таки не подобаетъ, потому не по закону. Ты загляни-ко въ алтарь, нешто тамъ, окромя Бого-

родицы, женскіе образа есть? Молодой парень начинает пристальнѣе вглядываться.

— По облику-то совсѣмъ женщины, говоритъ онъ.

— Вьюноши: оттого и обликъ женскій. Михаилъ Архангелъ или Иванъ Воинъ... Вьюношей-то вѣдь много было.

Мимо колокольни проходятъ два офицера. Одинъ изъ нихъ хватаетъ за веревку и ударяетъ въ колоколъ.

Молодой парень толкаетъ товарища подъ бокъ и, кивая на офицеровъ, говоритъ:

— Балуются!

— Извѣстно, господа.

— А я и самъ смерть люблю въ колокола звонить!

Да оно и хорошо, потому теперича ежели на колокольнѣ въ освѣщенный колоколъ да въ Пасху, такъ тому чело-вѣку за каждый трезвонъ по семи грѣховъ долой спускается.

Молодому парню, видимо, очень хочется позвонить въ колокола. Онъ улыбается, заходитъ съ разныхъ сторонъ, осматриваетъ колоколъ и слегка трогаетъ за веревку.

— Не балуй, еще притянуть. Скажутъ, колоколъ разшибъ.

— Да вѣдь даве звонили.

— То господа.

Къ колокольнѣ подходятъ: пожилая дама съ двумя дочерьми, одѣтыми совершенно одинаково, какъ, говорится, въ одно перо. Около дочерей увиваются: чинов-

никъ военнаго министерства и золотушный молодой человекъ, въ бѣломъ пальто и сѣрой высокой шляпѣ. Длиннополые сертуки сторонятся. Дамы подъ руководствомъ кавалеровъ начинаютъ осматривать колокола.

— Это что за колокола! Это такъ, игрушка! какъ-то гнуся рассказываетъ франтъ. Нѣтъ, вотъ колокола, за-границей! Тамъ даже и звонятъ паровой машиной, потому что иначе и языкъ раскатать невозможно. Гром-мальной величины! Глядѣть страшно. А это что!

Франтъ ударяетъ въ колоколъ.

— Нѣтъ, и это страшно. Оглушили совсѣмъ! жеманно отвѣчаетъ одна изъ дочекъ.

— Это оттого, что внезапно и съ непривычки.

— Нѣтъ, Жюли у меня удивительно какъ нервозна: она ничего не можетъ выносить, замѣчаетъ мать.

— Скажите, Анатолій Петровичъ, какже тамъ за-границей въ такіе колокола звонятъ? Вѣдь это оглушить можно, допытывается дочь.

— Уши завязываютъ. А то иначе нельзя... Тамъ даже такіе наушники есть, герметически закупоренные, называются. Хотите сами позвонить? Позвоните... предлагаетъ молодой человекъ и протягиваетъ дѣвушкѣ веревку. Не бойтесь. *Tirez seulement.*

— Ахъ Мари, пожалуйста осторожниѣ! вскрикиваетъ мать съ такимъ испугомъ, какъ будто ея дочери предстоитъ подвигъ остановить на всемъ скаку тройку лошадей.

— Ну вотъ, видите, и живы остались, замѣчаетъ

военный чиновникъ и брякаетъ шпорами.—Теперь позвольте мнѣ вашимъ звонаремъ или, такъ сказать, пономаремъ быть, говоритъ онъ и начинаетъ ударять въ колоколъ.

— Петръ Ивановичъ, оставьте! Оставьте! упрашиваетъ дама.

Военный чиновникъ перестаетъ звонить и самодовольно и съ гордостью подходитъ къ компаніи. Стоящіе поодаль длиннополые сертуки шепчутся и улыбаются. Молодой переминается съ ноги на ногу, то подбочивается, то заламываетъ картузь на бокъ и наконецъ, какъ-бы на что-то рѣшаясь, хлопаетъ себя по боку и подходитъ къ колокольнѣ.

— Эхъ, ваше благородіе, звонить-то вы я вижу не умѣете, обращается онъ къ офицеру. Нѣшто такъ звонять? Вотъ какъ... и прежде чѣмъ кто-либо что успѣлъ отвѣтить, молодой парень сбросилъ съ себя картузь на землю, откинулъ полу сертука и, поплевавъ на руки, принялся звонить во всѣ колокола.

Лице его сіяло и улыбалось, глаза блестѣли, руки и ноги такъ ходуномъ и ходили. Около его началъ останавливаться проходящій народъ. Прозвонивъ съ минуту, онъ бросилъ веревки, поднялъ картузь и какъ то ухарски повернулся на каблукахъ.

— Вотъ какъ звонить нужно! Вотъ какъ въ нашемъ мѣстѣ звонять! воскликнулъ онъ, обращаясь къ публикѣ.—Когда мы въ своемъ мѣстѣ, такъ цѣлую Пасху

съ колокольни не сходимъ, добавилъ онъ и молодцовато отошелъ къ товарищу.

Въ толпѣ начали аплодировать. Къ нему подошли: чиновникъ военного министерства, звонившій въ колоколъ и золотушный франтъ, рассказывавшій о герметически закупоренныхъ наушникахъ.

— Вы изъ духовнаго званія? спросилъ его франтъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Мы полотеры будемъ, отвѣтилъ молодой парень, ткнувъ товарища въ бокъ и отправился съ нимъ далѣе.

II.

Около стола, на которомъ разложены и разставлены духовые инструменты, стоитъ экспонентъ и рассказываетъ какому-то генералу устройство клапановъ какого-то вновь изобрѣтеннаго стального духоваго инструмента. Генералъ слушаетъ со вниманіемъ.

— Отлично, ежели ввести для употребленія въ армію и флотъ, говоритъ экспонентъ и начинаетъ перечислять удобства инструмента.

— А тонъ? Можно послушать тонъ? спрашиваетъ генералъ.

Экспонентъ начинаетъ что-то наигрывать. Заслыша звуки, осматривающіе выставку начинаютъ окружать экспонента. Собирается самая разношерстная толпа. За спиной генерала помѣщается купецъ въ длинномъ сер-

тукъ въ шляпѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ и также смотреть внимательно.

— Новый инструментъ, говоритъ кто то.— Совсѣмъ новый.

— Отличный серебристый звукъ, замѣчаетъ какой-то офицеръ и взглядываетъ на купца.

— Это точно-съ, звукъ превосходный, только вѣдь теперича на этомъ струментѣ, какъ и на всякой другой дудкѣ, надо умѣючи играть, а ежели такъ зря взять да дуть, такъ хоть ты разорвись, такъ ничего не будетъ.

Офицеръ улыбается.

— Конечно, только вѣдь какой инструментъ не возьмите, на всякомъ нужно учиться.

— Про то я и говорю. Стало быть это и не новость и не выдумка, отвѣчаетъ купецъ.— Ужъ ежели забавную штуку хочешь выдумать, чтобъ удивить, такъ придумай такую дудку, что вотъ ты ее взялъ, пальцами зря перебирать началъ, а она и заиграла.

Въ толпѣ раздается смѣхъ.

— Да вѣдь это странно. Гдѣ же вы такой инструментъ видѣли, чтобы на немъ могъ не умѣющій играть? допытывается офицеръ.

— А органъ? Чудесное дѣло! Завелъ машину — сядись за столикъ и попивай чаекъ. Да еще какъ играетъ-то. Надоѣлъ чай — снимай сертукъ и ложись на диванъ, а музыка все играетъ.

— Такъ ужъ вы органъ себѣ и купите.

— И купимъ, коли разбогатѣмъ, а вотъ прежде сожительницу нужно изъ деревни выписать... отвѣчаетъ купецъ и отходитъ говоря: Нѣтъ, ужъ коли выдумывать, такъ выдумай такую дудку, чтобъ и пьяный на ней могъ играть.

III.

У выставленной желѣзной брони, пробитой ядрами, употребляемой для обшивки мониторовъ, и у разставленныхъ около нее въ симетрію громадныхъ конусообразныхъ ядеръ толпится народъ. Слышны фразы: «господа! до чего человѣкъ умудряется. И все своему брату на погибель». «двоимъ съ мѣста эдакую махину не сдвинуть, а тутъ выпалать и летить почитай больше версты».

— Премудрость! восклицаетъ кто-то.

Дивятся всѣ. Въ числѣ дивящихся стоитъ и мать—пожилая женщина съ молоденькою миловидною дочкою.

— Маменька, что же это-то такое? спрашиваетъ дочь, указывая на ядра.

— Это бонбы, чтобъ въ пушки палить, поясняетъ какой-то мѣщанинъ.

— Неужели для пальбы? Страсти какія! шепчетъ дѣвушка. И вдругъ эдакая штука въ глазъ...

— Что ты душенька говоришь! Какой тутъ глазъ! поправляетъ ее мать. Ежели въ руку или въ ногу попадетъ, такъ и то калѣжкой останешься.

— Страшно... Какъ это только солдаты на войну ходять.

— Нешто они сами? Ихъ гоняють-сь, продолжаетъ пояснять мѣщанинъ.

Къ нему обращается какая-то женщина въ атласномъ салопѣ и въ двуличневой косынкѣ на головѣ.

— А это что же за плита такая? спрашиваетъ она.

— Это-сь? А вотъ эдакія каленыя плиты мы на томъ свѣтѣ за грѣхи наши лизать будемъ; а вонъ въ тѣхъ котлахъ, что въ томъ отдѣленіи изволили видѣть, нашу братью варить будутъ. Хороши закуски-то?

Женщина въ недоумѣніи смотритъ на мѣщанина. Въ толпѣ кто-то, не могши удержатъоя отъ смѣха, фыркаетъ.

ВЪ БАНЯХЪ.

Быль вечеръ. Газовые рожки ярко освѣщали раздѣвальную комнату Туляковыхъ бань. Народу было немного. Въ углу, на диванѣ, завернувшись въ простыню, лежалъ пожилой купецъ съ окладистой бородой и пилъ кислые щи. Поодаль отъ него раздѣвался, снимая съ себя сюртукъ съ пагонами, чиновникъ военнаго министерства. Въ другомъ углу попъ расчесывалъ гребнемъ свои мокрые волосы.

Въ раздѣвальную вошелъ молодой купецъ. Онъ былъ въ коротенькой шубѣ, изъ подъ которой виднѣлись полы халата. Сзади его мальчикъ въ ватномъ казакинѣ несъ узелъ съ бѣльемъ. Молодой купецъ отдалъ шубу сторожу. Завидя лежащаго пожилого купца, онъ тотчасъ же крикнулъ:

— Парамону Иванычу! и, обратясь къ мальчику, сказалъ: — Эй, Мольтка! Неси сюда бѣлье. Здѣсь будемъ раздѣваться. Знакомые есть.

Молодой купецъ сѣлъ противъ пожилаго. Спросивъ, хорошъ-ли паръ, тепло ли въ передбанникѣ, онъ началъ раздѣваться и снова обратился къ мальчику:

— Ну, Мольтка?!—снимай съ меня сапоги.

Парамонъ Ивановичъ прислушался.

Какъ ты это его зовешь? Что, кажись, такого и имени въ святцахъ нѣтъ? спросилъ онъ.

— Мольткой. Это не имя. Это сосѣдъ нашъ по лавкѣ Головановъ его такъ окрестилъ. Шутникъ онъ. Таперича начитался онъ этихъ самыхъ газетъ, про эту политику, значить и всѣмъ названія этихъ воиновъ роздалъ. Кого Трошу зоветь, кого Тьеромъ... а его вотъ Мольткой прозвалъ, рассказывалъ молодой купецъ. Такъ изъ газетъ и хлещетъ! Сядемъ въ мушку играть—тузъ пикъ у него Жуль-Фавръ, въ горку—бардадыма бардадымомъ не называетъ, а Бисмаркомъ. Саяшникъ, что насъ въ рядахъ кормить—Тьеръ у него, а сосѣда нашего Бубликова Рошфоромъ окрестилъ. Тотъ смерть этого не любитъ, сердится. Дѣло чуть до драки не дошло. Къ мировому ужъ хотѣлъ подавать да свои отговорили. «Какой я, говоритъ, Рошфоръ, у меня христіанское имя есть.» На что жену свою—и ту Гамбеттой прозвалъ. Были мы тутъ какъ-то на именинахъ, такъ та въ слезы. «Что, говоритъ, я тебѣ за Гамбетта досталась! Пятнадцать лѣтъ вмѣстѣ прожили, все была Анна Ивановна, а вдругъ Гамбеттой сдѣлалась».

— Безобразникъ, извѣстно, процѣдилъ сквозь зубы Парамонъ Ивановичъ.

— Позвольте, какъ-же онъ жену Гамбеттой зоветъ. Вѣдь Гамбетта мужчина? вмѣшался въ разговоръ чиновникъ военного министерства.

— Да вѣдь ему все равно. Онъ, такъ, зря...

— Какъ мужчина? А отчего-же имя женское? спросилъ Парамонъ Ивановичъ.

— Не женское, а италіанское. Онъ, надо полагать, италіанецъ, а италіанцевъ все такъ зовутъ, пояснилъ чиновникъ.

— Подижь ты! А вѣдь я думалъ, что и у таліанцевъ: мужчина, такъ за мужчину идетъ, а женщина, такъ за женщину. А почему вы знаете, можетъ эта Гамбетта только въ мужское платье переодѣта. Чтожъ, говорятъ, и у насъ на Кавказѣ какая-то женщина воевала; только въ офицерское платье переодѣта была.

— Да нѣтъ, вы это бросьте! Голованову, про котораго я рассказываю, все равно. Ему какое слово попало на языкъ, то и ладно, снова началъ молодой купецъ. Онъ вонъ теперь трактиръ не иначе какъ капитуляцій зоветъ. «Пойдемъ, говорить, въ капитуляцію чайку испить да дизентеріи по рюмочкѣ выпить». Чиновникъ захохоталъ.

— Какъ дизентеріи? Да вѣдь дизентерія болѣзнь. Кровавый поносъ.

Молодой купецъ ударилъ себя по бедрамъ.

— Что вы? Ну, скажите на милость! А вѣдь мы думали, что дизентерія значитъ пьянство. Такъ и считали. Какъ-же во всѣхъ газетахъ стояло: «въ войскахъ сви-

рѣпствуетъ дезентерія». Мы и думали, что пьянство. Вѣдь придумаютъ-же эдакое мудреное слово!

— Вы-бы ужъ спросили у когонибудь лучше.

— У кого спросить-то? У буфетчика, что-ли?

— Парамонъ Иванычъ началъ охатъ.

— Что вы? спросилъ молодой купецъ.

— Ногу смерть ломить. По всему тѣлу ломота. То въ ребро жиганетъ, то въ ногу, а то плечо... Давеча ужъ и то перцовкой въ банѣ натерся, думалъ что лучше будетъ—ничего не лучше.

— Вы-бы къ доктору...

— Къ доктору? Нѣтъ ужъ благодаримъ покорно! На своей шкурѣ извѣдали, что эти доктора-то есть.

— Вѣрно не къ хорошему попали.

Да вѣдь ктоже его знаетъ! Нѣмецъ какъ нѣмецъ. Заболѣло тутъ у меня плечо. Ну, просто — смерть! Всю ночь не спалъ. На утро пошелъ въ аптеку. Дай, думаю, полечусь. Пришелъ. За конторкой нѣмецъ стоитъ. Нѣтъ ли, говорю, у васъ какого снадобья помазаться? Плечо говорю, покою не даетъ. Посмотрѣлъ на меня этотъ нѣмецъ да и говоритъ: «мы, говоритъ, такъ дать не можемъ. Вы къ доктору сходите—что онъ пропишетъ, то и дадимъ. Вотъ здѣсь, говоритъ, рядомъ лечебница есть.» Ну, чтожъ, думаю, схожу. Отправился.

— Парамонъ Иванычъ остановился.

— Да что и рассказывать-то не стоитъ... Срамота одна... сказалъ онъ.—Никому я объ этомъ ни расска-

зываетъ, потому позоръ... Узнають у насъ въ рынкѣ сосѣди, такъ еще дразнить начнутъ.

— Ужъ рассказывайте, коли начали. Я—могила. Ей Богу, никому не скажу, ободрилъ его молодой купецъ.

— Да что, совѣстно... Ну, пришелъ я къ этому доктору. Взяли съ меня рубль при входѣ. Выходить самъ. Вотъ ломота, говорю, по всему тѣлу, спать не даетъ. Дайте, говорю, помазаться. «Надо, говорить, посмотреть.» И велѣлъ мнѣ раздѣться. Раздѣлся я. Ужъ онъ меня щупалъ, щупалъ... «Я, говорить, мазаться ничѣмъ не даю. Я водой лечу. Согласны вы?» Согласенъ, говорю, потому, думалъ я, что онъ мнѣ наговореной воды пить дастъ, анъ дѣло-то вышло, чтобъ ему пусто было, не то...

Купецъ опять остановился.

— Говорите, говорите... слышалось со всѣхъ сторонъ.

Къ разговору началъ прислушиваться и священникъ. Купецъ продолжалъ.

— Въ гробъ лягу, а этого леченья не забуду! Повелъ онъ меня изъ этой комнаты какъ есть нагишемъ въ другую. Вижу—ушаты стоятъ, пожарныя трубы какія-то, два солдата ходятъ. Робость меня взяла. Своихъ никого. Ну, драть начнутъ! думаю. Поставилъ онъ меня къ какой-то рѣшеткѣ, и сказалъ что-то солдатамъ. Тѣ начали качать трубы, да какъ жигануть въ меня холодной водой. Свѣту я не взвидѣлъ. Началъ бѣгать по-комнатѣ, а они изъ этой трубы въ меня въ догонку. Я

кричу: отпустите душу на покаяніе, а они, знай, свое дѣлаютъ. Закричалъ караулъ. Оставили. Подбѣгаетъ ко мнѣ нѣмецъ и говоритъ: Позвольте, говоритъ, еще не все. Нужно, говоритъ, еще простыни со льдомъ. Смирный я человѣкъ, а чуть ему въ бороду не вцѣпился. Увидалъ, что дверь въ другую комнату отворена, какъ жигану туда, и ну, одѣваться! Нѣмецъ за мной. Я его ругать. Слышу, что-то полицію поминаетъ. Владычица, думаю, унеси ты меня изъ этого вертена, поскорѣй! Кой-какъ накинулъ я на себя одежку и драю домой! Даже чулки и жетку у этого самаго доктора забылъ. Бѣгу по улицѣ, а самъ зубъ на зубъ не могу попасть. На улицѣ морозъ. Проходящіе на меня смотрятъ, потому я какъ тигра какая бѣжалъ. Прибѣжалъ домой и ударило меня вдругъ въ потъ. Жена, дѣти спрашиваютъ, что со мной, а я молчу. Потому какъ скажешь? Срамъ! Какъ не допытывались, какъ не спрашивали, такъ и не сказалъ. Жена въ слезы и на утро молебень служить. О чулкахъ и жилеткѣ—ни гу—гу! Такъ и пропали! Такъ вотъ они доктора то!

Присутствующіе начали хохотать.

— Вѣдь вы это въ водолечебницу попали, сказалъ чиновникъ военнаго министерства. Знаете, леченіе это отъ многихъ болѣзней помогаетъ.

— Помогаетъ или не помогаетъ, а только, вѣрите-ли, положи мнѣ сейчасъ пятьсотъ рублей и скажи: иди къ доктору.—Не пойду. Потому шестой я десятокъ на свѣтѣ живу, а эдакого срама не видалъ!

— Къ разскащику подошелъ парильщикъ.

— Тамъ перцовки-то еще осталось. Коли не будете больше тереться, такъ я выпью ее... сказалъ онъ.

— Пей... отвѣчалъ купецъ.

ДВУСТОЛБОВА

(отъ автора)

ДѢТСКІЯ САДЫ.

(СЪ НАТУРЫ).

На дняхъ въ здѣшнемъ прикащикьемъ клубѣ была баллотировка. Между нѣсколькими вопросами, предложенными къ баллотировкѣ, былъ предложенъ и вопросъ объ устройствѣ въ помѣщеніи общества дѣтскихъ садовъ по системѣ Фребеля. Передъ баллотировкою, въ буфетной комнатѣ мы были свидѣтелями слѣдующаго разговора.

— Вы Иванъ Ивановичъ, на право или на лѣво положите? То есть за устройство этихъ самыхъ садовъ или противъ? спрашивалъ длинный съ сѣдыми бакенбардами купецъ другаго купца, толстенькаго, приземистаго, въ длинномъ сюртукѣ и съ массивною золотою цѣпью, мирно покоящуюся на объемистомъ брюшкѣ.

— То есть отчего же противъ? Садикъ, ничего —

важно! А для общества это плевать! — потому только на девятсотъ рублей разкошелятся, съ улыбочкой отвѣчалъ толстенькій и самодовольно похлопалъ себя по брюшку. Что для общества девятсотъ рублей? на буфетъ изъ-за этого сада больше наверстають.

— Это и я говорю, потому штука славная! Дѣти— дѣтьми; въ песочкѣ тамъ пороются, въ чехарду поиграють, въ палочку... и все эдакое, а и для взрослыхъ хорошо, потому сами учтите, всякому лестно, рюмочку, другую подъ кустикомъ пропустить—прокладаетъ важно. А то и чайку... вечеромъ эдакъ подъ деревцомъ съ фанариками, да еще бенгальскаго огоньку пустить.

— Это точно, это дѣйствительно.... Потому садикъ вещь важная! Вонъ у меня своякъ... У него трактиръ въ Коломнѣ. По лѣтамъ бывало бѣда! Ни въ зубъ толкнуть покупателя! Было такъ, что просто хотъ трактиръ закрывай, а его кто то и надоумъ: дуракъ, говорить, устрой на дворѣ садишко да пусти двухъ-трехъ арфянокъ—отъ народу отбою не будетъ. Чтожъ бы вы думали? И всего то онъ съ десятокъ паршивенькихъ деревцовъ насадилъ, да скамеечки надѣлалъ со столиками, а народъ такъ и повалилъ. Потому подъ кустикомъ каждому лестно... ну и арфянка притягиваетъ.... Тутъ какъ-то лѣтось купцы изъ Никольскаго рынка съ этими арфянками-то раскутились, такъ вѣдь сотъ шесть въ вечеръ то ухлопали. Садъ-то въ одинъ

вечеръ и окупился, да еще съ барышкомъ. И у насъ изъ-за этого самаго къ клубу и къ буфету будетъ приращеніе.

Длинный купецъ засунулъ руки въ брючные карманы, началъ покачиваться и улыбаться. Улыбнулся и толстенкій. Оба другъ друга поняли.

— А что не пропустить ли пока еще такъ запросто?.. Кустики-то еще не скоро поспѣютъ, выговорили они оба почти вдругъ, засмѣялись и подошли къ буфету.

— Нацѣдите-ка двѣ купеческой, что на хрусталѣ настоена, сказалъ толстенкій буфетчику и обратясь къ товарищу началъ:—все это вещь прекрасная, только пораскинули-ли старшины умишкомъ-то: Гдѣ они кустовъ да деревьевъ-то наберутъ?.. Конечно ельникъ дешовъ, да вѣдь ельникомъ-то оно... толстенкій не договорилъ, закивалъ по направленію къ двери и крикнулъ:—Пантелей Ивановичъ! подходи! Троицей-то оно лучше пьется.

Къ буфету подошелъ третій купецъ съ черной бородой, въ очкахъ, сгорбленный и съ виду очень мрачный.

— Выпьемъ вотъ, за сады-то! Вещь важная.

Мрачный не дожидаясь другихъ, проглотилъ рюмку водки, скорчилъ рожу, хотѣлъ было чѣмъ-то закусить, но махнулъ на закуску рукой и началъ:

— Важная, важная! А что будетъ потомъ-то? Кому придется кашу-то расхлебывать? Спросили-ли они у домохозяина - то? Нешто въ контрактѣ сказано, чтобъ

здѣсь сады устраивать, да сырость разводить? Вѣдь, чтобы устроить садъ, на нашу то залу бѣдно двадцать воевъ песку одного потребуется. Не поливать нельзя, потому пыль будетъ, а польешь, такъ сырость пойдетъ, плѣсень по стѣнамъ. Да тутъ блохъ однихъ не оберешься! Червь пойдетъ, букашка разная... машкара. А паркетъ? Да за него потомъ и двухъ двугривенныхъ никто не дастъ. На выжигу развѣ...

— Ну вотъ, можно доски на паркетъ наслатъ... заговорили было купцы, но въ ихъ разговоръ вмѣшался молодой человѣкъ.

— Послушайте, господа, я прислушался къ вашему разговору и изъ словъ вашихъ замѣтилъ, что вы все не понимаете, что такое дѣтскіе сады. Дѣтскіе сады носятъ только названіе садовъ, въ сущности же это только школа для маленькихъ дѣтей, гдѣ ихъ, среди игръ, будутъ приучать къ занятіямъ, свойственнымъ ихъ возрасту, учить чтенію, счету и т. п. Вамъ тамъ не удастся пропускать подъ кустами водочку... добавилъ онъ съ улыбкой.

Купцы въ недоумѣніи посмотрѣли на него и отошли въ сторону.

— Такъ что-же это за садъ? На кой-же песъ садомъ-то называть? А мы думали и въ самомъ дѣлѣ, садъ, какъ въ трактирахъ, слышалось у нихъ.

— Ну такъ, значитъ, и кустовъ дожидаться нечего! Долбанемъ, чтобъ не хромать, по второй, заговорилъ толстенкій купецъ.

Пріятели снова подошли къ буфету.

Послѣдовала вторая, чтобъ не хромать, третья — Богъ Троицу любить, четвертая — безъ четырехъ угловъ домъ не строится и наконецъ пятая—крыша.

ЕГО СТЕПЕНСТВО.

(СЦЕНА СЪ НАТУРЫ).

Десятый часъ вечера. Зала увеселительнаго заведенія «Орфеумъ» освѣщена, но пуста, какъ говорится, хоть шаромъ покати. Оркестръ музыки, что есть силы отхватываетъ «Пробужденіе льва». Дирижеръ старательно помахиваетъ смычкомъ. Изъ дверей зимняго сада въ залу выглядываютъ лакеи съ салфетками подъ мышками и зѣваютъ самымъ аппетитнымъ образомъ. По залѣ прохаживается единственный посѣтитель — лысый купецъ съ сѣдой бородой и въ высокихъ сапогахъ со скрипомъ. Онъ видимо скучаетъ, по временамъ садится на скамейки, щупаетъ на нихъ матерію, съ глубокимъ вздохомъ вынимаетъ изъ кармана гребенку и расчесываетъ волосы на вискахъ, но наконецъ, сердито плюнувъ, уходитъ въ буфетную комнату и, подойдя къ буфету, начинаетъ разсматривать разставленные на немъ яства и питія. Дремавшій до сего времени буфетчикъ вскакиваетъ съ мѣста.

— А что, любезнякъ, когда начнется у васъ представленіе-то? Пропечатано было, что въ восемь часовъ... обращается купецъ къ буфетчику.

— Ужъ началось-съ...

— Ой! А нешто цыгане пѣть не будутъ?

— Не будутъ-съ.

— И ломаться не будутъ?

— Не будутъ-съ.

— Какъ-же даве въ трактирѣ молодцы сказывали, что у васъ разныя колѣна выкидываютъ?

— Шведскія пѣвицы уже пѣть будутъ.

— Что-жъ, и народу больше не подсыплеть? Аль еще понавалить? Вѣдь эдакъ прогорите...

— У насъ публика собирается часовъ въ двѣнадцать, послѣ театра, изъ гостей...

— Скажи на милость! А у насъ, мы ржевскіе будемъ, приѣзжіе, объ эту пору третій сонъ отхватываютъ.

— Это, какъ гдѣ... Гдѣ какое заведеніе, а у насъ столица.

— У васъ водки-то всякія есть?

— Всякія: рябиновая, допелькорнъ, киршвасеръ, померанцевая...

— Вы сами-то не тверскіе будете? По облику-то какъ-бы наши...

— Нѣтъ, мы здѣшніе...

— Такъ... И листовка у васъ есть?

— Есть...

— Ну, такъ дай-ка мнѣ рюмку простой, за пяточекъ, да побольше...

— Буфетчикъ отвѣчаетъ, что пяточковой рюмки нѣтъ, а все по десять копѣекъ. Купецъ начинаетъ торговаться. Высчитываетъ сколько рюмокъ выйдетъ изъ ведра, и почему каждая придется себѣ, требуетъ даже щеты, но, наконецъ, убѣжденный буфетчикомъ, что «каждый соблюдаетъ свой барышъ», выпиваетъ рюмку и требуетъ на закуску сухарика.

— У насъ сухарей не полагается; вотъ букивротъ пожалуйста...

— Окрестись лучиной! Стану я въ великій постъ скоромъ ѣсть! Да мнѣ на нее и глядѣть противно.

— Вотъ съ икрой-съ.

— Съ икрой! Мы и рыбы не вкушаемъ. А булки-то у васъ чѣмъ подмазаны? Нѣтъ ужъ лучше такъ, безъ закуски. Икру-то почему покупаете? Сплавная, аль багрена? задаетъ онъ вопросъ, совѣтуетъ держать «для гостей сухарики и капустку», уходитъ въ зало, но черезъ нѣсколько времени снова возвращается.

— А что, чайкомъ побаловаться можно? спрашиваетъ онъ буфетчика.

— Сколько угодно-съ.

— Поди вѣдь на пятнадцать копѣекъ собираете?

— У насъ порціями. Полпорціи стоитъ сорокъ копѣекъ.

— Что-о? Однако тоже грабить умѣете... Вѣдь у

васъ поди съ сахаромъ, а мы по постамъ съ медомъ или изюмомъ... потому скоромъ.

— У насъ меду не требуютъ.

— Ну, такъ дайте-ка лучше рюмку простой... Да плесни вонъ въ ту... Вы, братцы, насъ пожалѣйте.. мы деньги-то горбомъ достаемъ...

Буфетчикъ наливаетъ рюмку.

— Не жалѣй, не жалѣй! Что обмѣриваешь-то? Тоже вѣрно углицкій клей!

— У насъ по положенію...

— Что ты мнѣ зубы-то заговариваешь? Знаемъ тоже... не несмысленки. У меня сынъ въ твои годы, да и у сына четверо ребятъ.

Минутъ черезъ пять купецъ требуетъ еще рюмку и предлагаетъ выпить съ собой за компанію буфетчику.

— Заплачу. Авось сможемъ... говоритъ онъ. — А ежели хозяина боишься, такъ присядь подъ выручку, да тамъ и колдыбни! Ключень, полно!.. Сади, знай!..

Буфетчикъ наотрѣзъ отказывается.

— Вѣдь не съ мазурикомъ пить будешь! Мы, братъ, по первой гильдіи, двѣ медали имѣемъ и къ празднику третью ждемъ. Что брюхо-то у насъ масляное, такъ это пустое!.. Попа и въ рогожѣ знаютъ... У насъ вездѣ довѣріе... По двѣ, по три тысячи безъ росписки перехватываемъ...

Три рюмки, выпитыя одна за другой, отуманиваютъ купца. Онъ уже не отходитъ отъ буфета, требуетъ себѣ четвертую рюмку и начинаетъ рассказывать о

своемъ патриархальномъ житьѣ-бытьѣ въ Ржевѣ, о своей торговлѣ, о сынѣ, который «безъ спросу не смѣетъ ни-ни»...

— У меня въ домѣ все по стрункѣ... Къ обѣднѣ ежели, такъ всѣ гуськомъ... въ баню — гуськомъ. У насъ по постамъ, чтобы скоромъ—Боже избави! Сквороды послѣ мясоѣда и тѣ выжигаемъ. У насъ благочестиво. Мы, почитай, по шести разъ въ годъ иконы на домъ поднимаемъ. У меня жена молодая, я на второй женатъ, но чтобы драка была — никогда! Только разъ и потербилъ, да и то за дѣло... А что, поднеси-ко мнѣ водочки-то какой получше... заморской... заканчивается онъ.

— Киршвасеру не желаете-ли? Пятьдесятъ копѣекъ рюмка будетъ стоить.

— Еще разговаривать! Цѣди!.. Захотимъ, такъ весь твой буфетъ десять разъ купимъ!

Къ буфету подходитъ офицеръ, требуетъ рюмку коньяку и пристально смотритъ на расплачивающагося изъ бумажника купца. Изъ бумажника выглядываютъ сотенныя, пятидесятирублевыя бумажки.

— Что баринъ смотришь? обращается купецъ къ офицеру. Поди, думаешь, зачѣмъ это старый песъ въ вертепъ привалилъ? А я, братъ, нарочно... Потому у меня сынъ есть. Буду въ Питеръ его посылать, такъ предупрежу... Вертепъ молъ есть тамъ одинъ, такъ не ходи!

Офицеръ улыбается.

— Нечего улыбаться-то, а ты вотъ лучше не потнущайся да выпей со мной старикомъ. Хорошенькимъ угощу. Мы тоже знаемъ, какъ себя соблюдать: и съ генералами за однимъ столомъ сиживали.

Офицеръ отходитъ.

— Вы гостей не тревожьте. Они сами по себѣ, а вы сами по себѣ... замѣчаетъ буфетчикъ.

— Дайте рюмку мараскину въ долгъ до конца вечера, обращается къ буфетчику какая-то разряженная бабочка. Ужо гостя найду, такъ отдамъ.

Буфетчикъ наливаетъ. Бабочка пьетъ и отходитъ. Купецъ смотритъ ей въ слѣдъ масляными глазами и говоритъ буфетчику:

— Изъ прелюбодѣекъ, поди, барышня то?

— Да вѣдь у насъ всякія ходятъ, потому мѣсто гулевое... отвѣчаетъ буфетчикъ.

— А что окликать ее можно? и, не дождавшись отвѣта, купецъ кричитъ: барышня! умница! Какъ васъ?... Вернитесь!

— Татьяна Ивановна! присоединяетъ свой голосъ буфетчикъ.

Бабочка подходитъ къ купцу.

— Вы не тверскіе будете? Родители-то у васъ есть? Который годокъ-отъ тебѣ пошелъ? закидываетъ онъ ее вопросами.

— Можно взять пару апельсиновъ? спрашиваетъ она вмѣсто отвѣта.

— Бери, писанная... бери! Авось не разоримся!

— А вы коробку конфетъ мнѣ купите?..

— Вали, что спрашивать! Сядемъ, вотъ только къ столику да поталкуемъ. Мы хоть старенькіе, а добрые!

Они садятся къ столику близъ буфета. Купецъ гладитъ ее по плечу и говоритъ:

— Вишь какая сдобная, что твоя сайка московская! тятенька у тебя есть-ли?

— Можно еще взять апельсинъ? Это я для подруги...

— Да что тутъ разговаривать! Держи подоль!

Купецъ беретъ съ буфета вазу съ фруктами, высыпаетъ ей въ колѣни и кричитъ:

— Малый! Прислужающій! Дай-ко двѣ бутылочки холодненькаго!

— Зачѣмъ же двѣ-то? Одной будетъ, а вы лучше мнѣ зелененькую на память подарите.

— Толкуй тутъ! Разойдется! Ты позови только товаровокъ, такъ я еще парочкой удовлетворю.

Черезъ полчаса около купца сидѣло уже нѣсколько дѣвушекъ. На столѣ стояло до полдюжины порожнихъ бутылокъ изъ подъ шампанскаго, блюдечки съ мороженымъ, съ фруктами. Дѣвушки хохотали, шептались и называли купца Иваномъ Спиридонычемъ и «вашимъ степенствомъ». Само степенство потопывало ногой въ тактъ подъ музыку и пѣло:

«Здравствуй милая, хорошая моя»...

— Здѣсь пѣть невозможно, потому безобразіе... оста-

навливалъ степенство служитель. — Вы пожалуйста въ отдѣльную комнату или въ садъ, въ бесѣдку. Тамъ у насъ фонталъ и всякія рыбы плаваютъ. Коли желаете, сварить и зажарить можете...

— Ты понимаешь, я въ великій постъ рыбы не вкушаю! грибовъ—такъ прикажи отварить! кричалъ купецъ.—Эй ты, шустренька! востроглазая! придвигайся ближе! обратился онъ къ одной изъ дѣвушекъ.—Ближе, ближе... Садись ко мнѣ на колѣнки!

— Тутъ нельзя... народъ... проговорила дѣвушка.

— Это тоже невозможно, ваше степенство. Пожалуйста въ отдѣльную комнату и тамъ что угодно... увѣщевалъ служитель.

— Дура! не обхватаю.... Садись—знай! цѣла останешься!...

Дѣвушки начали уговаривать купца идти въ отдѣльную комнату, схватили его подъ руки и потащили.

— У меня, крали писанья, жена молодая. Драки у насъ—ни въ жизнь!... и я ее страхъ люблю! говорилъ купецъ по дорогѣ.

— Можно мнѣ братца съ собой пригласить и нашу хозяйку? спрашивала у него какая-то молоденькая дѣвушка.

— Съ котораго боку братецъ-то? Ну да вали, вали! Авось не обопьетъ?

Вы дѣвушки меня только полюбите... Я человѣкъ простой, одно слово—шуба!

Входя въ отдѣльную комнату, купецъ кричалъ:

— Прислужающій! Зови сюда арфянокъ и пѣвицъ разныхъ! За все плачу!

Часа въ четыре купца выводили изъ комнаты подъ руки двое лакеевъ. Двое другихъ лакеевъ шли впереди со свѣчами. Купецъ еле стоялъ на ногахъ.

— Гдѣ вы живете, ваше степенство? спрашивали они его. — Мы васъ какъ есть въ цѣлости предоста-вимъ...

— Въ Маріинской гостинницѣ... Въ Маріинской... мычалъ онъ.

— Иванъ Спиридонычъ, поѣдьте къ намъ... упрашивали его двѣ дѣвушки.

— Брысь, вы вороны! Почуяли падалъ! огрызались на нихъ лакеи. — Нешто не видите, что человѣкъ совсѣмъ намокъ...

— Я, братъ, такъ не пойду?... не пойду!.. Тащи на подѣздъ еще бутылку! Выпью и тогда поѣду...

— Нельзя, ваше степенство! Все заперто, буфетчикъ спитъ!

— Мнѣ нельзя? Мнѣ?... Да знаете ли вы, собачьи дѣти, что у меня вездѣ довѣріе? бушевалъ купецъ. — Я, братъ, въ своемъ мѣстѣ колокольню выстроилъ! Всѣ мнѣ въ поясъ... Пять, десять тысячъ сейчасъ безъ росписки... Да знаешь ты, что когда я въ Москвѣ бываю, такъ на книжку въ баню хожу!

— Пожалуйте, ваше степенство!.. Не извольте брыкаться...

У подъѣзда купца посадили въ сани. Одинъ изъ лакеевъ сѣлъ съ нимъ рядомъ. Въ церкви у Николаы ударили въ колоколъ къ заутрени. Купецъ хотѣлъ перекреститься, снялъ съ головы картузь, но тотчасъ же уронилъ его.

— Сидите смирно, ваше степенство! Ужь дома сотворите молитву, сказалъ лакей и крикнулъ извозику «пошелъ»!

ПАРИЛЬЩИКЪ.

Не только что одна Закуваевка, но даже и окрестныя села и деревни знали Веденѣя за мужиченка «вниманія не стоящаго», не говоря уже объ его собственной семьѣ, состоящей изъ старухи матери и женатаго брата, которая, видимо, тяготилась имъ. И не-то чтобы Веденѣй былъ пьяница или воръ, нѣтъ, онъ былъ честнѣйшій мужикъ и пилъ только при случаѣ, но просто какой-то нерадивый и неумѣлый. Способности у него, правда, были, но отнюдь не къ деревенскимъ работамъ. Такъ, никто, бывало, не сдѣлаетъ лучше его дудку изъ бересты и никто лучше его не сыграетъ на этой дудкѣ. Пѣсни-ли пѣть—Веденѣй первый запѣвало. На свадьбахъ, на посидѣлкахъ Веденѣй первый острякъ и смѣшило. Бывало, онъ только ротъ разѣваетъ, чтобы что нибудь сказать, а ужъ люди хватаются за бока, чтобы смѣяться. Охота во всѣхъ ея видахъ, начиная съ перепелиной «на дудочку», до охоты съ ружьемъ—

его дѣло; одно только худо, что у него не было ружья и онъ всякій разъ занималъ его у дьячковскаго сына, за что и отдавалъ ему, по условію треть или половину добычи. Приобрѣтеніе ружья и еще гармоникки, было для него давнишнимъ и наибольшимъ желаніемъ, но, по бѣдности, онъ никакъ не могъ на этотъ предметъ раздобыться деньгами. Гармонику онъ, правда, въ послѣдствіи вымѣнялъ у прохожаго офена—коробейника на поросенка и двухъ гусей, но гармоника эта была не велика и далеко не удовлетворяла его. Ему хотѣлось большую, какую-то «о четырнадцати переборахъ, четырехъ ладахъ и съ сильнымъ духомъ», такую, какую ему привелось разъ видѣть у знакомаго фабричнаго парня, пришедшаго въ деревню на побывку. Ежели-бы Веденѣя учить музыкѣ, можетъ быть изъ него вышелъ бы хорошій музыкантъ, но какъ земледѣлецъ, онъ былъ никуда не годящійся. За что не возьмется — ничто не спорится. Начнутъ, бывало, въ сѣнокосъ смѣяться надъ нимъ товарищи.

— Эй, Веденѣй! Смотри, бабы по три полосы скосили, а ты все еще на первой мнешься! Стыдись! Курьцы на смѣхъ подымутъ.

— Мнешься! Не мнусь я, а одно дѣло обдумываю. Семъ-ко я косу отточу, такъ покажу я вамъ, какъ я мнусь! Обгоню живымъ манеромъ и на двѣ полосы за собой оставлю. Дай только срокъ, отвѣчаетъ Веденѣй, оттачиваетъ косу, плюетъ на руки и съ крикомъ на бабъ «эй, вы толстопятыя!», принимается косить съ

какимъ-то остервенѣніемъ, но минутъ черезъ десять смотришь — ужъ онъ сидитъ усталый, измученный и разсматриваетъ лѣзвіе косы.

— Что-жъ ты? спрашиваютъ его.

— Да что, коса кака-то не подходящая! Зазубрилась. Надо статься, на пѣнь наскочилъ. Эва! кака выемина сдѣлалась.

— Ахъ ты косило-мученикъ! Ужъ лучше бы въ дуду игралъ!

При уборкѣ хлѣба было тоже самое. Люди дѣло дѣлаютъ, а Веденѣй кривляется, прибаутки говорить, или съ кѣмъ нибудь ласы точить. Семья начнетъ его ругать, а ему все равно, какъ говорится, какъ къ стѣнѣ горохъ... И такъ во всѣхъ работахъ.

За то соберутся, бывало, крестьяне послѣ работъ посидѣть на заваинкѣ — Веденѣй ужъ тутъ: строить дудку или наигрываетъ на гармоникѣ, напѣвая пѣсню и отчеканивая слова въ родѣ:

«Носъ крючкомъ,

Голова сучкомъ

Сама ящичкомъ».

— А ну-ко, Веденѣй, представь, какъ волостной въ церковь ходитъ, просятъ его присутствующіе.

Веденѣй сейчасъ выпрямляется, выпяливаетъ впередъ брюхо и, заложа руки за спину, семенитъ маленькими шажками.

— Ну, а становаго представь.

— Нѣтъ, нельзя. За это стегаютъ. Пусть дѣвки по-

цѣлуютъ — покажу. Ну, красныя, подходи по очереди, а нѣтъ, самъ начну, говоритъ онъ.

— А вотъ только подойди, такъ я тебя и тресну... отвѣчаетъ какая-нибудь изъ бойкихъ.

— Это намъ, ангелка, не почему. Ты тресни, а поцѣловать поцѣлуй!

И бывало, что Веденѣю доставались отъ дѣвушекъ не только затрещины, но и плевки въ бороду, но онъ не обижался.

Любимымъ занятіемъ Веденѣя въ праздничные дни было: прислуживать въ алтарѣ, выносить наложь, подавать кадило, звонить на колокольнѣ. Чуть на погостѣ покойникъ—Веденѣй ужъ тамъ: раздаетъ за панихидой свѣчи, помогаетъ нести гробъ, опускать его въ могилу и по окончаніи похоронъ вмѣстѣ съ причтомъ приглашается на поминки. Также и въ Рождество, въ Пасху, въ престольный день онъ хаживалъ вмѣстѣ съ причтомъ по прихажанамъ и непременно несть какой нибудь образъ. Короба онъ не имѣлъ, подаваніе провизіей не собиралъ, но за то изъ каждаго дома выносилъ брюхомъ.

Веденѣй былъ бездѣтный вдовецъ, лѣтъ тридцати слишкомъ. Нѣсколько разъ прицѣбливался онъ жениться во второй разъ, но ни одна невѣста изъ окрестныхъ деревень не шла за него, такъ какъ всѣ его знали за нерадиваго мужика да къ тому-же и собой онъ былъ очень не хорошъ: худой, длинный, рябой, курносый.

Заплатанная одеженка и замасленный картузь сидѣли на немъ какъ на колѣ.

Разъ міръ на деревенской сходкѣ рѣшилъ сдѣлать его пастухомъ. Веденѣй принялъ эту должность съ благодарностію, но и къ ней оказался не способнымъ. Ввѣренное ему стадо то и дѣло дѣлало потравы, а черезъ мѣсяцъ онъ проспалъ корову. За послѣдній поступокъ его лишили должности и онъ снова сдѣлался бременемъ своей семьи. Домашніе называли его: лишнимъ ртомъ, разгильдяемъ, полоротымъ и требовали, чтобы онъ шелъ въ Питеръ на заработки. Долго онъ отпѣкивался, долго не соглашался, но наконецъ брань и попреки надоѣли ему; онъ плюнулъ и сказалъ:

— Э, прахъ васъ возьми! Снаряжайте!

Веденѣя снарядили, дали на дорогу хлѣба, пять рублей денегъ и отправили въ Питеръ.

Въ Питерѣ у Веденѣя было много земляковъ. Они большей частью были разнощики: торговали спичками, яблоками, сельдями, пряниками и жили на артельной квартирѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Питеръ, Веденѣй разыскалъ ихъ и явился на артельную квартиру.

Такъ какъ дѣло было вечеромъ, то земляки были всѣ въ сборѣ и сидѣли за ужиномъ.

— Батюшки, Веденѣй! Какимъ лѣшимъ тебя сюда занесло? заговорили они.

— Обь васъ сгрустнулся, братцы. Дай, думаю, на заработки пойду. Пусть посмотрятъ, что я за человѣкъ есть. Авось медаль прицѣпять, съ ужимками отвѣчалъ онъ и началъ цѣловаться съ земляками, одѣлая ихъ письмами и посылками отъ деревенскихъ.

Земляки пригласили его ужинать. Онъ сѣлъ. Они начали засыпать его вопросами.

— Что-жъ ты въ разноску пойдешь? Торговать будешь?

— Нѣтъ, братцы, коли мѣстечко выищется, такъ лучше...

— А дудки при себѣ?

— При себѣ. Безъ дудокъ — я, что солдатъ безъ ружья.

— А гармоника?

— Тутъ. Эво горбъ-то ея изъ мѣшка торчитъ. Давно, братцы, не игралъ. На чугунокъ ладилъ было наигрывать, да по шеямъ согнать сулились.

Отъужинавъ, разнощики начали просить Веденѣя что-нибудь сыграть. Онъ досталъ гармонику, замигалъ глазами, задергалъ плечами и началъ играть напѣвая:

Какъ у нашего Мартына

За душой нѣтъ ни алтына.

Охъ калина! Охъ малина!

Хотя въ пѣснѣ и ничего не было особенно смѣшнаго, но разнощики такъ и покатились со смѣху. «Вотъ собака-то! Вотъ дьяволъ-то! Ахъ ты, анафема, чортовъ сынъ!» слышалось у нихъ. Ободренный успѣхомъ, Ве-

денѣй вскочилъ съ лавки и началъ приплясывать. Хотѣ и ласковая ругань усилились и Веденѣй долго-бы еще плясалъ, ежели-бы артельная стряпуха не остановила его.

— Антихристъ, чего ты пляшешь то? Вспомни завтра день-то какой! Вѣдь завтра Воскресенье. Люди Богу молиться, а ты бѣса тѣшить, сказала она.

Веденѣй остановился.

— А и то правда! Шабашъ, ребята! Ужъ и то за грѣхи наши не одну каленую сковороду на томъ свѣтѣ вылизать придется, проговорилъ онъ и, тяжело дыша, опустился на лавку.

— Въ шуты тебѣ на балаганы идти, камедь ломать, рѣшили про Веденѣя разнощики, однако на утро повели его въ трактиръ и стали спрашивать у знакомаго буфетчика нѣтъ-ли у него для земляка мѣстечка.

Мѣстечко нашлось и именно въ томъ-же трактирѣ. Буфетчику нуженъ былъ кухонный мужикъ, для черной работы.

— Ну вотъ и рядись, Веденѣй. Въ трактирѣ, что у купцовъ, ѣды много. Ъшь не хочу, заговорили разнощики.

— На счетъ ѣды ужъ и говорить нечего! Эво какъ у насъ всѣ зобы-то отъѣли! Жри до отвалу! сказалъ буфетчикъ.

— Ну, а какъ положеніе?

— Пять рублей въ мѣсяцъ и горячее три раза въ день.

Веденѣй поковырялъ въ носу, пощурился, почесалъ въ затылкѣ и согласился.

Первое время, съ горяча, какъ и всегда, Веденѣй накинудся на работу и работалъ какъ волъ, но въ послѣдствіи мало-по-малу охладѣлъ. Обязанность его заключалась въ томъ, что онъ долженъ былъ наколоть дровъ, принести ихъ въ кухню, а также и воды, мыть посуду, чистить котлы и кострюли и пр. Начнетъ, на-примѣръ, чистить посуду, а въ кухню войдетъ какая-нибудь женщина или заварить кофѣй, или нагрѣть утюгъ, Веденѣй тотчасъ-же оставляетъ дѣло, бросается къ ней и начинается «точить ласы и прибаутки». Пойдетъ въ сарай колоть дрова—смотришь—ужъ сидитъ гдѣ-нибудь на дворѣ и играетъ на дудкѣ, а около него стоятъ мастеровые, кухарки, мальчишки со всего двора и покатываются со смѣху; пошлетъ его поваръ въ рынокъ за какой-нибудь нехватящей провизіей — проходитъ чуть не полъ-дня. Шарманка-ли какая заиграетъ на дворѣ, дворникъ-ли разговариваетъ съ какою нибудь незнакомою личностію, происходитъ-ли сцена въ родѣ переѣзда кухарки на другое мѣсто, ругается ли на дворѣ кто съ кѣмъ; дерутся-ли собаки—все отвлекало Веденѣя отъ работы и онъ тотчасъ-же выбѣгаетъ на дворъ и долго стоитъ тамъ, забывъ объ дѣлѣ. Разъ за какими-то акробатами съ учеными собаками, шляясь со двора на дворъ, Веденѣй ушелъ безъ шапки и безъ армяка версты за двѣ и только тогда спохватился, когда уже ему стало нестерпимо холодно; другой разъ въ чистый котелъ,

стоящій на плитѣ, онъ вмѣсто воды вылилъ какія-то помои. Посуды при мытьѣ онъ билъ множество и ежели напимѣръ, ронялъ на полъ крышку отъ миски, то до того терялся, что бросалъ на полъ и самую миску. Долго бились съ нимъ буфетчикъ и поваръ и наконецъ прогнали его.

Веденѣй снова пришелъ къ разнощикамъ въ артельную квартиру.

— Ну что? спросили его.

— Да что, братцы, не потрафилъ. Работы больно много. Лучше ужъ я вашимъ ремесломъ займусь. Торговать буду, у меня семь рублей на жестянку и на товаръ есть, отвѣчалъ онъ.

— Ну какой ты торговецъ, да у тебя съ перваго же раза изъ-подъ носу все растаскаютъ.

— Не растаскаютъ. А глаза-то на что во лбу?

— А чортъ-те знаетъ, на что они у тебя. Надо статься, такъ, зря...

— Ужъ вы научите, чѣмъ торговать, братцы.

— Да чѣмъ торговать? Вотъ теперь вербы подходятъ. Торгуй воздушными шарами красными да тѣшь народъ прибаутками, можетъ что и путное выйдетъ. Съѣдобнымъ товаромъ тебѣ торговать нельзя—самъ все сожрешь.

— Ну такъ справте меня. Научите трехъ матокъ сосать теленочка, съ коломенку версту несмышленочка, забаласничалъ онъ прибаутками.

Товарищи выправили ему жестянку на право торговли,

купили красныхъ наполненныхъ газомъ шаровъ и Веденѣй началъ торговать ими, но такъ неудачно, что на второй же день попалъ въ часть за какую-то неприличную прибаутку, сказанную какой-то покупательницѣ. Просидѣвъ въ части цѣлыя сутки онъ началъ разочаровываться и въ торговлѣ и скоро покончилъ и съ нею, но не по своему однако желанію, а по обстоятельствамъ. Съ нимъ случилось несчастіе. Однажды онъ продалъ покупателю шаръ. Покупатель взялъ отъ него шаръ, подалъ ему рублевую бумажку и потребовалъ сдачи. Веденѣй полѣзъ въ карманъ за деньгами, а ниточки, на которыхъ летали шары, закусилъ зубами. Во время сдаванія сдачи, случилось такъ, что какая-то проходящая женщина поскользнулась и упала. Веденѣй захохоталъ, и никакъ не могъ обойтись безъ того, чтобы не вставить какого нибудь слова и, забывъ, что ниточка отъ воздушныхъ шаровъ у него во рту, во все горло крикнулъ, «а ну-ко, на другой бокъ!» вслѣдствіе чего шары оказались свободными и плавно полетѣли къверху, а съ ними вмѣстѣ улетѣлъ и капиталъ Веденѣя.

— Скачи выше, хватай! Полѣзай на крышу, авось достанешь! трунили надъ нимъ близъ стоящіе извозники.

— Ахъ ты ворона, ворона! сказалъ городской.

Веденѣй только развелъ руками, постоялъ въ собравшейся толпѣ, посмотрѣлъ на свой улетавшій капиталъ, плюнулъ и отправился домой. Вечеромъ, пришедшіе на квартиру разнощики начали надъ нимъ трунить, а онъ

хлебнулъ съ горя косушку водки и весь вечеръ проигралъ, то на дудкѣ, то гармоникѣ.

— Что не будешь больше торговать? спросили его на утро товарищи,

— Нѣтъ, шабашъ малина, эта самая торговля! Ну ее къ ляду! Только и путнаго, что въ части насидѣлся отвѣчалъ Веденѣй. Лучше буду опять мѣста искать.

Веденѣй жилъ въ артельной квартирѣ и искалъ мѣсто, но мѣсто не находилось. Денегъ у него не было. Товарищи хотъ и любили его за его прибаутки, но смотрѣли на него, какъ на дармоѣда и, видимо, косились.

— Да ты-бы, Веденѣй, хотъ помогалъ кому, что-ли, коли мѣста не можешь найти, начали они ему говорить. Калистрата знаешь, что въ парильщикахъ въ Семеновскихъ баняхъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Семь верстъ онъ отъ вашей деревни. Сходи къ нему, скажи, что мы прислали. Теперь время перед-праздничное настаетъ, народъ въ бани валомъ валить. Сходи, можетъ и возьмутъ помогать.

Веденѣй отправился. День былъ не банный — Пятница. Калистрата онъ засталъ въ сторожкѣ за чаемъ. Это былъ дородный, съ окладистой бородой мужикъ и держалъ себя важно. За его важность парильщики Семеновскихъ бань выбрали его старостой, вслѣдствіе чего онъ уже не мылъ болѣе гостей, а только сторо-

жилъ бѣлье и одежду моющихся и получалъ билеты и деньги за мытье и за «сторожку».

— Помогать, помогать... заговорилъ Калистратъ, осматривая съ ногъ до головы Веденѣя. Оно точно лишній человѣкъ намъ теперь нуженъ, потому Страстная недѣля на носу — гость повалить всякій, даже и такой, который и разъ въ годъ въ баню ходитъ; только припасай руки. Да ты мылъ-ли когда? спросилъ онъ.

— Не мылъ, да вымоемъ. Огулки на руку не положимъ. Нешто тутъ мудрость какая нужна?...

— А ты думалъ какъ? Извѣстно мудрость... Снаровку надо знать. Начнешь мыть зря, такъ и гостя отвадишь. Другой разъ и калачемъ не заманишь, а у насъ гость идетъ хорошій, привычный: и купецъ, и чиновникъ, и офицеръ, и попъ. Съ каждымъ нужно особое обхожденіе понимать. Бываетъ и генераль заходитъ. Теперича, купца къ примѣру, нельзя такъ мыть какъ чиновника. Купецъ любитъ кипяткомъ, и чтобъ спину ему злѣе терли, а чиновникъ особъ статья... Попъ до пару лихъ, но къ жесткой мочалкѣ не ласковъ. Ну и величать надо знать какъ. Это хлѣбъ нашъ. У насъ есть купцы, которые рублей, можетъ, болѣе чѣмъ по сту въ годъ у насъ оставляютъ, потому иной разъ задастся, раза по три на недѣлѣ къ намъ жалуютъ. Того гостя надо съ особеннымъ почтеніемъ.

— Это что, это все можно. Попривыкнемъ... сказаль Веденѣй.

— Ну, ладно, помогай... Въ артель не возьмемъ, а помогать помогай, тамъ выдѣлимъ, глядя потому, чего стоитъ будешь. Ужо я тебѣ покажу, какъ мыть нужно. Чай пьешь?

— Балуюсь.

Калистратъ посадилъ съ собой Веденѣя пить чай и началъ распространяться о томъ, какъ нужно мыть купца, какъ чиновника и какъ генерала. Напившись чаю, онъ велѣлъ Веденѣю раздѣться, раздѣлся самъ и повелъ его въ баню, для того, чтобы надъ нимъ самимъ показать, какъ нужно мыть.

— Первое дѣло, коли человекъ входитъ въ баню и требуетъ помыть себя, нужно его окатить изъ двухъ тазовъ, началъ Калистратъ. Тутъ ужъ сноровка нужна. Одинъ любить, чтобы его кипяткомъ шпарили, другой съ прохладцемъ. На первый разъ лучше спросить. Послѣ окатки иной въ жаркую баню прѣтъ идетъ, а иной и такъ... Сейчасъ ты окатишь чистой водой скамейку, посадишь гостя и принимайся за голову. Для головы нужно приготовить двѣ шайки съ водою: одну для мытья, другую для окачиванія. Ну, садись на лавку, я тебѣ вымою голову...

Веденѣй повиновался. Калистратъ началъ ему намыливать голову и продолжалъ:

— Тутъ ужъ скоблить надо, глядя по головѣ. Коли голова косматая—въ трехъ водахъ мой, коли гладкая—

въ двухъ и мой до тѣхъ поръ, пока волосъ скрипѣтъ начнетъ. Ну, понялъ?

— Еще бы не понять, отвѣчалъ Веденѣй.

Голова была вымыта. Волосы скрипѣли отъ руки, какъ полозья саней по снѣгу въ сильные морозы.

— Ну, теперь самое главное—спину тереть, потому иной гость изъ-за этого только и въ баню ходить, снова началъ Калистратъ и велѣлъ Веденѣю лечь на лавку.—Первое дѣло мыло надо взбить, чтобы вспѣнилось. Мыло у насъ хорошее, ежели кипяткомъ обдашь, такъ съ гору пѣны можно намылить.

Калистратъ началъ тереть Веденѣя мочалкой и приговаривать:

— Начинай со спины полегоньку, потомъ все усиливай, усиливай и наконецъ дери во всю и прохватывай главное на поясахъ.

Веденѣй крикнулъ, такъ какъ Калистратъ налегъ на него изо всей силы.

— Ага, кряхтишь. Вотъ тутъ тоже замѣчать надо, отчего гость кряхтитъ: отъ боли или отъ радости. Коли отъ боли, такъ остановись, а отъ радости, такъ поналягъ еще.

Далѣе слѣдовало мытье живота, который было приказано завсегда тереть тише, «а то кишки выдавишь» и наконецъ, какъ окончаніе, мытье рукъ, ногъ, шеи. За всѣмъ за этимъ слѣдовало окачиваніе.

— Окачивать можешь сколько хочешь, глядя по гостю. Купецъ Харламовъ къ намъ ходитъ, такъ на

того мы въ трое рукъ тазовъ по пятидесяти выливаемъ. Смерть любить, закончилъ Калистратъ, вымывъ Веденѣя, легъ на лавку самъ и приказалъ ему, въ видѣ опыта мыть себя.

Испытаніе кончилось. Веденѣй оказался годнымъ и, съ согласія другихъ парильщиковъ, былъ принятъ.

Веденѣй поступилъ въ парильщики Семеновскихъ бань. Поступилъ онъ въ самое жаркое время. Начиналась Страстная недѣля. Передъ праздникомъ, какъ извѣстно, всякій идетъ въ баню. Первое время ему давали мыть только гостей съ воли, но въ концѣ недѣли наплывъ посѣтителей, желавшихъ обмыть свою грѣшную плоть, до того усилился, что Веденѣю пришлось мыть и завсегдатаевъ.

— Ну, какъ нашъ новый парильщикъ вамъ угодилъ, Иванъ Ивановичъ? Изволили-ли отъ него натѣшиться? спрашивалъ завсегдатая староста Калистратъ.

— Да ничего, только онъ все, какъ-то неровномѣрно: то словно скребницей скоблить, а то будто съ ребенкомъ... Одно слово, чувства этого нѣтъ, отвѣчаетъ завсегдатый.

— Вновь еще-съ... Попривыкнетъ. Вы вотъ, къ примѣру, не паритесь, а мы его собственно для пару держимъ. Какой хошь паръ выдержитъ—что твой татаринъ, говоритъ Калистратъ и улыбается той улыбкой, какой, обыкновенно, улыбается мелкая чиновная пѣшка, ежели съ нимъ пошутитъ директоръ департамента.

— Поднеси ему стаканчикъ, что съ нимъ дѣлать! заключаетъ завсегдатай.

Веденѣй кланялся, пилъ и думалъ: «а вѣдь жисть-то, и въ самомъ дѣлѣ, здѣсь хорошая. Что это меня спервоначалу въ парильщики не угораздило?» Въ концѣ недѣли ему пришлось видѣть и многоуважаемаго завсегдатая купца Харламова, того самого, на котораго по разсказу Калистрата, «въ трое рукъ по пятидесяти тазовъ воды выливаютъ». Харламовъ былъ высокій, крѣпкій мужчина съ черной бородой и держалъ себя важно. Когда онъ вошелъ, всѣ парильщики поклонились въ поясъ и бросились съ него стаскивать шубу. Освободившись отъ шубы, Харламовъ три разъ перекрестился на образъ и спросилъ, свободенъ-ли его любимый парильщикъ Кузьма?

— Моетъ-съ, вы подождите, Харитонъ Иванычъ, онъ сейчасъ освободится, сказалъ Калистратъ и прибавилъ: — И то ужъ онъ объ васъ стосковался: что это, говоритъ Харитона Иваныча давно не видать! На фатеру къ вамъ хотѣлъ бѣжать—справиться, что ужъ здоровы-ли вы? Давненько не извоили быть...

— Какъ давно? Прошлую Субботу былъ.

— А нонче у насъ опять Суббота. Много воды-то съ тѣхъ поръ утекло. Вы учтите...

Харламовъ улыбнулся и началъ раздѣваться.

— Да некогда все... лавку къ празднику считаемъ, сказалъ онъ. Во вторникъ хотѣлъ вечеромъ забѣжать, да помѣшали.

— Ужъ вы не забывайте насъ, поклонился Калистратъ, отворилъ въ мыльную дверь и крикнулъ:— Эй; припасайте тазы Харитона Иваныча окачивать.

Харламовъ пробылъ въ банѣ часа четыре, лежалъ, разговаривалъ съ знакомыми, выпилъ двѣ бутылки кислыхъ щей и бутылку пива и, уходя сказалъ Калистрату:

— Коли христосоваться завтра придете, такъ я до обѣда буду дома.

— Все непременно, Харитонъ Иванычъ.... Какъ-же возможно безъ этого? Почтимъ.... отвѣчалъ Калистратъ.

Въ первый день Пасхи парильщики ходили поздравлять съ праздникомъ на домъ къ гостямъ-завсегдатаямъ. Ихъ угощали водкой и давали имъ денегъ, а купецъ Харламовъ, кромѣ водки и денегъ, одарилъ всѣхъ платками.

Парильщики Семеновскихъ бань, какъ и вообще во всѣхъ баняхъ, составляли артель. Отъ хозяина бань они не получали никакого жалованья и существовали только отъ dobroхотныхъ дателей: кто что дастъ за мытье, кто за «сторожку». За позволеніе же быть при банѣ, они обязывались мыть и чистить баню, сохранять одежду посѣтителей, а также и банныя принадлежности, какъ то: тазы, ведра, шайки и мебель. Кто-бы изъ нихъ сколько не заработалъ,—всѣ деньги шли старостѣ, который расходовалъ ихъ на пищу, а остатокъ называемый «дуваномъ», въ концѣ мѣсяца дѣ-

лился по ровну. Квартыры парильщики не нанимали, а жили въ раздѣвальной или въ сторожкѣ.

Жить стоило имъ дешево, а потому и дуванъ былъ хорошій. Въ лѣтніе мѣсяцы они дѣлили рублей по десяти на брата, а въ зимніе, особливо въ такіе, гдѣ приходились большіе праздники, дуванъ доходилъ до пятнадцати и даже восемнадцати рублей.

Прошла святая недѣля, наступилъ Май мѣсяцъ. Любимый парильщикъ купца Харламова Кузьма началъ собираться на лѣто въ деревню и вскорѣ уѣхалъ. Въ артели открылась ваканція. Веденѣй началъ проситься, чтобы его приняли. До сихъ поръ онъ хотя и былъ принятъ въ число парильщиковъ, но работалъ «изъ харчей и изъ двугривеннаго въ банный день», въ артель-же принять не былъ. Калистратъ посовѣтывался съ товарищами по ремеслу и Веденѣй былъ принятъ, вслѣдствіе чего на его счетъ была распита четверть водки.

Купецъ Харламовъ по прежнему ходилъ въ баню по два раза въ недѣлю, но, по выраженію Калистрата, все скучалъ о Кузьмѣ, такъ какъ не одинъ парильщикъ не могъ замѣнить ему этого баннаго мастера. Веденѣя, какъ новичка, до Харламова еще не допускали, но Веденѣю очень хотѣлось мыть Харламова. Онъ уже приглядѣлся къ тому, что любитъ Харламовъ, зналъ его любовь къ крѣпкому натиранію спины и вдругъ выдумалъ одну штуку.

«А семь-ко я ему песочку мелкаго къ мылу под-

бавлю. Авось, его проберетъ!» мелькнуло у него въ головѣ.

О выдумкѣ своей никому не сказалъ и рѣшился предложить Харламову свои услуги. Купецъ не заставилъ себя долго ждать и явился въ баню. Веденѣй подошелъ къ нему, поклонился и сказалъ:

— У всѣхъ вы, ваше степенство, Харитонъ Ивановичъ, мыться перепробовали, а меня обошли. А ужъ я потрафилъ-бы вамъ, потому всѣ ваши привычки и все что вы любите знаю. Мнѣ Кузьма сказывалъ. Дозвольте тазы приготовить...

Купецъ согласился не вдругъ.

— Новый? спросилъ онъ у Калистрата.

— Новый-съ. Тоже нашъ тверской.

— А, значитъ: рака съ колокольнымъ звономъ встрѣчали!

— Онъ новоторжской, ихъ иначе дразнятъ, поправилъ Калистратъ.—Просто: новоторы—воры.

Купецъ улыбнулся.

— Ну, новоторъ—воръ попробуй меня мыть—авось потрафишь, сказалъ онъ.

Веденѣй тотчасъ-же побѣжалъ въ баню и, ни слова не говоря, обвалялъ мочалку въ приготовленномъ уже мелкомъ пескѣ. Началось мытье. Началъ Веденѣй тереть спину Харламова—Харламовъ закричѣлъ.

— Что, хорошо, ваше степенство?

— Ладно, ладно, продолжай. Прохватывай главное

въ поясахъ-то, говорилъ Харламовъ и отъ радости даже издалъ звукъ подобный лошадиному ржанію.

Веденѣй поналегъ еще.

— Ноги любите покрѣпче?

— Валяй во всю!

Мытье кончилось, началось окачиваніе.

— Ну какъ, Харитонъ Ивановичъ, угодилъ-ли, спросилъ Веденѣй.

— Спасибо! Разодолжилъ! Не забуду!

— Рады страться! и Веденѣй началъ его окачивать, приговаривая, по мѣрѣ выливанія на него тазовъ: Богъ Троицу любить, безъ четырехъ угловъ домъ не строится, пятая крыша первая тычинка частокола, и т. д.

— Довольно, довольно! сказалъ наконецъ купецъ и направился въ раздѣвальную, но Веденѣй нагналъ его и вылилъ еще тазъ, называя его купеческимъ.

— Вѣничекъ! крикнулъ онъ въ двери раздѣвальной и вошелъ туда самъ вслѣдъ за своимъ паціентомъ.

Харламовъ вошелъ въ раздѣвальную весь сіяющій и улыбающійся. Тѣло его было красно и мѣстами виднѣлись даже рубцы.

— Ну что, Харитонъ Ивановичъ, угодилъ-ли вамъ нашъ новоторъ? спросилъ Калистратъ.

— На славу братецъ ты мой! То есть такъ, что лучше Кузьмы, отвѣчалъ Харламовъ. — Выдай ему на мой счетъ полтину серебра на руки, да поднеси стаканчикъ, сказалъ онъ.

— Потрафилъ! Дивное дѣло! А вѣдь кто могъ подумать! всплескивали руками парильщики.

Съ этого дня Веденѣй сдѣлался любимцемъ купца Харламова. Занять онъ—такъ поджидаетъ, нѣтъ его—такъ и мыться не станетъ. Все-бы шло хорошо да Веденѣй самъ испортилъ дѣло. Сначала объ исторіи съ пескомъ онъ разсказалъ парильщикамъ, а потомъ и гостямъ завсегдатаямъ. Между завсегдатаями были и купцы, сосѣди Харламова по лавкѣ. Узнавъ объ этомъ они долго смѣялись.

Разъ, въ Субботу, Харламовъ пришелъ въ баню, поздоровался съ знакомыми и началъ раздѣваться, приказавъ Веденѣю готовить тазы. Къ нему подошелъ его знакомый купецъ, сосѣдъ по лавкѣ, улыбнулся, похлопалъ по плечу и сказалъ:

— А правда Харитонъ Ивановичъ, говорятъ, что тебя здѣсь съ пескомъ моютъ? Мы ужъ и въ рынкѣ смѣялись. Экъ у тебя шкура-то лошадиная.

Харламовъ встрепенулся. Его ударило въ жаръ.

— Какъ съ пескомъ? спросилъ онъ.

— Да такъ. Твой любимый Веденѣй самъ скзывалъ.

— Врешь!

Харламовъ вопросительно взглянулъ на Калистрата.

— Не знаю-съ, Харитонъ Ивановичъ. Нешто онъ смѣетъ такъ дерзничать? Вѣдь вы не доска, отвѣчалъ Калистратъ.

Явился Веденѣй.

— Слышишь, ты меня мыль съ пескомъ?

Веденѣй замялся.

— Отвѣчай, шельминъ сынъ, коли я спрашиваю!
крикнулъ Харламовъ.

— Виновать-съ... прошепталъ Веденѣй.

Присутствующіе захохотали. Даже самые серьезные и тѣ фыркнули. Харламовъ, какъ ужаленный, привскочилъ на мѣстѣ и принялся ругаться.

— А коли такъ, такъ ладно же: не видать вамъ больше меня! Я къ вамъ всей душой, я вамъ подарки... а вы накомъ: насмѣшки надо мной творить вздумали! Да что я кусокъ дерева, что ли, что меня пескомъ... Нѣтъ, я это такъ не оставлю, я еще вашему банному хозяину на васъ, собачьихъ дѣтей, нажалуюсь. Пескомъ гостей мыть! Да гдѣ это видано, закончилъ онъ и началъ одѣваться.

Калистратъ началъ его упрашивать остаться, обѣщалъ согнать Веденѣя, штрафъ на него поставить, но Харламовъ былъ непреклоненъ и ушелъ изъ бани, немывшись.

— Потришь песочкомъ-то! Что жъ ты? крикнулъ ему вслѣдъ знакомый купецъ.

Харламовъ обернулся въ дверяхъ, показалъ кулакъ и хлопнулъ дверью.

На утро къ купцу Харламову отправилась отъ парильщиковъ депутація съ извиненіемъ и съ просьбою снова посѣщать бани. Онъ былъ первымъ гостемъ и отъ него парильщики пользовались въ годъ, кромѣ по-

дарковъ, болѣе чѣмъ сотнею рублей. Кромѣ его самого въ баню ходили и его прикащики. Харламовъ долго ломался, ругалъ ихъ, увѣрялъ «что ему теперь отъ стыда и глазъ въ баню показать нельзя», но наконецъ смягчился и обѣщалъ придти, но съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ Веденѣй былъ выгнанъ и на мѣсто его выписанъ изъ деревни Кузьма. Парильщики обѣщали.

— Ужъ только потому къ вамъ шельмецамъ приду, что привыкъ я къ этимъ банямъ. Двадцать лѣтъ къ ряду въ нихъ хожу! А вы, подлецы, не стоите этого! закончилъ онъ.

Веденѣя исключили изъ артели и онъ поѣхалъ въ деревню.

— Приѣдешь опять въ Питеръ-то, что-ли? спрашивали его на прощаньи парильщики.

— Нѣтъ, братцы, не клеится мнѣ что-то въ Питерѣ. Я въ монахи... Тутъ у насъ десять верстъ отъ деревни монастырекъ есть. Что-жъ пойду въ послушаніе. Я это люблю...

— Какой ты монахъ! А дудки-то какъ? А гармоника?..

— Что-жъ ихъ можно и по боку! Не приросли ко мнѣ... отвѣчалъ Веденѣй.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ

ВЪ АКЦІОНЕРНОЙ КОНТОРѢ.

(О ЧЕРКѢ).

Утро. Десятый часъ. Въ конторѣ ни души, какъ говорится, хоть шаромъ покати; только старикъ артельщикъ расхаживаетъ по комнатамъ да сметаетъ пыль съ лакированныхъ ясныхъ конторокъ и безъ того уже чистыхъ. Тихо; только стучитъ маятникъ дорогихъ часовъ, вдѣланныхъ въ кассовое окошко, да раздается скрипъ сапоговъ артельщика. Въ первой при входѣ комнатъ топится каминъ. Контора эта конторщиками прозвана «казовой», «чистой половиной», такъ какъ она, главнымъ образомъ, служитъ для приѣма публики. Она оклеена хорошими обоями, обставлена хорошими стульями, шкапами съ книгами въ новыхъ переплетахъ; въ ней ежегодно бѣлятъ потолки, замѣняютъ старые

ковры новыми, по лѣтамъ вѣшаютъ къ окнамъ маркизы и т. п. Однимъ словомъ, «казовая» отличается отъ другихъ комнатъ также, какъ гостиная отъ лакейской. Въ другихъ комнатахъ, куда публика заходитъ рѣдко и куда директоры акціонернаго общества также не заглядываютъ, такъ какъ свои немногіе служебные часы проводятъ въ комфортабельной «директорской»,—вы встрѣтите растрескавшіеся полы и потолки, разные ковры, называемые служащими «капканами», залитыя чернилами конторки, стулья о трехъ ногахъ, табуретки съ прорванными сидѣньемъ, изъ которыхъ торчитъ волосъ и даже неизбежную товарку подваловъ—чугунку. О шторахъ въ этихъ комнатахъ нѣтъ и помину.

Артельщикъ обмелъ пыль, поднялъ съ полу какую-то бумажку, бросилъ ее въ каминъ и началъ передъ нимъ грѣть то свою спину, то животъ. Часы пробили половина десятаго.

— Долгонько что-то не собираются... прошепталъ онъ, вздохнулъ и отъ нечего дѣлать началъ читать висящее на стѣнѣ въ дорогой рамкѣ заявленіе директоромъ. На черномъ фонѣ, золотыми буквами было написано: «по силѣ § 359 устава общества директоровъ можно видѣть въ правленіи по четвергамъ отъ 2-хъ до 4 часовъ дня». Но вотъ показался конторщикъ. Онъ шелъ тихо, какою-то кошачьею поступью и причесывалъ свои рѣдкіе; уже мѣстами начинающіе сѣдѣть волосы. Это былъ мужчина лѣтъ за сорокъ, съ малень-

кими подстриженными усами и бакенбардами. Онъ былъ невысокъ ростомъ, имѣлъ кривые зубы и былъ одѣтъ въ довольно потертый пиджакъ. Фамилія его была Муравкинъ. Муравкинъ старый служака въ конторѣ, хорошій работникъ, низкопоклонникъ до подхалимства, но ему какъ-то не везетъ. Товарищи его давно уже получаютъ хорошее жалованье, а онъ все еще сидитъ на сорока рубляхъ мѣсячнаго содержанія и просидитъ всю свою жизнь. На прибавку, однако, онъ не теряетъ надежды, для чего и является въ контору раньше всѣхъ и уходитъ изъ нея послѣднимъ. «Авось, войдетъ управляющій; въ конторѣ никого нѣтъ, а я тутъ. Можетъ, смилуется и прибавитъ рублишекъ пятокъ къ празднику». думаетъ онъ. Муравкинъ подошелъ къ конторкѣ, отперъ ее, высморкался въ клѣтчатый носовой платокъ и сталъ раскладывать книги и письменныя принадлежности. Къ нему подошелъ артельщикъ и остановился у конторки.

— Ну, что, Павелъ, гдѣ вчера самъ былъ? спросилъ его Муравкинъ.

Подъ словомъ самъ нужно было понимать: управляющій конторою.

— Сначала дома. Тестъ у него обѣдалъ, а потомъ поѣхалъ въ театръ,—отвѣчалъ артельщикъ.

— Съ женой?

— Съ ней. Куда-жъ ее дѣтъ-то!

— Нѣтъ я такъ... Что не ждутъ? Не беременна она?

— Да кто-жъ ее знаетъ. По облику-то незамѣтно, а можетъ и въ первыхъ мѣсяцахъ ходить.

— Дай-то Богъ, чтобъ родила. Обзавелся бы самъ сыномъ, такъ, можетъ, и какъ бы лучше было: подобрѣ бы да поласковѣ съ нами былъ. А то теперь, какъ звѣрь дикій, по конторѣ бѣгаетъ. Поклонишься ему—не кланяется.

— Съ самой не ладить... шепнулъ артельщикъ и тотчасъ же отошелъ отъ конторки, замѣтивъ новопришедшаго конторщика.

Новопришедшій былъ также какъ и Муравкинъ изъ числа подхалимовъ, но ему везло. Онъ былъ любимецъ управляющаго, получалъ хорошее содержаніе, ничего не дѣлалъ, хотя и являлся въ контору также раньше всѣхъ, и подчасъ наущничалъ управляющему на товарищей. Управляющій, хотя неоднократно и заявлялъ конторщикамъ, что онъ «сикофантовъ не любитъ», но своего любимца слушалъ. Новопришедшій былъ нѣмецъ, пожилой человѣкъ, но франтъ; былъ лысъ, какъ барабанная кожа, но то и дѣло причесывалъ маленькою щеточкою свои рыжеватые височки; былъ глупъ, но управляющимъ считался за умнаго человѣка. Ни одинъ служащій въ конторѣ не любилъ его, но между тѣмъ всѣ заискивали въ немъ. Остряки говорили, что у него голова деревянная, крытая соломой съ складомъ хламу на чердакѣ. Фамилія его была Шпицъ. Когда онъ вошелъ въ контору, Муравкинъ въ поясъ поклонился ему, но отвѣта на поклонъ не получилъ. Шпицъ подошелъ

къ конторкѣ, разложилъ книги, порылся въ нихъ, нашелъ какую-то бумажонку, поднесъ ее къ Муравкину и сказалъ: «выскоблите», Муравкинъ съ подобострастіемъ началъ скоблить.

— Что это у васъ вчера было съ господиномъ управляющимъ? спросилъ Шпицъ.

— Несчастіе-съ, Егоръ Карлычъ. Они принесли бумагу и потребовали песочку, а я вмѣсто песку-то и вылилъ на нее всю чернильницу.

— Какъ же вамъ не стыдно? Вѣдь за это можно съ мѣста слетѣть. Это вы нарочно, на зло...

— Егоръ Карлычъ, вѣрьте Богу, нечаянно, съ робости... чуть не плача отвѣчалъ Муравкинъ и даже перекрестился.

Пробило десять часовъ и контора мало по малу начала наполняться служащими. Входящіе кланялись старшимъ и протягивали руку равнымъ. И въ конторѣ, читатель, какъ и вездѣ, есть аристократы и плебеи. Къ аристократамъ, разумѣется, принадлежатъ люди, выбившіеся на хорошее содержаніе, къ плебеямъ — корпящіе надъ работой за ничтожное жалованье; а такъ какъ всѣ хорошія мѣста заняты нѣмцами, то въ аристократіи и господствуетъ нѣмецкій элементъ. Есть, правда, двое-трое русскихъ, но русскіе эти играютъ пассивную роль и поддакиваютъ нѣмцамъ, да и нельзя не поддакивать, потому что сила неравная: директора нѣмцы, управляющій нѣмецъ, бухгалтеръ, кассиръ, начальники отдѣлений также нѣмцы. Изъ должностей съ хорошими окла-

дами русскими заняты только двѣ—должность корреспондента и инспектора; да и то потому, что тутъ требуется основательное знаніе русскаго языка, а между нѣмцами не нашлось ни одного такого человѣка. Для доказательства, какъ силенъ въ описываемой нами конторѣ нѣмецкій элементъ, скажемъ, что двѣ трети служащихъ нѣмцы. Но обратимся къ входящимъ. Вотъ показались, переваливаясь съ ноги на ногу, два брата, толстяки Огурешниковы; прошелъ полуаристократъ Ослынинъ, старающійся выдти въ люди черезъ обиваніе директорскихъ пороговъ, Орѣховъ — конторскій Молчалинъ; а за ними повалили разные Шульцы, Миллеры, Шмидты, — получающіе тысячное содержаніе и корпящіе надъ бумагами за пятьсотъ рублей въ годъ.

Одиннадцатый часъ въ исходѣ. Почти всѣ конторщики въ сборѣ, вездѣ разложены книги и конторки приведены въ дѣловой безпорядокъ, но никто еще не сидитъ на мѣстѣ, никто еще не принимался за дѣло. Идутъ разговоры о томъ, кто что вчера дѣлалъ, гдѣ былъ и т. п. Вонъ обрусѣвшій нѣмецъ Функе и даже книгу-то раскрылъ кверху ногами и съ остервенѣніемъ рассказываетъ, какъ онъ вчера съ Мессеромъ зашелъ въ пивную, думая выпить по кружечкѣ пивца, но встрѣтился съ компаніей и напился пьянъ.

— Думали выпить по кружечкѣ, а выпили въ дво-емъ боченокъ, да по два шнапсика. По рублю пятидесяти копѣчекъ и пришлось на брата. Ну да что! На-

ши деньги! Сегодня тридцатое число: жалованье получить! восклицаетъ онъ.

— А я такъ у своего тестя былъ, сказалъ Орфховъ.

— Руку цѣловали?

— Зачѣмъ же руку цѣловать! — Время провелъ.

— Да вѣдь вы и здѣсь цѣлуете, когда онъ въ контору приходитъ. Такъ и слѣдуетъ — тестъ человѣкъ богатый.

— Чтожъ, лучше руку цаловать, чѣмъ пьянствовать... весь вспыхнувъ, отвѣчаетъ Орфховъ.

Разговоръ этотъ ведется не въ «казовой» комнатѣ, не въ «чистой половинѣ», но въ крайней комнатѣ, отдаленной отъ «директорской». Прибавимъ, что въ комнатѣ этой не сидитъ не одинъ аристократъ, иначе бы разговоръ о выпивкѣ нельзя было вести, такъ какъ аристократъ сейчасъ бы донесъ начальству.

Въ комнату вошелъ Телятниковъ — молодой человѣкъ съ чисто русскимъ типомъ лица. Онъ былъ острякъ, насмѣшникъ и трунилъ не только надъ товарищами, но даже и надъ начальствомъ. Товарищи не любили его, но боялись его насмѣшекъ, старались по службѣ подставить ему ногу, но въ глаза льстили и заискивали. Конторское начальство каждый день получало на него доносы, не навидѣло его, старалось всячески сжить съ мѣста, но въ то же время и побаивалось, такъ какъ про него ходила молва, что онъ пописываетъ въ газеты.

Телятниковъ, вошелъ, подалъ всѣмъ руки и сѣлъ за конторку.

— Вотъ что значить послѣднее число мѣсяца, вотъ что значить, что сегодня придется получать жалованье— въ контору летѣлъ, какъ на любовное свиданіе. Все кажется въ розовомъ свѣтѣ. На что ужъ противный для меня человѣкъ нашъ Ейндандеръ, а и то ангеломъ показался, — сказалъ онъ.—Теперь я ликъ управляющаго приму за ликъ какого-нибудь святого.

— Вы лучше расскажите-ко намъ, гдѣ вы вчера были? спросилъ съ сладенькой улыбкой Огурешниковъ старшій.

— Успокойтесь, не улыбайтесь этой огурешниковской улыбкой. Пьянства не было—былъ въ Туляковыхъ баняхъ.

— А отчето-же глазки-то теперь масляные?

— Оттого что на жирное смотрю... Я охотникъ до свинины во всѣхъ ея видахъ, отвѣчалъ Телятниковъ и вскинулъ глазами на толстаго Огурешникова.

Хоть острога была и избитая, но компанія захохотала.

— Николай Федоровичъ, вы не видали, какъ Рингъ себѣ лицо изукрасилъ? спросилъ Телятникова Функе.— Herr Ring, zeigen Sie die Fratze... обратился онъ къ Рингу.

— Зачѣмъ, господа, надъ несчастіемъ смѣяться! Ъхалъ вчера изъ конторы, свалилось колесо, упалъ и разшибся... проговорилъ Рингъ.

— Какъ колесо, да вѣдь теперь на саняхъ ѣздить?!

— Не колесо, а сани сломались,—поправился было онъ, но компанія во все горло захохотала. Рингъ сконфузился.

— Чортъ васъ знаетъ, то вы въ Кронштадтъ ѣздите въ такое время, когда туда можно попасть только на воздушномъ шарѣ, то у вашихъ саней ломаются колеса... вставилъ слово, до сего времени молчавшій, Сермягинъ,—говорили бы ужъ просто, что на кулакъ наткнулись... Что тутъ! всѣ подъ водкой ходимъ...

Сермягинъ и самъ подчасъ запивалъ, но и не скрывалъ этого. Про это знало даже и начальство, но держало его потому, что когда онъ бывалъ трезвъ, то работалъ какъ волъ. Запустить-ли кто свою текущую работу, остановилась-ли работа по болѣзни конторщика, нужно-ли написать какія-нибудь спѣшныя бумаги, — все сваливалось на Сермягина, и онъ приводилъ въ порядокъ, нерѣдко просиживая за работой цѣлыя ночи и получая за этотъ трудъ всего сорокъ рублей въ мѣсяцъ. Кромѣ того, онъ былъ отличный каллиграфъ. Товарищи называли его конторской ломовой лошадыю.

— А знаете, братцы, ежели бы мы и дни не считали, такъ и то могли бы сказать, что сегодня послѣднее число мѣсяца,—сказалъ Телятниковъ. — Генеральскій крестникъ здѣсь; а этотъ только для того и ходитъ въ контору, чтобъ жалованье получать. Однимъ словомъ, пансіонеръ.

Генеральскимъ крестникомъ назывался родственникъ

директора, который числился въ числѣ служащихъ, въ контору не ходилъ и являлся только для полученія жалованья.

— А хорошо быть генеральскимъ крестникомъ! продолжалъ Телятниковъ — Вотъ, Сермягинъ, все ваше несчастіе въ томъ, что вы не жидъ, а то бы сейчасъ можно было получать вмѣсто сорока рублей двѣсти. — Стоило бы только креститься въ лютеранскую вѣру и пригласить въ воспріемники управляющаго — сейчасъ бы и въ люди вышли.

Конторщики мало-по-малу начали усаживаться на мѣста и принимались за работу. Вскорѣ долженъ былъ появиться управляющій, пройти по комнатамъ и осмотрѣть своихъ подчиненныхъ.

— Herr Funke, haben Sie nicht Pfeffermünze? *) спрашиваетъ у Функе молодой нѣмецъ Иммерманъ. — У меня изо рта пахнетъ. — Неравно пойдетъ управляющій, а отъ меня виномъ несетъ... заѣсть надо.

— А что развѣ былъ Strich вчера? сказалъ Функе и въ поясненіе щелкнулъ себя по галстуху.

— Furchtbar geschmort... Fast die ganze Nacht... **) отвѣчалъ Иммерманъ и шепотомъ принялся разсказывать о вчерашнемъ кутежѣ.

Функе далъ ему нѣсколько мятныхъ лепешекъ.

*) Господинъ Функе, нѣтъ-ли у васъ мятныхъ лепешекъ?

**) Страшно кутили... Почти всю ночь...

— Холодно у насъ... Изъ оконъ дуетъ. Я ужъ и то лѣвой рукой еле владѣю... Ревматизмъ... Ну что бы, кажется, стоило такой богатой компаніи сдѣлать новыя рамы къ окнамъ или положить подушки, проговорилъ кто-то.

Телятниковъ тотчасъ же подхватилъ.

— Стоить, братъ, денегъ, а зачѣмъ ихъ тратить на такія пустяки? Лучше отдѣлать квартиру управляющаго, устроить мраморную ванну. Важное дѣло, что служащему дуетъ, что онъ болѣнъ? За то у управляющаго квартира роскошная, столовая дубовая!

— Эхъ, Телятниковъ, смотрите, быть вамъ какъ бычку на веревочкѣ,—сказалъ Ослынинъ. — Пропадете вы за свой языкъ.

— Э, пустяки! Здѣсь пропаду — въ другомъ мѣстѣ найду. Питеръ—то не клиномъ сошелся. Клянуся кренделемъ, съ которымъ вы являетесь къ директорамъ въ дни ихъ рожденій, что откажи мнѣ отъ мѣста—ни минуты не погорюю.

— Какъ съ кренделемъ? Когда я носилъ крендель?.. обидѣлся Ослынинъ.

— А то какже? Развѣ я незнаю, что вы Вунцлеру въ день рожденія поднесли сладкій пирогъ съ его вепзелемъ. Ничего, батюшка. Старайтесь. Снимите еще планы директорскихъ переднихъ, отрѣзалъ Телятниковъ.

Началась перебранка. Она не скоро бы еще кончилась, но въ комнату вбѣжалъ Сермягинъ и крикнулъ, что

идеть управляющій. Все умолкло. Всѣ бросились по мѣстамъ, и уткнули носы въ книги.

— Змѣй летитъ и искры сыплеть! трагически произнесъ Телятниковъ.

— Вдали, черезъ анфиладу комнатъ показался управляющій конторою. Онъ шелъ мѣрнымъ шагомъ, закинувши голову назадъ, и держалъ себя важно, что совершенно не шло къ его маленькой золотушной фигуркѣ. Это былъ еще молодой человѣкъ лѣтъ двадцативосьми, франтовато одѣтый, съ брилліантовымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ и съ маленькой бѣлокурой бородкой. Фамилія его была Лустерманъ. Мѣсто управляющаго онъ получилъ волею судебъ по наслѣдству его дяди. Дядя былъ управляющимъ конторою лѣтъ десять; хорошо развилъ дѣло, былъ любимъ акціонерами, директорами, но послѣднее время хворалъ и взялъ къ себѣ въ помощники племянника. Молодой Лустерманъ занимался подъ его руководствомъ годъ. Дядя захворалъ сильно, поѣхалъ, какъ онъ самъ выражался, умирать за границу и оставилъ племянника исправлять свою должность, на прощаніи прося директоровъ, въ случаѣ своей смерти, утвердить племянника въ должности управляющаго. Предчувствіе дяди сбылось — онъ умеръ, и молодой Лустерманъ, имѣя также протекцію среди биржеваго купечества, занялъ его мѣсто, а съ нимъ вмѣстѣ началъ получать и восьми-тысячный годово́й окладъ. Дѣло онъ, впрочемъ, не испортилъ, да

и нельзя испортить хорошо поставленное, существующее, тридцать лѣтъ дѣло. Колесо вертѣлось по прежнему.

Лустерманъ шелъ и обозрѣвалъ свои владѣнія. Иные изъ служащихъ вскакивали съ своихъ мѣстъ и кланялись, иные слегка поднимались со стульевъ. Однимъ онъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы, передъ другими, не сгибая головы, только слегка какъ-то жмурился, что означало поклонъ, отъ третьихъ же просто отворачивался. Распредѣленіе этихъ милостей дѣлалось глядя по рангу, по получаемому жалованью и по степени франтоватости. Вонъ старающійся всѣми неправдами выбиться «въ люди» Чернорыловъ вскочилъ съ мѣста, разшаркался и, изогнувшись, изобразилъ изъ себя букву С, но Лустерманъ не обратилъ на него никакого вниманія, посмотрѣлъ на часы и вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ Телятниковъ. Здѣсь онъ остановился по срединѣ комнаты, заложилъ большіе пальцы рукъ въ проймы жилета, повернулся, потянулъ носомъ воздухъ и спросилъ:

— Чѣмъ это пахнетъ?

— Не слышу, у меня насморкъ. Да здѣсь всегда уже чѣмъ-нибудь пахнетъ, отвѣтилъ скорый на слово Телятниковъ.

Лустерманъ вспыхнулъ. Отвѣтъ этотъ показался ему дерзостію. Онъ пристально посмотрѣлъ на Телятникова.

— Отчего вы вчера не были? спросилъ онъ его.

— Боленъ былъ. Я записку прислалъ.

— Знаю. Пожалуйста поберегите свое здоровье, что-

бы не получать даромъ жалованья. Кромѣ того, я вамъ долженъ замѣтить, что вы поздно ходите? Вы мнѣ все отдѣленіе портите.

— Паршивая овца, значить, отвѣчалъ Телятниковъ. — Я, господинъ Лустерманъ, прихожу тогда, когда и всѣ приходятъ.

— Врете. Что же я лгу по вашему? скачалъ Лустерманъ, вспыхнувъ еще болѣе, прошепталъ что-то себѣ подъ носъ и направился вонъ изъ комнаты, пнувъ по дорогѣ какую-то валявшуюся скомканную бумажку.

Во время этого разговора остальные служащіе, сидѣвшіе, наклоня надъ книгами головы или хлопавшіе на счетахъ, выпрямились.

— Что взмылилъ казанскимъ мыломъ голову-то? Душистое мыло-то? обратился Сермягинъ къ Телятникову.

— Взмылилъ-то взмылилъ, да вѣдь у него еще порядочный обмылокъ и на вашу голову остался, — отвѣчалъ тотъ.

— Ружья вольно! Командиръ смотрѣ сдѣлалъ, слышалось гдѣ-то.

— Ну, ужъ теперь засядетъ въ свою берлогу, отвѣчалъ кто-то,

— Furchtbar böse; sah aus wie ein Tieger... *) проговорилъ Функе своему сосѣду, заперъ конторку и побѣжалъ вонъ.

*) Ужасно золъ; какъ тигръ.

— Ты куда?

— По своимъ дѣламъ. Теперь ужь онъ не спросить, а ежели и спросить меня, такъ скажи, что я сейчасъ только что вышелъ.

Вся эта сцена удивительно какъ походила на школьную сцену между учениками и учителемъ.

— Ну, теперь и покурить можно .. проговорилъ Огурешниковъ старшій. Ослынинъ, пойдемъ.

— Сейчасъ, откликнулся тотъ.

Они отправились. Огурешниковъ и Ослынинъ были всегда вмѣстѣ; вмѣстѣ курили, вмѣстѣ завтракали, почти всегда вели противъ кого-нибудь интригу, стараясь подкапаться или, по выраженію служащихъ, «ввалить». Въ конторѣ существовали двѣ партіи, интриговавшія другъ противъ друга—русская и нѣмецкая; но они не приставали ни къ какой и держались особнякомъ, выходя на низкопоклонствѣ и шпионствѣ. Товарищи не любили ихъ и звали: сіамскими близнецами, Касторомъ и Полуксомъ, Аяксами. Вслѣдъ за ними начали отправляться курить и другіе конторщики. Въ конторѣ не курили; для куренія была отведена отдѣльная комната.

Оставшіеся въ комнатѣ начали заниматься дѣломъ. Водворилась тишина; заскрипѣли перья. Только Рингъ сидитъ и ничего не дѣлаетъ: щупаетъ подбитый глазъ и ковыряетъ въ носу.

— Негг Рингъ, къ вамъ опять та дама за справкой идетъ, крикнулъ ему Орѣховъ.

Рингъ встрепенулся, ткнулъ пальцемъ лѣвой руки въ

книгу, а правой принялся хлопать на счетахъ. Чело его омрачалось; весь онъ принялъ видъ дѣловаго чело-вѣка. Дама подошла къ его конторкѣ.

— Я у васъ попросила бы справочку... начала она.

— Сейчасъ. Прошу покорно садиться. Пообождите... неглядя на нее, отвѣчалъ Рингъ, продолжая хлопать по счетамъ и только спустя нѣкоторое время обратился къ дамѣ съ вопросомъ: «что вамъ угодно?»

Дама сказала. Онъ повелъ ее въ архивъ.

11 часовъ, а служащіе не всѣ собрались. Вонъ показался главный корреспондентъ Бѣлоглазовъ. Онъ шелъ важно—кивалъ на всѣ стороны, правой рукой расправлялъ свои рыжеватые бакенбарды въ формѣ рыбьихъ плавательныхъ перьевъ, въ лѣвой несъ щегольской портфель. Дойдя до конторки Орѣхова онъ поздоровался съ нимъ и остановился.

— Вчера я слушалъ Патти въ Травіатѣ, заговорилъ онъ.—Боже мой! Это божественно! Божественно! Это не голосъ, а инструментъ! Это то что англичане называютъ... ахъ, Боже мой, забылъ. Ну, да все равно. Я вамъ скажу, просто чувствуешь себя на небѣ. Со мной рядомъ сидѣлъ старичекъ генераль... Двѣ звѣзды у него... Такъ онъ просто припрыгивалъ на креслѣ. Обращается ко мнѣ и говоритъ по французски: знаете, говоритъ, я готовъ ее слушать не только каждый день, но каждый часъ.

— Григорій Александрычъ, а это мѣсто у ней хорошо? знаете: тра-ла-ла... спросилъ Орѣховъ.

— Восхитительно!.. Театръ биткомъ... Докторъ Николай Петровичъ заплатилъ пять рублей только за то, чтобъ постоять на верху.

Къ нему подошелъ Телятниковъ и поздоровался съ нимъ.

— Григорій Александрычъ, напишите пожалуйста въ нашу саратовскую контору .. началъ было онъ, но Бѣлоглазовъ перебилъ его.

— Потомъ, потомъ... Я теперь не могу. Дайте мнѣ вздохнуть! Я и то вчера до четырехъ часовъ ночи занимался.

Онъ показалъ портфель.

Бѣлоглазовъ считался по конторѣ образованнымъ человекомъ. По пословицѣ «на безрыбьи и ракъ рыба» онъ и былъ такимъ. Онъ говорилъ по нѣмецки, болталъ слегка по французски, зналъ нѣсколько англійскихъ словъ, двѣ три избитыхъ латинскихъ пословицы въ родѣ: *vox populi est vox Dei* или *De mortuis aut bene aut nihil*; прочелъ нѣсколько главъ изъ Маколея и Бокля, слыхалъ о Митермайерѣ, объ Огюстѣ Контѣ, о Дарвинѣ; когда-то перевелъ и напечаталъ гдѣ-то два стихотворенія изъ Шиллера и Гейне; читалъ газеты, наслаждался передовыми статьями «Голоса»; и любилъ уснащать не только свою рѣчь, но даже и дѣловыя бумаги къ агентамъ акціонернаго общества иностранными словами, въ родѣ: индивидуумъ, легально, инициатива, *ab ovo* и т. п. Однажды таковую бумагу агентъ общества въ какомъ-то отдаленномъ городѣ,

простой русскій купецъ, прислалъ даже обратно съ чисто-сердечнымъ признаніемъ, что онъ ничего въ ней не понималъ. «Носилъ даже къ учителю въ уѣздное училище, и тотъ ничего не понималъ», писалъ онъ. Бѣлоглазовъ былъ красивый мужчина лѣтъ сорока, онъ получалъ 3,600 р., жалованья въ годъ, одѣвался чисто, не отказывалъ себѣ ни въ чемъ, не былъ женатъ, и, не смотря на свои еще нестарые года, замѣтно дѣлался старымъ, безгласнымъ холостякомъ съ мизантропическими оттѣнками и вѣчно жаловался то на геморой, то на разстроенное пищевареніе. Въ конторѣ онъ придерживался сильной, то есть нѣмецкой партіи, хотя иногда старался «вытащить въ люди» и русскихъ.

Бѣлоглазовъ посмотрѣлъ на часы.

— Однако пора за дѣло... сказалъ онъ и направился въ свое отдѣленіе, которое приходилось сзади той комнаты, въ которой происходила вышеописанная сцена.

— Такъ бумажку-то въ саратовское агенство не напишите? спросилъ его Телятниковъ.

— Послѣ, послѣ... У меня теперь важнѣе есть дѣла, отвѣчалъ онъ.

Телятниковъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ.

— Важнѣе дѣла! пробормоталъ онъ, — а приди теперь къ тебѣ, заговори объ актрисахъ изъ театра Берга—два часа проговоришь!

Въ комнату вошелъ, прихрамывая на лѣвую ногу, мужчина съ фizioномією отставнаго кавалериста. Это былъ тоже служащій—инспекторъ или ревизоръ Елтонъ.

скій. Должность его заключалась въ разъѣздахъ для обревизованія агенствъ общества. Когда онъ бывалъ въ Петербургѣ, ему было совершенно нечего дѣлать. Объ этомъ знала вся контора, но тѣмъ не менѣе онъ старался показать, что у него есть какія-то тайныя конторскія дѣла.

— Здравствуйте, здравствуйте! заговорилъ онъ входя и подавая всѣмъ руки. — У кого Симбирскъ? Кто ведетъ симбирскія книги? спросилъ онъ.

— Я. У меня. А что вамъ? спросилъ Телятниковъ.

— Вотъ видите-ли... мнѣ надо... составьте...

Елтонскій и самъ не зналъ что ему надо. Все это дѣлалось для того, чтобы показать, что у него есть какое-то дѣло, что онъ занятъ.

— Составьте мнѣ пожалуйста вѣдомость, сколько у насъ въ Симбирскѣ находится товаровъ, — выговорилъ онъ наконецъ. — Только поскорѣе: дѣло спѣшное!

— Хорошо-съ... Будетъ составлено...

— Такъ пожалуйста не забудьте, прибавилъ Елтонскій и пошелъ въ отдѣленіе Бѣлоглазова.

— Ничего не составляю, потому этотъ списокъ тебѣ вовсе не нуженъ. Ты объ немъ черезъ четверть часа забудешь, — проговорилъ Телятниковъ. — Какже, обратился онъ къ служащимъ, — на прошлой недѣлѣ прибѣгаетъ къ Функе и проситъ его составить сейчасъ-же, немедленно списокъ по кавказскому агенству. Тотъ составилъ, и списокъ до сихъ поръ валяется у него. Елтонскій такъ и забылъ, такъ и не спрашивалъ.

Телятниковъ отправился курить.

Курильная была биткомъ набита народомъ. Это была небольшая довольно грязная комната съ каминомъ, съ дубовыми стульями и таковымъ же столомъ. Въ ней курили аристократы и плебеи. Аристократы сидѣли отдѣльной группой. Ежели входилъ плебей, то онъ заку-^сривалъ свою папиросу у плебея; попросить огня у аристократа—считалось бы дерзостію, да онъ, пожалуй бы, и не далъ. Аристократы вели разговоръ. Начальникъ отдѣленія Ейнандеръ, износившійся и кругомъ задолжавшій ех-кутила съ припадками подагры, весь раскрашенный, рассказывалъ исторію паденія и возвышенія какой-то содержанки: какъ она разорила старика графа Завалдайскаго, какъ выпросила у него фамилі-^нные брилліанты, какъ, притворившись беременною, показала чужого ребенка и потребовала сумму для его обезпеченія. Ейнандеръ говорилъ съ жаромъ, такъ что сквозь его вставные зубы летѣли даже брызги слюней. Хотя въ рассказываемой исторіи было и очень мало забавнаго, но компанія такъ и покатывалась со смѣху.

Разсказъ, разумѣется, велся понѣмецки.

— Теперь она опять пришла въ упадокъ, а еще хороша. Встрѣтилъ я ее какъ-то. Ъдитъ въ наемной коляскѣ,—заканчивалъ онъ. — А вѣдь какъ блестѣла! И у кого, у кого она не была на содержаніи! И у купца Дерахвостова, и у кирасира графа Шнапсзакъ, и у князя Расхлябина, и у старика Уховерта... Я ее давно знаю.

Кто-то изъ плебеевъ улыбнулся такому знанію. Телятниковъ это замѣтилъ.

— Не смѣйтесь, господа! Чтожъ, каждый занимается чѣмъ онъ можетъ, на что его хватаетъ, — сказалъ онъ.

Слышавшій это Ейнданеръ повернулся на каблукахъ, потрясъ фалдами пиджака и покосился.

И въ самомъ дѣлѣ странная спеціальность была у этого человѣка. Онъ зналъ біографіи всѣхъ петербургскихъ аристократическихъ содержанокъ, хотя и не былъ вхожъ къ нимъ въ дома. Надо полагать, что онъ узнавалъ отъ ихъ сестеръ средней руки, съ которыми нѣкогда возился въ цвѣтущую эпоху своей молодости и своего кармана. Человѣкъ этотъ былъ весь помѣшанъ на шикѣ. Его сердечно радовало, когда какое-нибудь важное лицо кивало ему въ театрѣ; онъ былъ счастливъ, ежели могъ пройтись по рядамъ съ какимъ-нибудь аристократомъ и перемолвить съ нимъ словечко, ежели ему кланялся пролетѣвшій на рысакѣ извѣстный богачъ, нѣкогда богатый. Ейнданеръ теперь изъ послѣднихъ средствъ держалъ лошадь. Въ молодости онъ имѣлъ страшное желаніе поступить въ военную службу и именно въ кавалерію; но тогдашнія стѣснительныя права заставили бы его долгое время пробыть юнкеромъ, а этого ему не хотѣлось. Онъ былъ просто ревельскій гражданинъ, хотя по ресторанамъ и слылъ за остзейскаго барона. Считавшихъ его за барона Ейнданеръ, онъ и не разочаровывалъ.

Потолковавъ еще о содержанкахъ, объ избіеніи французовъ, о молодечествѣ нѣмцевъ, аристократы докурили свои сигары и разошлись. Остались плебеи. Въ курильню вошелъ нѣкто Швертъ. Закуривъ сигару, онъ сѣлъ. Надъ нимъ начали подтрунивать. Онъ слегка огрызался, но неудачно. Онъ былъ ужасно мнителенъ и глупъ и служилъ посмѣшищемъ всей конторы. Отличительною чертою его характера была также скупость. Про него ходила легенда, что когда онъ приходилъ домой, то раздѣвался до нага, надѣвалъ халатъ и ложился на постель, сберегая тѣмъ отъ износу свое бѣлье и платье; что онъ собиралъ, гдѣ могъ, пробки, сургучъ отъ конвертовъ и въ послѣдствіи продавалъ ихъ; что самъ себѣ вязалъ чулки; стрѣлялъ на дворѣ изъ духового ружья голубей, жарилъ ихъ и ѣлъ, соблюдая тѣмъ экономію, и ежели по утру съѣдалъ булку, то отказывалъ себѣ въ этомъ вечеромъ; вмѣсто чаю пилъ липовый цвѣтъ, который собиралъ самъ и т. п. Кто-то изъ присутствующихъ сказалъ, что у Шверта болѣзненное лицо и мутные глаза. Онъ тотчасъ же вскочилъ съ мѣста и началъ глядѣться въ зеркало.

— Ага, боишься смерти? сказалъ понѣмецки нѣкто Лауфъ.

— Еще бы не бояться. Я еще нежилъ семейной жизнью. Я хочу жену, дѣтей, хорошій бутербротъ... Mit einem Worte, etwas gemüthliches... отвѣчалъ онъ.

— Телятниковъ, другъ, посмѣйся надъ нимъ. Ты

умѣешь. Заведи его, дай позабавиться, — шепнулъ Лауфъ.

— Ну ладно, смотрите только поддерживайте меня... отвѣчалъ тотъ, откашлился и началъ: — читали вы, господа, что въ Бостонѣ, въ Америкѣ, вдругъ ни съ того ни съ сего показались изъ земли сваи. Населеніе пришло въ ужасъ, потому что сваи вырастали и вырастали. Но что же оказалось? Да вы читали! Кажется во вчерашнихъ газетахъ.

— Читали, читали... откликнулись слушатели.

— Я не читалъ, расскажи мнѣ... сказалъ Лауфъ.

— Хорошо. Призвали инженеровъ, и что же оказалось? продолжалъ Телятниковъ. Оказалось, что это сваи изъ подъ Исакиевскаго собора, что у насъ въ Петербургѣ. Когда Исакиевскій соборъ строили, то такъ какъ грунтъ земли зыбкій, въ землю вбивали страшное количество свай, одну на другую. Вбили ихъ, можетъ быть, миллионъ штукъ. Для прочности. Да и нельзя иначе, по такому массивному зданію. Теперь соборъ осѣлъ, и чтобы вы думали? Сваи эти сквозь весь земной шаръ прошли и вышли съ другой стороны, то есть, въ Бостонѣ, наружу... какая невѣроятная сила!?

Къ разговору прислушивался и Швертъ.

— Неужели эта правда? спросилъ онъ.

— Съ какой же стати мнѣ врать? Я вамъ и газету дамъ.

Остальные присутствующіе чуть удерживались отъ смѣха.

— Да, въ природѣ есть многое... сказалъ Швертъ, вставая, и запнулся на словѣ. — Die Wissenschaft und die Natur... хотѣлъ онъ поправиться по нѣмецки и опять запнулся.

Онъ поплевалъ на огонь окурка сигары, загасилъ ее бережливо, завернулъ въ бумажку, спряталъ въ карманъ и вышелъ изъ курильни.

— Ну повѣрилъ! Теперь пойдетъ по всей конторѣ рассказывать! воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Да какъ-же, господа, не повѣрить! Тутъ имѣется хоть доля вѣроятія,—проговорилъ Телятниковъ.—Онъ и не такимъ штукамъ вѣрилъ. Съ мѣсяцъ тому назадъ, мы сидѣли съ нимъ внизу у артельщика, завтракали, ѣли кильки и говорили объ искусственномъ разведеніи цыплятъ. А я и говорю ему—нынче все искусственнымъ образомъ дѣлаютъ, даже вотъ и кильки есть машинныя. Онъ сначала немного удивился и потомъ спросилъ: а это искусственныя? Неужели же, говорю, вы не видите, что онѣ съ головами? Машинныя дѣлаютъ безъ головъ... Чтожь вы думаете — повѣрилъ. Другой разъ я ему сказалъ, что Китайцы идутъ на подмогу къ пруссакамъ. Опять повѣрилъ. И вѣдь какъ что услышитъ—сейчасъ и начнетъ рассказывать!..

— Пойти послушать да посмѣяться.

Компанія направилась къ выходу. Въ курильнѣ остались только Телятниковъ и Лауфъ. Въ курильню вошелъ Шпицъ.

— Баранова здѣсь нѣтъ? спросилъ онъ.

— Вонъ онъ, подъ столомъ сидитъ, сказалъ Телятниковъ. — Вѣдь видите, что нѣтъ, — зачѣмъ же спрашивать?

Шпицъ вспыхнулъ.

— Послушайте, Телятниковъ. Я за ваши дерзости буду на васъ жаловаться управляющему. Какъ вы мнѣ смѣете говорить грубости. Я старше васъ и по мѣсту, и по лѣтамъ.

— Чтожъ, жалуйтесь!

Шпицъ хлопнулъ дверью.

Въ конторѣ разыгрывались двѣ сцены. Въ одномъ отдѣленіи Швертъ рассказывалъ исторію о сваяхъ, вышедшихъ въ Бостонѣ изъ земли, и слушатели до слезъ хохотали надъ нимъ; въ другомъ — уговаривали пьянаго Чернорылова идти домой и лечь спать. Чернорыловъ два раза въ годъ пилъ запоемъ.

— Ну теперь кончено, на двѣ недѣли запилъ! слышалось у служащихъ.

— Будетъ пить и кутить, покуда не пропьется до копѣйки.

— Скажи лучше: покуда негдѣ будетъ занять. Прошлый разъ онъ занялъ сто рублей у агента Бирне и тѣ пропилъ. И вѣдь какъ ухитрился! Тотъ жадный-пре-жадный, а вѣдь сѣумѣлъ же подѣхать!

— Herr Jesus! Скажите мнѣ, пожалуйста, отчего эта болѣзнь запой бываетъ только у русскихъ! воскликнулъ Шпицъ.

— Полноте врать-то! Вглядитесь только хорошенько, такъ и нѣмцы хлещутъ еще лучше русскихъ, — вставилъ свое слово находившійся тутъ же Телятниковъ и побѣждалъ въ свое отдѣленіе, неся въ рукѣ какую-то бумагу. Подбѣжавъ къ своей конторкѣ, онъ остановился и поднялъ руку кверху.

— Прошу, господа, слова! Сейчасъ нашелъ въ бухгалтеріи счетъ агента Бирне. Счетъ этотъ до такой степени характеризуетъ нѣмецкую акуратность, что не могу себѣ отказать въ удовольствіи прочесть его вамъ вслухъ. Слушайте!

Телятниковъ началъ:

— «Расходы въ конторѣ агенства». Пропускаемъ дрова, освѣщеніе—эти вещи обыкновенныя, и приступаемъ къ самой сути, къ подробностямъ. «Одинъ кусокъ фламскаго полотна для обтирки перьевъ господъ конторщиковъ—25 рублей. Пять аршинъ грубаго зеленого сукна для вытиранія паркета по 2 рубля за аршинъ—10 рублей. На масло для неугасимыхъ лампадъ передъ двумя иконами, висящими въ конторѣ, — 15 рублей. Пять фунтовъ сальныхъ свѣчъ для смазки заржавившей копировальной машины—1 рубль. По просьбѣ уважаемаго нами покупателя нашего Трилистова, отправляющагося на поклоненіе кіевскимъ угодникамъ, дано на восковую свѣчу—3 рубля. За октябрь роздано нищимъ, монахамъ и монахинямъ на построеніе храмовъ—52 рубля 37½ копѣекъ. Купленъ возъ песку для четырехъ конторскихъ плевалницъ — 2 рубля».

Далѣе слѣдуютъ конторскія принадлежности. Каково, господа? Коментаріевъ, кажется, не требуется!

Конторщики отъ удивленія всплескивали руками.

— Вотъ счетъ, такъ счетъ. И вѣдь заплатятъ... слышалось у нихъ.—А нашъ братъ попроси, чтобъ подушку сдѣлали къ окну, чтобъ не дуло во время занятій, чтобъ не схватить ревматизма—и въ той откажутъ!

— Чтожъ, будь я агентомъ, такъ и не такіе бы счета писалъ. Отъ кого-жъ и пользоваться, какъ не отъ общества? замѣтилъ Ослынинъ.

— Оттого-то бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. Вы вотъ три раза просили, чтобы васъ агентомъ куда-нибудь назначили и всякій разъ съ носомъ отъѣзжали,—отвѣтилъ ему Телятниковъ.

Ослынина покорило. Онъ покраснѣлъ, однако смолчалъ и сѣлъ на свое мѣсто.

Второй часъ. Конторщики покурили, посплетничали, позавтракали и принялись за работу. Такъ и скрипятъ перья, такъ и вымакиваются чернилы, такъ и брякаютъ костяжки щетовъ. «Ахъ, Господи, хоть бы скорѣе жалованье звали получать!» думаютъ нѣкоторые и озираются, смотря, не прислалъ-ли кассиръ артельщика съ приглашеніемъ. Въ комнату вошелъ часовой мастеръ и началъ заводить часы. Кто-то обращается къ нему и острить:

— Послушайте, нельзя-ли намъ такіе часы сдѣлать, чтобы они по утру, когда нужно приходитъ въ кон-

тору, отставали, а въ три часа, когда нужно уходить, шли впередъ.

— Ja, das kann man thun, aber das wird viel Geld kosten *),—съ улыбкой отвѣчаетъ часовой мастеръ.

Вонъ, Ослынинъ уже кончилъ свою работу и отъ нечего дѣлать высчитываетъ сколько мѣсяцевъ осталось до полученія награды. Сосчитавъ мѣсяцы, онъ приводитъ ихъ въ дни, дни въ часы, часы въ минуты.

— 189,600 минутъ осталось до полученія награды! восклицаетъ онъ.

Но вотъ въ комнату вошелъ давно ожидаемый артельщикъ.

— Господинъ кассиръ проситъ пожаловать за полученіемъ жалованья, сказалъ онъ.

Конторщики вострепонулись и, радостно потирая руки, отправились въ кассу.

Вонъ, въ углу за конторкой сидитъ Брынди́нъ. Онъ уже получилъ свои тридцать рублей и высчитываетъ на бумажкѣ, какъ ихъ распределить. Образовалась слѣдующая роспись:

8 руб. за комнату.

9 руб. за обѣдъ.

3 руб. за завтракъ.

3 руб. на чай и сахаръ.

1 руб. на табакъ.

*) Да, можно сдѣлать, но это будетъ стоить много денегъ.

1 руб. за подметки.

3 руб. долгу портному.

28 руб.

«Два рубля останется, думаетъ онъ.—Куда хочешь, туда и дѣвай».

— Брындинъ, идемъ съ нами жалованье спрыскивать! Мы въ новый переулочъ пиво пить идемъ, говорить ему Функе.

— Чтожъ, развѣ и въ самомъ дѣлѣ спрыснуть? Всего два рубля отъ жалованья останется. Что на нихъ сдѣлаешь? Валяй! Пропьемъ! восклицаетъ онъ.

Часовая стрѣлка еще только приближалась къ тремъ часамъ, а ужъ конторщики давно сложили книги, канцелярскія принадлежности и заперли конторки. Они ждутъ только, когда часы пробьютъ три часа. Но вотъ часы начали бить, и конторщики потянулись домой.

Телятниковъ и Лауфъ шли по «чистой казовой» комнатѣ. Въ ней стоялъ управляющій. Онъ, видимо, ждалъ Телятникова. Когда тотъ поравнялся съ нимъ, управляющій остановилъ его.

— Послушайте, на васъ опять жалобы. Вы опять нагрубили уважаемымъ господину Шпицу и Ейнандеру. Слушайте, я вамъ дѣлаю послѣдній разъ выговоръ, въ другой разъ распоряжусь иначе... сказалъ онъ.— Слышите?

— Слышу...

— Совѣтую вамъ извинится передъ ними.

Телятниковъ промолчалъ и направился къ выходу.

— Что опять выговоръ? спросилъ его Лауфъ.

— Опять. Аристократы нажаловались. Ежели бы ты видѣлъ, какую онъ рожу кислую сдѣлалъ — такъ просто хоть святыхъ вонъ выноси. Четвертакъ стоитъ заплатить на эдакую рожу поглядѣть. Кажись, поднеси кринку свѣжаго молока—сейчасъ, скиснется, —отвѣчалъ Телятниковъ.

Они начали спускаться по лѣстницѣ.

НАША КОММЕРЦІЯ.

(изъ записной книжки отставнаго прикащика касьяна
яманова).

Хитрецъ былъ нашъ хозяинъ Пудъ Стахіевичъ Крокодиловъ; такой хитрецъ, что кажется, изходи всѣ рынки—другого такого не найдешь. Четыре раза въ мою бытность у него, онъ «свою совѣсть очищалъ», то есть банкрутился и дѣлалъ съ кредиторами долговыя сдѣлки, да такъ счастливо, что больше двугривеннаго или четвертака за рубль никогда не платилъ. И всегда у него на этотъ счетъ предлогъ былъ: то лавка сгоритъ, то «ходебщики», то есть разнощики по домамъ, которымъ онъ продавалъ красный товаръ, не платятъ, то «его молодцы на лѣвую ногу обдѣлали». А ужъ гдѣ такого человѣка обдѣлать! Не только что палецъ ему въ ротъ не клади, кулакъ не клади—и тотъ откусить. И вѣдь всегда это ему благополучно съ рукъ сходило. Лавку сейчасъ переведетъ на

имя жены, чтобъ значить къ ней приступу не было, не моя-де, а самъ надѣнетъ старенькій сертучишко да рваные сапожонки, да по кредиторамъ съ «ерестикомъ» и ходить, валяясь у нихъ въ ногахъ, чтобы подписались, что согласны взять по двугривенному за рубль. И брали, потому чувствовали, что не возьми по двугривенному, такъ убѣжить онъ «въ свое мѣсто» и ни копѣйки съ него тогда не получишь.

Лавка у него была вертепъ разбойничій, онъ самъ атаманъ, а мы всѣ — молодцы-разбойники, и только надѣнь на насъ красныя рубахи да вымажь лица давленной клюквой и сажей, такъ совсѣмъ заправскіе: точь точь какъ въ Александринкѣ въ «Двумужницѣ» или въ «Ермакѣ» играютъ. Лавка наша была двухъэтажная; внизу торговали краснымъ товаромъ, а въ верху шапками и готовымъ платьемъ. Вывѣски никакой не было: ни номера, ни фамиліи, на тотъ случай, что ежели обмѣримъ, или что гнилое спулимъ и покупатель назадъ принесетъ, такъ чтобъ отрѣчься было можно. Самъ бывало, на порогѣ стоитъ и какъ замѣтитъ, ежели покупатель что назадъ несетъ и нашу лавку отыскиваетъ, сейчасъ намъ крикнетъ: «измѣни хари!» Ну, мы сейчасъ: кто надуется, кто ротъ въ сторону своротить и брюхо выпятить, кто шапку на лобъ нахлобучить и сгорбится. Это собственно для того, чтобы покупатель хоть по прикащицкому облику лавки не узналъ. У насъ одинъ молодецъ такой мастакъ былъ, что шесть харь изъ своей собственной

хари дѣлать могъ и хозяинъ его за это цѣнилъ и намъ въ примѣръ ставилъ.

Крокодилова даже сосѣди боялись, потому дня не проходило, чтобы онъ у нихъ покупателей не отбивалъ. И вѣдь какъ это дѣлалъ, какая у него хитрость въ башкѣ бывала, такъ просто уму не постижимо! Придетъ, бывало, къ сосѣду покупатель и спросить, къ примѣру шелкового атласу или бархату, сторгуется и велить отрѣзать сколько нужно. Крокодиловъ все это видитъ и тотчасъ-же какъ только прикащикъ берется за ножницы, шмыгаетъ въ сосѣдную лавку, важно подходитъ къ прилавку, щупаетъ доброту только что сейчасъ купленного покупателемъ товара и говорить: «удивительно какъ нонче до всего дошли. Бархатъ-то вѣдь совсѣмъ на видъ шелковый и не узнаешь, что изъ бумаги». Покупатель покупавшій бархатъ за шелковый, выпучиваетъ глаза и начинаетъ ругать продавца, хотѣвшаго ему продать бумагу за шелкъ. Продавецъ, продававшій дѣйствительно шелковый бархатъ, божится, что бархатъ шелковый и въ свою очередь ругаетъ Крокодилова, а тотъ съ улыбочкой отходитъ въ сторону; дескать: ври, что знаешь! Выругавшись въ волю, покупатель, разумѣется, выбѣгаетъ изъ лавки, а Крокодилову только этого и нужно: онъ сейчасъ къ нему и начнетъ разсыпаться:

— Пожалуйста къ намъ!.. У насъ самый первый сортъ ліонскій... Ужъ и захотѣли вы у нихъ покупать! Да они отца съ матерью надуютъ! Вчера одной

генеральшѣ продали десять аршинъ полотна, отвели глаза, да калинкоръ и завернули. Насъ торговца надуть трудно. Хорошо, что я подвернулся, а то бы плись вмѣсто бархату-то домой принесли; да и не плись, а, чего добраго, полѣно бы вамъ вмѣсто плису-то завернули. Пожалуйте, вотъ наша лавка! Затащить такимъ образомъ, да и сдереть въ три дорога, потому покупатель въ него уже ввѣрившись и торгуется слегка, ради блезиру.

Во второмъ этажѣ, какъ я уже сказалъ, у насъ была торговля готовымъ платьемъ и на на всемъ полу, на полъ-аршина, было наложено сѣно. Ежели покупатель спрашивалъ, для чего это сѣно? то ему отвѣчали: что молъ «снизу дуетъ, а покупатели жалуются, такъ чтобы простуды не было». Но сѣно было положено не для этого случая, а для того, чтобы при примѣркѣ бурнуса, тулупа или шубы, продаваемая вещь казалась длиннѣе. Топчется покупатель въ сѣнѣ и видитъ, что вещь-то дѣйствительно хватаетъ по полу, то есть до сѣна. Иному конечно, и не въ догадъ, а хозяину это на руку. Сверхъ того вся верхняя лавка была оклеена темными обоями, и не только стѣны, но и двери. Двери были оклеены для того, чтобъ покупатель, ежели не сторгуется въ цѣнѣ, не сразу бы могъ ихъ найти, а тѣмъ временемъ его бы было можно уговорить кой что прибавить. Двери было, дѣйствительно, трудно найти, потому, какъ только впускался покупатель, сейчасъ же ихъ захлопывали и вѣшали на

нихъ шубы, сертуки, брюки и пр. Покупатель чуть не плачетъ и вонъ просится, ругается, грозитъ, а его все не пускаютъ. Особенно, бывало, жалко было женщинъ; тѣ тамъ чуть въ обморокъ не падали и еле живыя отъ страху спускались внизъ, разумѣется уже съ покупкой, такъ какъ безъ покупки оттуда ихъ не выпускали. Чтобы улаживать съ ними дѣло, у насъ были на этотъ счетъ два особенные ловкача. Тѣ просто запугивали смертью. «Покупай, молъ, а то зарѣжемъ!»

Зайдутъ, напримѣръ, въ лавку двѣ горничныя и спросятъ бурнусъ. Ловкачи сейчасъ перемигнутся между собой и къ нимъ.

— Пожалуйста, есть! Самые княжескіе и генеральскіе!.. Пожалуйста!..

И поведутъ ихъ на верхъ. Приведутъ, какъ, водится, захлопнутъ двери, навѣшаютъ на нихъ разной дряни и ну, бурнусъ показывать. Пересмотрятъ женщины съ дюжину бурнусовъ, но не одинъ имъ не нравится, а который ежели понравится, такъ цѣна дорога; хотятъ выходить изъ лавки, глядь, а выходу нѣтъ, и начинается слѣдующая сцена:

— Нѣтъ, намъ не нравится, да и дорого. Вы насъ выпустите. Гдѣ выходъ-то?

— Зачѣмъ вамъ выходъ съ? Послушайте, пожалуйста! Вы взгляните... Чѣмъ эта не вещь за двадцать пять рублей?... Хоть во дворецъ, такъ и то явиться можно...

— Да дорого...

— А какая ваша цѣна? Откройте ротикъ, подарите словечкомъ...

Женщины улыбаются отъ этой люб ности.

— Да цѣна-то несообразная... Двѣнадцать рублей... говорятъ онѣ, чтобы отвязаться и снова ищутъ выхода.—Вы насъ выпустите.

Молодецъ возвышаетъ голосъ.

— Зачѣмъ же выпустить-то?... Вы давайте настоящую цѣну... А то только нарыли. Ну, прибавляйте...

— Да какже прибавлять-то. Ей Богу больше не стоитъ... Вы ужь, Бога ради, укажите гдѣ двери...

— Не стоитъ, не стоитъ? А позвольте васъ спросить, кому лучше знать, что что стоитъ? Торговцу или покупателю? Мы съ малыхъ лѣтъ приучены... Давайте же настоящую-то цѣну. Что въ самомъ дѣлѣ ломаетесь... Боли пришли покупать, такъ покупайте, а то нарыли да и вонъ... наступаетъ молодецъ. Вѣдь вещь, какъ и человѣкъ, трется и старѣетъ... вѣдь и вы черезъ пять лѣтъ не такія будете. Ну, накидывайте!

Женщины начинаютъ робѣть и переглядываться между собою.

— Да что же пятнадцать рублей дадимъ, выговариваютъ онѣ наконецъ.

— За эту-то вещь пятнадцать? Да вы посмотрите, какая она... Вы ее видѣли-ли?

Молодецъ хватаетъ ихъ, тащитъ къ окну, отдергиваетъ занавѣску и глазамъ ихъ представляется сидя-

щій на окнѣ другой молодецъ и точащій на брусѣ огромный поварской ножъ. Увидя такую картину, покупательницы до того пугаются, что отъ страху еле могутъ стоять на ногахъ и говорить. Ножъ, оттачиваемый для нарѣзыванія кошкѣ говядины, помогаетъ. Для того, чтобы хоть какъ нибудь выдти изъ вертепа, именуемаго лавкой, женщины набавляютъ еще три рубля и покупаютъ наконецъ за восемнадцать рублей бурнусъ, не стоящій и пятнадцати.

Вотъ какой былъ вертепъ у купца Крокодилова, вотъ какой онъ былъ самъ атаманъ и вотъ какіе у него были разбойники!

II.

Разбойникъ былъ нашъ хозяинъ Пудъ Стахіевичъ Крокодиловъ и также, какъ другіе знаменитые разбойники, вродѣ Ваньки Каина и Картуша, шутникъ былъ. Разница была только та, что для шутокъ своихъ онъ выбиралъ людей не сильныхъ міра сего, но слабыхъ. Шутки свои онъ производилъ большею частью лѣтомъ, когда въ торговлѣ затишье, и всегда въ сообществѣ своего любимца молодца Гаврилы, того самаго, который изъ своего собственного облика семь харь дѣлать могъ. У Гаврилы, этого для шутокъ разныхъ надъ покупателями были даже разныя орудія припасены. Такъ была у него коробка, наполненная пылью, и коробка эта всегда стояла на самой верхней полкѣ и предназначалась для «отначиванья» или отваживанья навсегда како о нибудь надоѣдливаго покупателя.

Приходить, напимѣрь, старуха, показываетъ об-
ращикъ и спрашиваетъ:

— Есть у васъ ленты масаковаго цвѣта, только
чтобъ не въ небесный цвѣтъ, а въ мѣдную искру уда-
ряло?

Гаврило ужъ около нее и говоритъ:

— А много ли вамъ, сударыня, нужно?

— Аршинъ, не больше.

— Ну, съ аршинъ-то найдется. У насъ остаточекъ
махонькій. Дешево отпустимъ. А самъ между тѣмъ ду-
маетъ: «ну, нужно насмѣшку сотворить».

— Такъ покажите.

Гаврило начинаетъ морщиться и говоритъ:

— Высоко больно стоять-то эти самыя ленты.
Вотъ она — коробка-то гдѣ... Нужно на прилавокъ
лѣзть. Сударыня, не во гнѣвъ вамъ будь сказано...
Вотъ видите-ли: я въ Крымскую компанію въ ополче-
ніи служилъ и былъ раненъ въ ногу, такъ нога-то
словно палка. Не поможете ли мнѣ ее на прилавокъ
занести, сдѣлайте Божескую милость.

Старуха беретъ его ногу и начинаетъ заносить на
прилавокъ. Гаврило стонетъ: «легче, легче» и нако-
нецъ взбирается на прилавокъ, беретъ съ верхней
полки приготовленную съ пылью коробку, но вдругъ
вскрикиваетъ, яко бы отъ боли въ ногѣ и роняетъ
коробку старухѣ на голову. Обсыпанная пылью и ис-
пуганная старуха начинаетъ ругаться, а Гаврило, не
спускаясь съ прилавка, потираетъ ногу и стонетъ:

— Нѣтъ масаковаго цвѣта, нѣтъ... вѣрно, весь продали... Только за дарма ногу разбередилъ... теперь опять на сорокъ копѣекъ мази потребуется.

Ходилъ къ намъ въ лавку жидъ факторъ и завсегда завалящійся товаръ скупалъ. У жида у этого была очень маленькая голова и преогромная шляпа, доставшаяся ему съ чьей-то большой головы. Пришелъ онъ однажды къ намъ, нарылъ товару цѣлый ворохъ и сталъ давать самую не подходящую цѣну. Крокодиловъ былъ въ лавкѣ, разсердился на этого жида и ну его ругать.

— Только, говорить зря шляешься да товаръ мнешь. Пошелъ вонъ Хриstopродавецъ, свиное твое ухо!

Подошелъ къ нему сзади, схватилъ за поля его шляпы, да и нахлобучилъ ему ее на самыя плечи и вытолкалъ его изъ лавки на линію. А ужъ у насъ молодцы на линіи, что твои собаки, охулки на руку не положить. Какъ увидали этого самаго жида въ нахлобученой до самой шеи шляпѣ, въ мигъ подхватили его, кто пинка далъ, кто толчка, кто въ загорбокъ, да такъ, словно сквозь строй, черезъ всю линію и прогнали. Фалды даже на сюртукъ оборвали, галстукъ съ шеи сдернули. Очнулся жидъ на другомъ концѣ линіи, и только съ помощію будошниковъ стащилъ съ головы своей шляпу, такъ крѣпко она была нахлобучена. Хоть и много у насъ въ рынкѣ надъ нимъ шутокъ шутили и завсегда все съ рукъ сходило, но на сей разъ онъ обидѣлся. Сейчасъ въ кварталъ и на Кроко-

дилова жалобу.. На утро повѣстка. Крокодиловъ пошелъ въ кварталъ. Надзиратель ему былъ знакомый; завсегда пьянствовалъ вмѣстѣ и чуть не каждый день въ горку играли. Приходитъ. Жидъ ужъ тамъ. Надзиратель сидитъ и никакъ не можетъ отъ смѣху удержаться.

— Что это ты, говорить, Пудъ Стахичъ, съ Іудинымъ то племенемъ надѣлалъ? Вотъ жалуется на тебя, что ты его избилъ и шляпу ему испортилъ.

— Я его билъ? Я ему шляпу испортилъ? Вретъ онъ, ваше благородіе, какъ передъ Истиннымъ, вретъ! Не токма что бить, а пальцемъ его не тронулъ. Я ему только вотъ что сдѣлалъ... И не успѣлъ жидъ рта разинуть, какъ Крокодиловъ выхватилъ у него изъ рукъ шляпу и снова нахлобучилъ ему ее до самыхъ плечъ.

— Вотъ это я точно сдѣлалъ, не отрекись.

Надзиратель и вся контора, такъ и покатались со смѣху.

Жидъ на дыбы.

— Ежели, говорить, ваше благородіе, вы за меня не заступитесь, я выше пойду.

— Зачѣмъ не заступиться, заступлюсь, только начинай форменнымъ манеромъ. Подавай прошеніе на гербовой... да тамъ еще съ тебя придется... и надзиратель началъ высчитывать сколько придется съ жиды.

Жидъ призадумался. Денегъ было жалко. Надзира-

тель это видѣлъ, отвелъ его въ сторону да и говорить:

— Мирись, бери съ него два цалковыхъ на шляпу, выгоднѣе будетъ.

Такъ на двухъ рубляхъ и покончили.

А то такъ у насъ разъ шутку сшутили съ попомъ, да такую шутку, что линія цѣлую недѣлю со смѣху помирала. Зашелъ къ намъ разъ въ лавку попъ, простенькій изъ деревенскихъ, и зашелъ первымъ покупателемъ, а ужъ у рыночниковъ примѣта, ежели попъ зайдетъ съ почину, такъ цѣлый день торговли не будетъ. Крокодиловъ былъ въ лавкѣ и крѣпко на это разсердился, ругаться началъ, а Гаврило прикащикъ ему и говорить:

— Позвольте, Пудъ Стахичъ, я надъ нимъ штуку устрою.

— Крокодиловъ обрадовался. Устрой, говорить.

Попъ былъ въ верхней лавкѣ и покупалъ тамъ шапку. Гаврило сейчасъ наверхъ. Вбѣжалъ туда въ попыхахъ, прямо къ попу, да и говорить:

— Батюшка, спасайтесь!

Попъ поблѣднѣлъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Бѣда! Кто Богу не грѣшенъ царю не виновать! Грѣшнымъ дѣломъ, купили мы краденый товаръ и теперь внизу обыскъ, полиція нагрянула и ужъ всѣхъ молодцовъ перевязали. Сейчасъ придутъ и сюда! Спа-

сайтесь, Бога ради, а то и васъ за сообщника примутъ.

— Куда?

Попъ засуетился.

— Внизъ нельзя, потому на лѣстницѣ схватятъ. Пожалуйте вотъ сюда въ окошко, на галдарейной крышкѣ постоите.

Взялъ, выпустилъ его на крышу галлерей, да и заперъ окошко. Попъ очутился на крышѣ и началъ по ней бродить, а ужъ внизу на линіи сбѣжалась цѣлая толпа молодцевъ, указывала на него пальцами, хохотала и кричала: «Держи его! хватай»!

На крышѣ попъ пробылъ съ четверть часа и радъ-радъ былъ, что его наконецъ черезъ окно снова впустили въ лавку, такъ какъ съ крыши внизъ другого хода не было. Попадши въ лавку попъ безъ оглядки бросился изъ нее вонъ съ такою поспѣшностію, что даже забылъ принесенный съ собой кулекъ, въ которомъ находилось пять фунтовъ сахару, чай и прочая провизія.

По линіи онъ бѣжалъ во всю прыть, а молодцы кричали ему въ догонку: «держи его! Держи»!

Вотъ какъ шутили въ разбойничьемъ вертепѣ у Крокодилова.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ.

С. В. ЗВОНАРЕВА.

въ С.-Петербургѣ. На Невскомъ проспектѣ, противъ Аничкова дворца, домъ № 64 (Меньшикова), продаются:

СОБСТВЕННЫЯ ИЗДАНИЯ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО.

Съ портретомъ и біографіею автора, составленною Н. А. Благовѣщенскимъ. Второе, исправленное и дополненное изданіе. 2 т. Ц. 2 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Н. Г. Помяловскій (біографическій очеркъ) Вуколь. Мѣщанское счастье. Молотовъ. Очерки бурсы: 1) Зимній вечеръ въ бурсѣ. 2) Бурсацкіе типы. 3) Женихи бурсы. 4) Бѣгуны и спасенные бурсы. Неоконченныя сочиненія: 1) Махиловъ. 2. Данилушка. 3) Переходное время бурсы. 4) Андрей Оедоровичъ Чебановъ. (Изъ романа «Братъ и сестра»). 5) Порѣчане. 6) Братъ и сестра.

СОЧИНЕНІЯ МАРКА ВОВЧКА.

СОДЕРЖАНІЕ: **Т. I. Разказы изъ народнаго украинскаго быта:** Сестра.—Казачка.—Чумакъ.—Одарка.—Чары.—Сонъ.—Горпина.—Выкупъ.—Свекровь.—Отець Андрей.—Максимъ Гримачъ.—Дандло Гурчъ.—Глухой городокъ.—Институтка.—Тюлевая баба.—Павло Чоенокрылъ.—Лодащица.—Лемервина.—Два сына.—Три доли.—Пройди свѣтъ.—Зе подъ пару.—Сказки: Сказка о девяти разбойникахъ и о десятой сестрицѣ Галѣ.—Невольница.—Медвѣдь.—Кармелюкъ. **Т. II. Разказы изъ русскаго народнаго быта:** Надежда.—Маша.—Катерина.—Саша.—Купеческая дочка.—Игрушечка. Червонный Король.—Лихой человѣкъ.—Жили да были три сестры. *Письма изъ Парижа.*

Спб. 1870. Цѣна за два тома 3 р.

ГОДЪ НА СѢВЕРЪ.

С. Максимова. Третье дополненное изданіе. Спб. 1871.
Ц. 2 р. 50 к.

НА ВОСТОКЪ.

Поѣздка на Амуръ. Дорожныя замѣтки и воспоминанія. **С. Максимова.** Изданіе второе. Спб. 1871. Ц. 2 р. 50.

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. НЕКРАСОВА.

1 т., изданіе пятое. Спб. 1869 г. Ц. 5 руб., въ красивомъ перешлетѣ ц. 6 р. 50 к., отдѣльно т. 4-й ц. 2 р.

ФИЗИОЛОГІЯ ЧЕЛОВѢКА,

статическая и динамическая или условія и теченіе
человѣческой жизни.

Д. В. ДРЭПЕРА,

доктора медицины, доктора правъ, профессора химіи и физиологіи въ Ньюйорскомъ университетѣ, автора «Исторіи умственного развитія Европы», Гражданскаго развитія Америки» и пр. и пр. Переводъ съ седьмага англійскаго изданія, подъ редакціей доктора **Я. Дедюлина** и проф. **Н. Сорокина.**

Съ 300 рисунками въ текстѣ. 3 т. Спб. 1867—68. Ц. 5 р.

Физиологія Дрэпера представляетъ въ высшей степени оригинальное сочиненіе. Авторъ ея не ограничивается простымъ перечнемъ отдѣльных фактовъ и явленій органическаго міра, но старается привести ихъ въ стройную логическую систему, освѣтитъ ихъ свѣтомъ теоріи, соединить ихъ въ одно всеобъемлющее цѣлое, вытекающее изъ самаго устройства человѣка. Изъ этого можно видѣть, на сколько велика задача и цѣль, взятыя Дрэперомъ въ основу его сочиненія, вполне доступнаго по своему изложенію всей образованной публикѣ. Имя Дрэпера, столь извѣстное въ литературѣ, особенно по его «Исторіи умственного развитія Европы», уже само за себя говоритъ въ отношеніи исполненія этой задачи. Онъ приводитъ мысль о тождествѣ соціального міровозрѣнія и служащую краеугольнымъ камнемъ его теоріи, силу которой онъ соединяетъ въ одно всеобъемлющее цѣлый міръ органической съ міромъ соціальнымъ.

НОВАЯ АМЕРИКА.

Съ картою средней полосы Сѣверной Америки. Перев. съ англійскаго. В. Бутузовъ. Сиб. 1869. Ц. 2 р.

Соч. Вильяма Диксона.

СОДЕРЖАНІЕ. Часть I. Предисловіе. — Страна далекаго Запада. — Кровавый Кавказъ. — Береговая поста. — Луговые степи. — Индійцы луговыхъ степей. — Краснокожій. — Жизнь индійцевъ. — Общины краснокожихъ. — Индійскій вопросъ. — Городъ Равнинъ. — Мадамъ Монтинеръ. — Ясновидящій докторъ. — Правосудіе въ луговыхъ степяхъ. — Сіерра Мадре. — Горкій ручей. — Спускъ съ горы. — Новый Іерусалимъ. — Мормонскій театръ. — Храмъ. — Два пророка. — Бѣгство изъ неволи. — Водвореніе въ Утахъ. — Трудъ и вѣра. — Труды миссіонеровъ. — Догматы мормонской вѣры. — Свѣтскія правила. — Высшая политика. — Бракъ въ Утахъ. — Полигомическое общество. — Ученіе о многоженствѣ. — Великій расколъ. — Наложенія печати супружества. — Женщина на Соленомъ озерѣ. — Республиканская платформа. Часть II. Помѣстье для Сама. — Четыре расы. — Численное неравенство поковъ. — Лэди. — Скваутерскія женщины. — Женская политика. — Мужья и жены. — Семейный законъ. — Ливанская гора. — Шэкерскій союзъ. — Мать Анна. — Община воскресенія. — Духовныя Движенія. — Спиритизмъ. — Ясновидящія. — Равенство правъ. — Безвредные люди. — Возстаніе женщинъ. — Онеидскій ручей. — Святость. — Библейская семья. — Новыя начала. — Патагонія. — Южная Америка. — Обхожденіе. — Свобода. — Законъ и Правосудіе. — Политика. — Сѣверъ и Югъ. — Негры. — Возстановленіе Союза. — Единство.

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

И ЕЯ ВРЕМЕНИ (1789—1795 г.)

Соч. ГЕНРИХА ЗИБЕЛЯ.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею **В. Ососова** и **А. Путяты**. Два большихъ тома (4 части, 1,400 стр.). Спб. 1863 — 1858 гг. Ц. 6 р. Въ отдѣльной продажѣ цѣна 2 части 1 р. 75 к., 3 ч. 1 р. и 4 (последней) 1 р. 75.

СОДЕРЖАНІЕ: **Кн. I. Причины и первоначальный ходъ революціи.** Франція до революціи. Паденіе феодальнаго государства. Объявленіе правъ человѣка. Столица. Новыя формы внутренняго управленія. Ассигнаціи. **Кн. II. Непосредственное вліяніе революціи на Европу.** Положеніе средней Европы. Путь-зундъ и Рейхенбахъ. Паденіе духовенства. Государственно-экономическія обстоятельства. Окончаніе преній о новой конституціи. Колебанія австрійской и прусской политики. **Кн. III. Паденіе Французскаго Королевства.** Начало революціонной войны. Паденіе фольяновъ. Жирондистское министерство. Последнія усилія фольяновъ. 10-е августа. **Кн. IV. Походъ Шампани.** Военныя приготовленія въ Германіи. Господство Парижскаго Думскаго Совѣта. Выборы въ народный Конвентъ. Нападеніе Союзниковъ. Выступленіе изъ Франціи. **Кн. V. Начало Англо-Французской войны.** Общій обзоръ предъидущаго. Партіи во Франціи. Брюссель. Франкфуртъ. Лондонъ. Процессъ Бюдовика XVI. Начало англо-французской войны. **Кн. VI. Второй Раздѣлъ Польши.** Раздѣлъ Польши.—Приготовленія. Раздѣлъ Польши.—Окончаніе. Вторичное занятіе Бельгіи австрійцами, перемѣна ав-

стрийскаго министерства. **Кн. VII. Застой военныхъ дѣйствій.** Первый Комитетъ Общественнаго Спасенія. Война и дипломатическія интриги въ маѣ и апрѣлѣ. Паденіе жирондистовъ. Удаленіе Дантона. Польскія смуты. Распаденіе коалиціи. **Кн. VIII. Время террора во Франціи.** Временное правительство. Окончаніе похода 1793 года. Внутреннее управленіе. Раздоры партіи якобинцевъ. **Кн. IX. Побѣды Французской Республики.** Военныя приготовленія Франціи. Планы Россіи относительно Турціи. Возстаніе Польши. Битвы за Бельгію. **Третій Раздѣлъ Польши.** Паденіе Робеспьера. Взятіе Кракова. Взятіе Варшавы. Австрійско-русскій договоръ о раздѣлѣ. **Кн. X. Богемскій Миръ.** Паденіе якобинцевъ. Возстановленіе жирондистовъ. Базельскій миръ. **Кн. XI. Конецъ Національнаго Конвента.** Конституціонисты. Иностранная политика. Роялисты. Конецъ Конвенту.

„Г ДѢ Л У Ч Ш Е“

Романъ РѢШЕТНИКОВА.

Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1869. Ц. 2 р.

ПОДЛИПОВЦЫ

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ (ИЗЪ ЖИЗНИ БУРЛАКОВЪ).

Въ 2-хъ частяхъ. Соч. О. РѢШЕТНИКОВА. Спб. Ц. 1 р.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО НАРОДА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ

Д. Мордовцева.

СОДЕРЖАНІЕ: Томъ 1 й. Екатерининскіе дѣятели и пугачевцы.—Пугачевскій полковникъ Ивановъ.—Кто былъ умиритель пугачевщины. Томъ 2-й. Разбойническій атаманъ Беркруть.—Груня, атаманъ разбойниковъ. — Одинъ изъ Лжеконстантиновъ.—Типъ современной понизовой вольницы.—Безучастіе русскаго народа въ паденіи польши.—Южнорусскій народъ подъ польскимъ владычествомъ. Спб. 1870. Цѣна за оба тома 4 рубля.

ПОДЧИНЕННОСТЬ ЖЕНЩИНЫ.

Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *Марка Вовчка*, съ предисловіемъ *М. Цедриковой* и приложеніями: писемъ О. Конта къ Миллю по женскому вопросу и рѣчи Я. Брайта, произнесенной въ Эдинбургѣ, 16 февраля 1870 г. о дарованіи избирательныхъ правъ женщинамъ. Изданіе второе, исправленное. Спб. 1870 г. Ц. 1 руб.

Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ея время. (1701 — 1791).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ, СОСТАВЛЕННЫЙ ПО АРХИВНЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ
М. Д. Хмыровымъ.

Спб. 1867. Ц. 1 р. 50 к.

Книга эта содержитъ въ себѣ двѣ раздѣльныя части:
1) картину русскаго барскаго быта въ XVI и XVII сто-

лѣтіяхъ и 2) біографическій очеркъ графини Е. И. Головкиной, урожденной княжны Ромодановской, въ связи съ описаніемъ времени, въ которое она жила. Дочь и внучка пресловутыхъ «Князей Цесарей», пользовавшихся (особенно дѣдъ графини) исключительнымъ правомъ держаться формъ стариннаго русскаго быта въ эпоху преобразованія этого быта геніальнымъ Петромъ; графиня Е. И. Головкина представляетъ едва-ли не единственный примѣръ русской женщины, воспитывавшейся подъ непосредственнымъ вліяніемъ и стараго и новаго порядка вещей на Руси. Цѣлью автора было—сопоставить оба эти порядка въ ихъ взаимодѣйствіи на одну и ту же женскую личность и познакомить читателей съ однимъ изъ свѣтлыхъ, отрадныхъ типовъ русской аристократки XVIII вѣка. Графинѣ Е. И. Головкиной было предоставлено выбрать одно изъ двухъ: или наслаждаться свободною и роскошною жизнію, пользуясь почетомъ и всеобщимъ уваженіемъ, но въ разлукѣ съ мужемъ, или слѣдовать за нимъ въ далекую, тяжелую ссылку на востокъ Сибири, и тамъ, при всѣхъ лишеніяхъ, раздѣлить участь государственнаго преступника. Графиня отвѣчала: «на что мнѣ почести, богатство, когда не могу раздѣлить ихъ съ другомъ моимъ?» и свято выполнила она до конца священнѣйшія обязанности жены и друга. Такой подвигъ заслуживаетъ глубокаго уваженія, а совершившая его возбуждаетъ къ себѣ справедливое сочувствіе.

Исторія Чешскаго Королевства.

Соч. Томка.

Переводъ съ чешскаго подъ ред. В. Яковлева, Спб. 1868.

Ц. 2 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ ЛОРДА БАЙРОНА,
ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.
ИЗДАННЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ Н. В. ГЕРБЕЛЯ.

Пять томовъ. Спб. 1864 — 1867. Цѣна 6 р. 75 коп.
Томы 2 и 3 продаются отдѣльно по 1 р. 25 к. Т. 4 и
5 (закрывающее въ себѣ «ДОНЪ ЖУАНЪ»), 3 р.

СЛОВАРЬ

**ОСОБЫХЪ СЛОВЪ, ФРАЗЪ И ОБОРОТОВЪ АНГЛІЙСКАГО
НАРОДНАГО ЯЗЫКА.**

и

**УПОТРЕБИТЕЛЬНѢЙШИХЪ АМЕРИКАНИЗМОВЪ, НЕ
ВВЕДЕННЫХЪ ВЪ ОБЫКНОВЕННЫЕ СЛОВАРИ.**

Настольная книга для изучающихъ англійскій языкъ, для
переводчиковъ и читателей англійскихъ литературныхъ про-
изведеній. Сост. **В. Бутузовъ**. Спб. 1867. Ц. 1 р. 50.

ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ.

Сочиненіе ЖЮЛЯ ВЕРНА съ 60 рисунками худож. Ріу,
переводъ **МАРКА ВОВЧКА**. Спб 1871. Ц. 2 р. 50.

**ПРИКЛЮЧЕНІЯ КАПИТАНА ГАТРАСА.
НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.**

Сочиненіе **ЖЮЛЯ ВЕРНА**.

Съ 259 рисунками художника Ріу. Переводъ *Марка
Вовчка*. Спб. 1870 г. Ц. 3. 3 р. 50 к.

Книга эта заключаетъ въ себѣ самую полную картину
полярнаго міра, со всѣми его особенностями и чудесами,

со всѣми необходимыми трудностями, съ которыми соединяется странствованіе среди полярныхъ льдовъ. Здѣсь вы найдете и борьбу корабля съ ледяными утесами, и борьбу капитана съ возмущившимися матросами, и борьбу съ бѣлыми медвѣдями путешественниковъ, почти погребенныхъ среди льдовъ и снѣговъ; наконецъ, борьбу съ холодомъ, голодомъ и цынгою. Все это изложено въ видѣ увлекательнаго разсказа о странствіи отважнаго героя капитана Гатраса, положившаго, во что бы то ни стало, достигнуть сѣвернаго полюса. Книга читается съ такимъ возрастающимъ интересомъ, что разъ принявшись читать, трудно дѣлается оторваться даже взрослому человѣку, хотя, факты, сообщаемые въ ней, не представляютъ ничего особенно новаго и неизвѣстнаго для взрослога. Она заключаетъ въ себѣ бездну элементарныхъ свѣдѣній, астрономическихъ, физическихъ и естественно-научныхъ, но всѣ эти свѣдѣнія такъ искусно разбросаны среди разсказа, такъ кстати и къ мѣсту приводятся, что, не утомляя вниманія, запоминаются очень легко, тѣмъ болѣе, что сообщеніе ихъ соединяется постоянно съ какимъ нибудь приключеніемъ, въ которомъ они играютъ или другую роль, и при этомъ путешественники разговариваютъ между собою о наблюдаемыхъ фактахъ, объясняя ихъ такъ или иначе. Въ то же время вы не найдете въ книгѣ ни малѣйшей сентиментальности, и той приторной, пошлой морали, безъ которой рѣдко обходятся дѣтскія книжки. Напротивъ того, нравственный элементъ книги самый здоровый и полезный для дѣтей: онъ весь сосредоточивается въ капитанѣ Гатрасѣ, въ которомъ рисуется передъ нами энергическій, отважный герой до самозабвенія, преданный своей идеѣ, обращающейся въ пожизненную страсть. Это тотъ же Христофоръ Колумбъ, обрисованный рѣзкими, типическими чертами. Не менѣе художественно изображенъ сангвиническій докторъ

Клоубони, веселый, невозмутимый, съ шуточками и остро-
тами встрѣчающій всякую опасность и лишеніе, но каждую
минуту готовый протянуть руку помощи всякому несчаст-
ному. Книга преисполнена хорошими политипажами, встрѣ-
чающимися на каждой страницѣ. Мы убѣждены, что она
доставитъ дѣтямъ много интереса и пользы, и будетъ столь
же любимой книгою въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ Робин-
сонъ Крузэ или похождение Гулливера.

(Отечеств. Записки 1869 г. № 12).

Совершенно тоже можно сказать и о книгахъ: **Дѣти Ка-
питана Гранта» и 80 тысячъ верстъ подъ
водой**, произведеній того же автора.

ДѢТИ КАПИТАНА ГРАНТА.

Кругосвѣтное путешествіе.

Соч. ЖЮЛЯ ВЕРНА.

Въ 3-хъ частяхъ, съ 172 рисунками РІУ.

ПЕРЕВОДЪ МАРКО ВОВЧКА.

Второе изданіе. Спб. 1871 года. Цѣна 3 руб. 50 к.;
въ красивомъ переплетѣ 4 руб. 50 коп.

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ ПОДЪ ВОДОЙ.

Путешествіе подъ волнами океана.

Сочиненіе ЖЮЛЯ ВЕРНА. Со 112 рисунками худож.
РІУ. Перев. МАРКО ВОВЧКА. Второе изданіе Спб. 1871.
Ц. 3 р. 50 к., въ красивомъ переплетѣ 4 р. 50 к.

БОТАНИКА МОЕЙ ДОЧЕРИ.

Сочиненія Ж. Неро и Ж. Маса.

Съ 267 рисунок. художн. Ляльмана. Перев. МАРКО
ВОВЧКА. Спб. 1870 г. Ц. 2 р.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ РОМЕНА КАЛЬБРИ.

Соч. Гектора Мало.

Съ 42 рисунок. художн. Баярка. Перев. МАРКО ВОВЧКА.
Спб. 1870 г. Ц. въ пацкѣ 3 р.

ИСТОРИЯ

ЧЕРЕЗЧУРЪ ДОБРОЙ СОБАКИ.

Соч. ШЕРВИЛЯ.

Переводъ МАРКО ВОВЧКА, съ 54 рисунок. парижскаго
художн. *Андрье*. Спб. 1870 г. Ц. въ пацкѣ 2 р.

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА

ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

Соч. А. ЧЕРКАСОВА.

Большой томъ, сорокъ пять печатныхъ листовъ, въ 8-ю
долю, съ рисунками, Ц. 3 р.

Заключающія въ себѣ: нѣкоторыя замѣчанія, касающіяся
собственно технической части охоты; описаніе различныхъ
звѣрей, обитающихъ въ необъятныхъ лѣсахъ и степяхъ во-
сточной Сибири, также способы добыванія ихъ всевозмож-

нымъ образомъ, съ показаніемъ устройства употребляемыхъ для того охотничьихъ снастей, и нѣкоторыя замѣчанія о сибирской природѣ и сибирскихъ охотникахъ, съ ихъ бытомъ, суевѣріями и привычками.

Книги пріобрѣтенныя въ большомъ количествѣ экз.:

НѢМЕЦКІЕ ПІОНЕРЫ.

(Разсказъ изъ временъ прошлаго столѣтія). Романъ Фридриха Шильгагена. Спб. 1871 г. Ц. 1 р.

РАЗСКАЗЫ И. С. ДЕНСЛЕРА.

Просмотрѣнные и дополненные. Содержаніе: Гаванскіе чиновники. — Куллербергъ. Спб. Ц. 75 коп.

Д Ж О Н Ъ Б Р Е Н Т Ъ

Романъ Т. ВИНТРОПА.

Рецепты Доктора Меригольда.

Святочный разсказъ **Диккенса.**

DE PROFUNDIS.

Повѣсть **В. Джильберта.**

Спб. 1866. Цѣна (за одинъ романъ, повѣсть и разсказъ, сбошюрованные въ одинъ томъ) 2 р. 50 к.

ИСТОРІЯ КРЕСТЬЯНИНА.

1789—1792.

ч. 1-я ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ И 2-я ОТЕЧЕСТВО ВЪ ОПАСНОСТИ.

Сочиненіе **Эркмана Шатріана**, переводъ **Марко Вовчка**. Большой томъ съ рисунками. Спб. 1870. Ц.
3 р. 50 к.

ч. 3 «первый годъ республики» и 4 гражданинъ бонапартъ»
Цѣна 3 р. 50 к.

Сочиненія А. П. Островскаго.

5 т. Спб. 1867, 1868 и 1870 гг. Ц. 8 р. 50 к.,
отдѣльно томы 3 и 4 й—3 р. 50 к.

ЭМИЛІЯ ВЪ АНГЛІИ.

Романъ ДЖ. МЕРЕДИФА. Спб. 1865. Ц. 2 р.

КАРТИНЫ

изъ

Землеописанія и жизни народовъ.

Спб. Ц. 1 р.

Главные минеральныя воды Европы.

Соч. **Ротиро**. Спб. Ц. 2 р.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ РАЗСКАЗЫ
И ПРАВООПИСАНІЯ.

Четыре тома съ рисунками. Спб. Ц. 4 р.

ШИЛЛЕРЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Изд. подъ редакцію Н. В. ГЕРБЕЛЯ. 8 т. Спб. 1870
г. Ц. 10 р.

ВОЗМУТИТЕЛЬНЫЙ БРАКЪ.

Романъ АНДРЕ-ЛЕО. Перев. съ франц. МАРКО ВОВЧКА.
Спб. 1867. Ц. 1 р. 20 к.

ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ

И ПИСЬМА О ПРОВИНЦИИ

М. САЛТЫКОВА (ЩЕДРИНА). Спб. 1869. Ц. 2 руб.
50 коп.

Пиво и его приготовление

Соч. Н. Витта, съ прибавл. отдѣльной статьи. **Соображенія о русскомъ пивовареніи.** Спб. 1863. Ц.
1 р. 50 к.

ОЧЕРКИ ПРИРОДЫ.

Г. ВАГНЕРА. Перев. съ нѣмецкаго съ картинами. М.
1868. Ц. 1 р. 25 к.

ОЧЕРКЪ СТАТИСТИКИ

НАРОДОВЪ И ГОСУДАРСТВЪ.

по Кольбу, составленный В. Покровскимъ. Спб. 1868.
Цѣна 1 р

ДЖЕССИ БАУЧЕРЕТЪ,

Самодѣтельность Женщины,

ПЕРЕВ. СЪ АНГЛ. **Н. Кутейникова.**

Спб. 1867. Ц. 1 р.

СОДЕРЖАНІЕ: Польза самодѣтельности для женщинъ вообще. — Настойчивость въ трудѣ. — Качества дѣловыхъ женщинъ. — Выборъ занятій и переселеніе. — Долгъ и независимость. — Деньги; какъ ихъ должно тратить, какъ ихъ должно беречь. — Самодѣяніе. — Сила примѣра. — О вліяніи одного человѣка на другихъ. — Женскія общества взаимнаго вспоможенія. — Трудъ разсудка и трудъ сердца.

К. Ф. ШЛОССЕРЪ.

Исторія Восемнадцатаго Столѣтія и Девятнадцатаго до паденія французской имперіи.

Съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы.

Цѣна за 8 томовъ 10 р.

Новые способы холоднаго очищенія вина и спирта.

Съ рецептами, какъ приготовлять въ нѣсколько часовъ разныя ароматическія настойки; а также правила, какъ приводить спиртъ изъ градусовъ одной крѣпости въ градусы другой. Составилъ **А. Касперсонъ**. Съ приложеніемъ 15 рисунковъ Ц. 60 к., в. 1 ф.

ШЕКСПИРЪ ВЪ ПЕР. РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Изд. **Некрасова** и **Гербея**. 4 тома Спб. 1865—68.

Ц. 14 р.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ, СЪ ПОРТРЕТОМЪ А. С. ПУШКИНА.
2-е изд. Спб. 1865. Цѣна 50 к. въ красивомъ переплетѣ 1 р.

ДАРВИНЪ И ЕГО ЗАКОНЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ ВАГНЕРА.

Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. *Андреевскаго*. Спб.
1870. Ц. 50 к.

НЕДОРАЗУМІЕНІЕ

Повѣсть въ трехъ частяхъ ДАНКЕВИЧА.
Спб. 1869. Ц. 2 р.

РУКОВОДСТВО

КЪ ЧАСТНОЙ ПАТОЛОГИИ И ТЕРАПИИ ЖЕНСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ.
Профессоровъ Ф. А. Кивиша и Ф. В. Сканцони. 3 т.
Спб. Ц. 4 р. 50 к.

ФИЗИОЛОГІЯ ВКУСА.

Сочиненіе Брилья-Саварена, переведенное на нѣмецк. языкъ
и дополненное Карломъ Фохтомъ, съ приложеніемъ пяти
статей Либиха и одной Лемана (переводъ съ нѣмецкаго).
Цѣна 2 р.

Руководство къ изученію дѣтскихъ болѣзней.

съ предварительными наставленіями о гигиенѣ, физическомъ
воспитаніи дѣтей. Проф. Э. Бушю. Спб. Ц. 3 р.

Рисунки къ стихотвореніямъ Н. А. Некрасова
Двѣ тетради работы художниковъ ІЕВЛЕВА и ЛЕБЕДЕВА.
Ц. 2 р.

И С Т О Р І Я
ОДНОГО ГОРОДА.

М. Е. Салтыкова (Щедрина) Спб. 1871 г. Цѣна 1 р.
50 к.

ХИРУРГИЧЕСКАЯ ПАТАЛОГІЯ.

Профессора Нелатона. 5 т. Спб. Ц. 8 р. 50 к.

Учебникъ Географіи для низшихъ и среднихъ
учебныхъ заведеній.

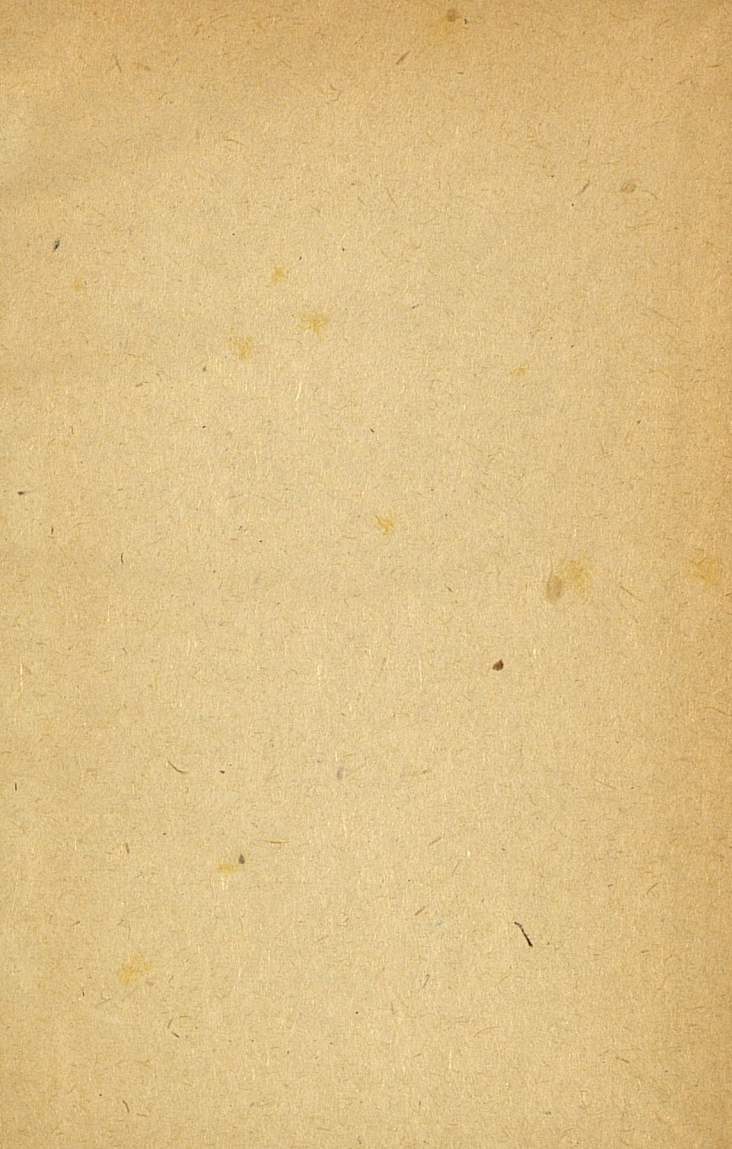
съ 3 награв. картами и 5 таблицами. Сост. **В. Смя-**
ровскій. Спб. 1870 г. Ц. 1 р. 50 к.

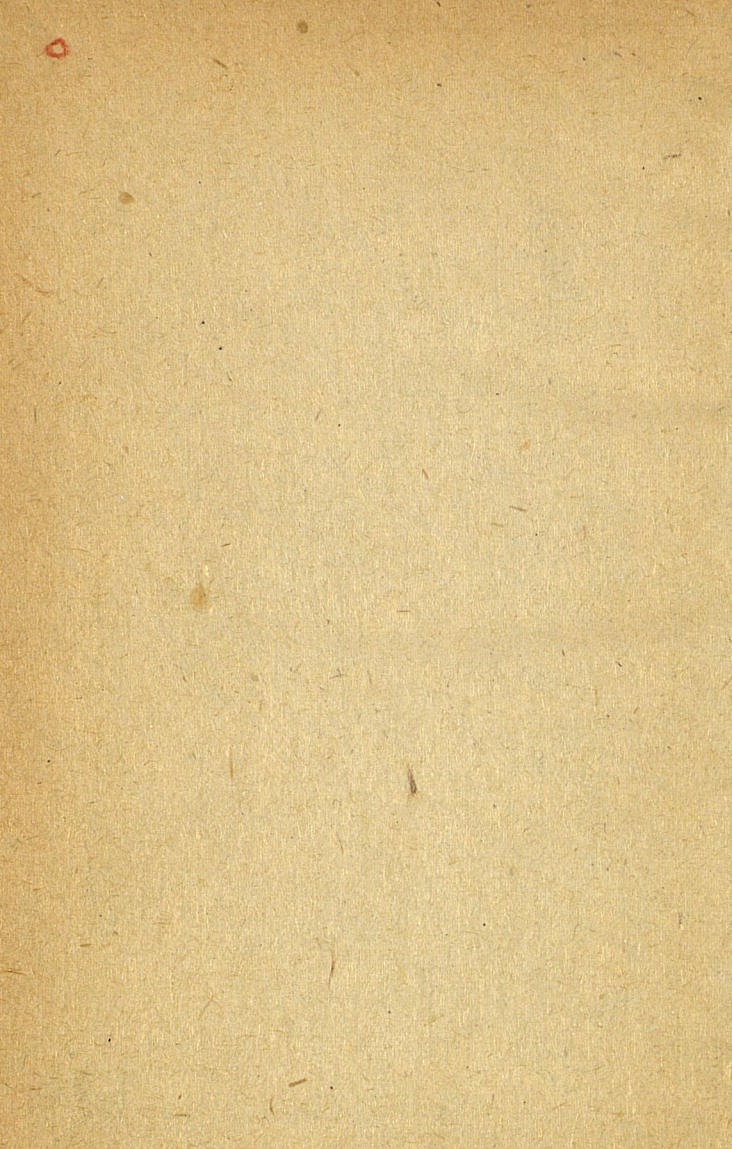
Кромѣ упомянутыхъ книгъ, магазинъ высылаетъ гг. ино-
городнымъ все вообще книги, какъ прежде изданныя,
такъ и вновь выходящія, по цѣнамъ гдѣ бы и къмъ бы
то ни было опубликованнымъ. Требованія исполняются не-
медленно.

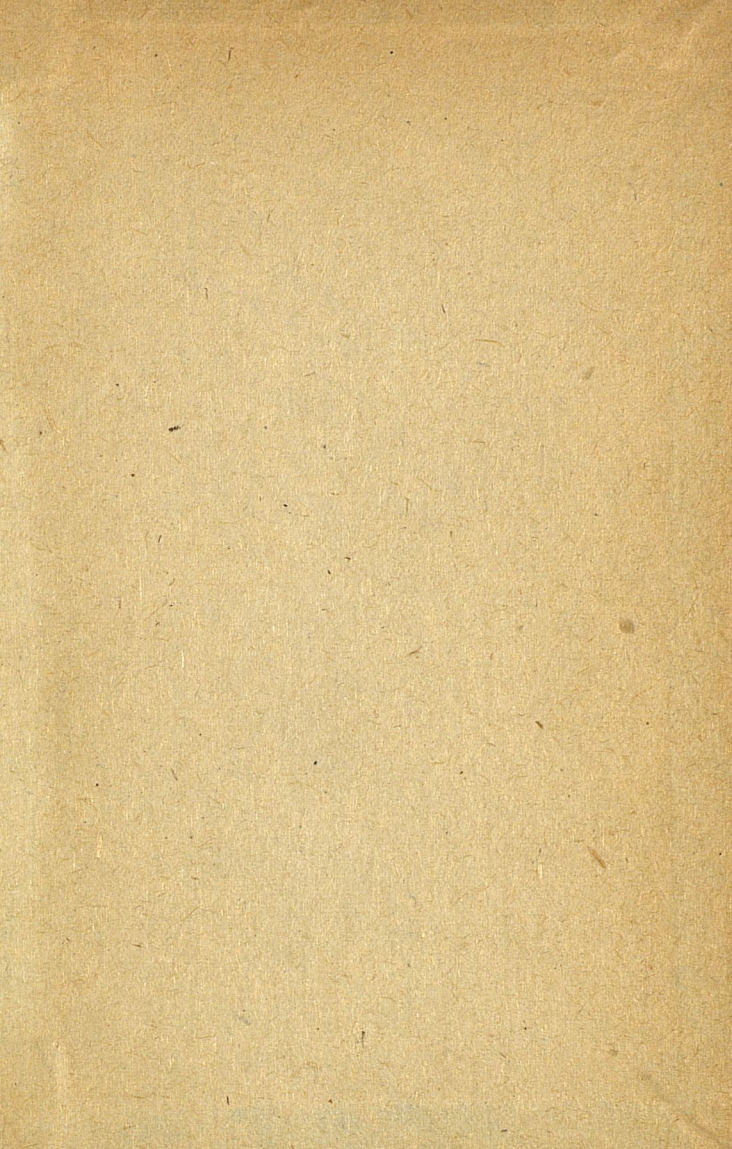
12

6

Цѣна 1 р.

2007084375